

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ**
юридического факультета
Выпуск 32 (42)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

ББК 67
У91

Председатель редакционной коллегии
ректор СПбГЭУ, д. э. н. **И. А. Максимцев**

Научный редактор
декан юридического факультета, д. ю. н. **А. А. Ливеровский**

Редакционная коллегия:

д. п. н., проф. **В. А. Ачкасов**, д. ю. н., проф. **Г. Г. Бернацкий**,
д. э. н., д. ю. н., проф. **М. Н. Бродский**, д. ю. н., проф. **Г. П. Ермолович**,
д. ю. н., проф. **М. И. Клеандров**, д. ю. н., проф. **В. А. Кряжков**,
д. ю. н., проф. **В. В. Мамонов**, к. ю. н., проф. **М. А. Митюков**,
д. ю. н. **А. Б. Новиков**, д. ю. н., проф. **В. А. Сапун**, д. ю. н.,
проф. **А. П. Сергеев**, д. ю. н., проф. **В. И. Тюнин**

Ответственный секретарь
к. т. н., доцент **В. Н. Антонов**

У91 Ученые записки юридического факультета. Вып. 32 (42) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2014. – 96 с.

Первый выпуск журнала «Ученые записки» Института права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов вышел в 1999 году. До 2004 года было опубликовано 10 выпусков журнала. В июне 2004 года журнал зарегистрирован как средство массовой информации под названием «Ученые записки юридического факультета». В журнале печатаются работы, посвященные теоретическим исследованиям в различных отраслях права и анализу юридической практики.

Подписной индекс по каталогу агентства «ПРЕССИНФОРМ» — 46705.

Учредитель издания — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-57278.
ББК 67

ISSN-1563-2547

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Теоретические исследования

<i>Клюканова Л. Г.</i> Проблема поиска научной парадигмы в теории науки экологического права	5
<i>Остапович И. Ю.</i> Перспективные направления совершенствования законодательства о судебном конституционном контроле в Российской Федерации	18
<i>Фомин А. А.</i> Финансовая безопасность и ее правовое обеспечение в современной России	26

Раздел 2. Юридическая практика

<i>Гольцов В. Б.</i> О классификации форм взаимодействия и сотрудничества в правоохранительной системе	30
<i>Дубровская И. И.</i> Характеристика правового института «обязательства, срок исполнения которых определен моментом востребования» в современном российском праве	36
<i>Дятлов С. А.</i> Актуальные международные аспекты регулирования и защиты прав интеллектуальной собственности.....	43
<i>Иванов И. И.</i> К вопросу о понятии профилактической функции уголовно-процессуального права	48
<i>Уткин Н. И., Муталиева Л. С.</i> Финансово-правовые аспекты защиты права собственности в условиях чрезвычайных ситуаций.....	59

Раздел 3. Конференции и семинары

<i>Бернацкий Г. Г.</i> Право или религия: конфронтация или союз.....	64
<i>Ливеровский А. А.</i> Круглый стол: «Религиозные основы правосудия».....	67
<i>Миронов А. А.</i> Каноническая система православия как исторический пример религиозно-философского правопонимания в его сравнении с естественным и позитивистским.....	68
<i>Мосин Е. Ф.</i> Роль этических и философско-правовых доктрин Ветхого и Нового заветов в истории формирования налоговых парадигм.....	75

Part 1. Theory of law

Klyukanova L. G. The problem of searching of the scientific paradigm in the theory of science of environmental law	5
Ostapovich I. Y. Perspective directions of improvement of legislation on judicial constitutional control in Russian Federation.....	18
Fomin A. A. Financial safety and its legal support in modern Russia.....	26

Part 2. Legal practice

Goltsov V. B. Classification of forms of interaction and cooperation in law enforcement system.....	30
Dubrovskaya I. I. Characteristics of legal institutions «liabilities, which deadlines determined by the moment of demand» in contemporary Russian law.....	36
Dyatlov S. A. Relevant international aspects of protection and regulation of intellectual property rights.....	43
Ivanov I. I. About the notion of the preventive function of criminal-procedural law	48
Utkin N. I., Mutaliev L. S. Financial and legal aspects of protection of the property right in the conditions of emergency situations.....	59

Part 3. Conferences and seminars

Bernatsky G. G. Right or religion: confrontation or union.....	64
Liverovskiy A. A. Round table: «Religion basis of justice».....	67
Mironov A. A. Canonical system of orthodoxy as a historical example of religious-philosophical comprehension of law in its comparison with natural and positivist	68
Mosin E. F. Role of ethical and philosophical legal doctrine of old and new testaments in history tax paradigm	75

Раздел 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. Г. Клюканова
L. G. Klyukanova

ПРОБЛЕМА ПОИСКА НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ В ТЕОРИИ НАУКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

THE PROBLEM OF SEARCHING OF THE SCIENTIFIC PARADIGM IN THE THEORY OF SCIENCE OF ENVIRONMENTAL LAW

Современное глобальное информационное общество, являясь в то же время и обществом потребления, во многом сориентировано на необходимость неуклонно и постоянно повышать свой жизненный уровень, в первую очередь за счет природных ресурсов. Отмечается, что господство городской и индустриальной среды – уже в геополитическом аспекте – привело к новому дефициту: пространства и времени¹, чистого воздуха, зеленых насаждений, питьевой воды, тишины. Блага природного происхождения, некогда бесплатные и количественно, да и качественно неограниченные, сокращаются или даже становятся предметами роскоши, в то же время наблюдается рост предложений в сфере промышленных благ и услуг². Одновременно с этим современная постиндустриальная цивилизация оказалась в социальном, политическом, культурном и информационном пространстве, где утрачиваются устойчивость и стабильность, зато проявляются нелинейные тенденции и эффекты развития, а темпы исторических перемен, глобальные и локальные вызовы современности стремительно нарастают. Эта ситуация требует все более неординарного социально-философского и юридического осмысления³ – и индивид уже осознает недостаточность содержания своих состоявшихся – закрепленных и гарантируемых государством и мировым сообществом прав на благоприятную окружающую среду, на здоровье и его охрану – под угрозой оказывается, например, его право на пространство, на генетическую неизменность собственного вида и др. Опасность неустойчивого развития заставляет современную юридическую науку обратиться к философско-мировоззренческим представлениям и позициям, а также к поискам новой научной парадигмы, которая, возможно, могла бы быть более эффективна, нежели приоритетно господствующая рационалистическая позитивистская – целенаправленно стремящаяся к линейному прогрессу во всех областях, ведь ряд современных ученых⁴ считает, что человечество уже поставлено перед угрозой

© Л. Г. Клюканова, 2014

¹ Пространство и время представляют собой всеобщие формы существования материи и ее важнейшие атрибуты, но при этом современная философия признает такие формы существования социального бытия, как «социокультурное пространство», «социальное пространство» и «социально-историческое время» (Сорокин П. Социальная стратификация и социальная мобильность // Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 302–373; Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 455–491).

² Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. С. 58.

³ Ельчанинов М. С. Структурно-синергетическая концепция социодинамики России. Дис. ... д-ра филос. наук. Самара, 2009. С. 2.

⁴ Петров В. В. Экологическое право России. Учебник для вузов. М., 1995. С. 2–9; Ерофеев Б. В. Экологическое право России. Учебник. М., 2007. С. 3.

жизни в условиях все нарастающего экологического кризиса⁵, который может превратиться в кризис всей цивилизации.

И по мере выявления новых проблем государства – в лице органов законодательной, исполнительной и судебной власти – предпринимают надлежащие шаги по обеспечению правового регулирования в этих новых сферах во имя осуществления экологического правопорядка⁶ и неуклонного соблюдения экологических прав человека и гражданина, во имя обеспечения общественного прогресса. Так, возникновение экологического права как составного элемента российской правовой системы явилось не только закономерным, исторически и юридически оправданным и необходимым явлением с точки зрения развития права в современных условиях трансформации социально-экономических отношений, но и наглядным подтверждением создания и развития механизма реализации фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, исполнения Российской Федерацией своих международно-правовых обязательств, а также упрочения принципов устойчивого развития в эпоху глобализации.

При этом устоявшиеся представления об индивидуальном и общественном прогрессе, применительно к понятиям качества окружающей среды, потребности в энергетике, условиям, обеспечивающим индивиду здоровый образ жизни, хотя и нуждаются в качественном переосмыслении – уже могут трактоваться самыми различными способами – при том, что именно потребности общественного прогресса определяют формирование соответствующих социальных и правовых институтов и обосновывают одну из характеристик научного знания. Не следует забывать и то, что такое понятие, как прогресс⁷, традиционно воспринимаемое как тип направления развития от низшего к высшему, как поступательное движение от менее совершенного к более совершенному, – ценностно может быть как очень сложным, так и нейтральным, т. е. не всегда связанным с этическими или культурными ценностями: это может быть техническое или технологическое усовершенствование, используемое в сугубо практических целях и без учета тех негативных последствий для окружающей среды, которые могут наступить (так, при общем росте промышленного производства порядок утилизации бытовой техники или автомобилей в Российской Федерации явно нуждается в дополнительном правовом регулировании – Европейский Союз, например, в этом отношении разработал достаточно развернутый механизм⁸).

Вполне оправданной, на наш взгляд, является тенденция воспринимать прогресс как «процесс рационализации, в котором сложно взаимодействуют так называемая формальная и субстанциальная рациональности. Первая ориентирована исключительно на критерии эффективного достижения цели, независимо от природы целей, в то время как для субстанциальной рациональности существенным является согласование природы цели с такими базовыми человеческими ценностями, как счастье, добро, справедливость»⁹.

⁵ «Экологический кризис мы можем определить как нарушение равновесия в экологических системах и в отношениях человеческого общества с природой. Он характеризуется, в частности, тем, что человек, общество и государство неспособны преломить тенденцию ухудшения состояния окружающей среды» (Бринчук М. М. Экологическое право. Учебник для высших учебных заведений. М., 2010. С. 6).

⁶ Экологический правопорядок (или «правопорядок в области охраны окружающей среды» – в преамбуле Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (Российская газета. 2002. 12 янв.) в основном рассматривается как система экологических правоотношений по реализации требований экологического законодательства (Боголюбов С. А. Экономико-правовые проблемы охраны окружающей среды // Законодательство и экономика. 2009. № 7. С. 79–81). В ряде случаев экологический правопорядок трактуется как фактическая реальность взаимоотношений природы и общества, как фактическое и правовое условие жизни и деятельности нынешнего и будущих поколений людей (Духно Н. А. Теоретические проблемы обеспечения экологического правопорядка. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 10–30); или же как «состояние системы межсубъектных отношений субъектно-объектных связей в сфере взаимодействия общества и природы, осуществляемых в заданных правом параметрах, призванных обеспечить способность окружающей природной среды выступать материальной основой существования социосферы» (Ращупкина Л. В. Экологический правопорядок: Общетеоретический анализ. Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 5).

⁷ От лат. *progressus* – движение вперед, успех.

⁸ Директива 1999/31/ЕГ Европейского Совета от 26 апреля 1999 г. о полигоне для складирования отходов // АВ1. L 182 от 16 июля 1999 г., с. 1; Директива 2000/76/ЕГ Европейского парламента и Совета от 4 декабря 2000 г. о сжигании отходов // АВ1. L 332 от 28 декабря 2000 г., с. 91; и др.

⁹ Моисеев В. И. Синергетические образы социального логоса // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 95–96.

Развитие технико-экономического прогресса и структур потребления обуславливает все возрастающая потребность в индивидуальных и коллективных благах. Но вместе с тем неизбежно происходит и деградация среды обитания человека – причем как коллективной, так и индивидуальной: загрязнение атмосферного воздуха, сокращение объемов питьевой воды, рост шумового и пылевого воздействия, уничтожение природных ландшафтов, истощение энергоресурсов, происходящие во имя увеличения промышленного роста (обеспечивающего массовое производство и высокий уровень жизни людей), могут приводить к физическому и психическому расстройству здоровья индивидов. Кроме того, ныне живущие поколения людей создают потенциальный дефицит энергии естественного происхождения для будущих поколений – возникает и этическая проблема ценности жизни нынешних и будущих поколений. Помимо прочего, возможен не только вред здоровью, не только вред, наносимый окружающей среде, но даже «культурный вред», который также обязан техническим результатам рационализации и массового производства и который и вовсе не поддается строгому подсчету¹⁰. В данном случае уместно, на наш взгляд, обратиться к понятию «экология культуры»¹¹ – введенному академиком Д. С. Лихачевым, рассматривавшим экологию как науку, состоящую из двух разделов: экологии биологической и экологии культурной. Природа, подчеркивал академик, – это общечеловеческая ценность, хотя современное к ней отношение зачастую эгоистическое и всегда деятельное. Очевидно, что «кислые дожди в Петербурге разрушают одновременно в Летнем саду и мраморные статуи XVII–XVIII веков, и окружающие их деревья»¹². Разумеется, открытость и координация автономности существования таких систем, как природа, общество, культура и право, несомненно, связаны с устойчивой созидательной деятельностью человека, его аналитическими и волевыми возможностями, духовными устремлениями и эмоциями, способностью накапливать разные виды ресурсов (в том числе интеллектуальные и информационные), стремлением к развитию, а также с социальной активностью. Охрана окружающей среды составляет неотъемлемую часть процесса развития (в том числе правового, информационного и др.) и не может рассматриваться в отрыве от него. Механизм устойчивого развития предусматривает формирование комплексного и универсального подхода, регулирующего и развитие социально-технического прогресса, и охрану окружающей среды во благо ныне живущего и будущих поколений людей. Восприятие и реализация концепции устойчивого развития¹³ – программы действия всего мирового сообщества на современном этапе, т. е. гармоничного экономического, политического, социального и культурного развития в условиях благоприятной окружающей среды, – возможны только при проведении достаточно широкого комплекса действий, сориентированных на ноосферное развитие¹⁴. При том, что

¹⁰ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. С. 45.

¹¹ Лихачев Д. С. Экология культуры // Памятники Отечества. М., 1980. № 2. С. 10–16.

¹² Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 98.

¹³ Закрепленная в нормах права модель устойчивого развития является формой регулирования социальной ответственности современного общества и государства за создание условий для будущих поколений удовлетворять разнообразные потребности – физиологические, экономические, духовные и иные – в процессе взаимодействия с природой. Концепция устойчивого развития получает закрепление и развитие в российском законодательстве об окружающей среде. Необходимость ее разработки и реализации в РФ предусмотрена, в первую очередь, в двух специальных указах Президента РФ: № 236 от 4 февраля 1994 г. «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» (САПП. 1994. № 6. Ст. 436) и № 440 от 1 апреля 1996 г. «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (СЗ РФ. 1996. № 15. Ст. 1572). См. также: Декларация ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. // Международное публичное право. Сб. документов. Т. 2. М., 1996. С. 132–135; Бекяшев К. А. О роли ООН в кодификации и прогрессивном развитии международного экологического права // Труды Московской государственной юридической академии. 1997. № 3. С. 146–152.

¹⁴ Учение о ноосфере несет в себе огромный потенциал. Странники этого учения исходят из понятия о ноосфере как о сфере взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится главным, определяющим фактором развития. По признанию теоретиков права, учение о ноосфере может служить научной и философской основой юридического мировоззрения в будущем. «Под влиянием научной мысли и человеческого труда, – писал В. И. Вернадский, – биосфера

программа устойчивого развития, безусловно, приводит к глобализации в методах оценки экологических проблем, к согласованному и, может быть, даже к единообразному подходу к их решению, – сохранение, защита, восстановление здоровья и целостности экологической системы нашей планеты являются первоочередными задачами программы, и государства несут общую, но дифференцированную ответственность в случае ухудшения состояния глобальной окружающей среды. В технологическом пространстве концепция устойчивого развития означает, в первую очередь то, что человечеству необходимо изменить комплекс системообразующих технологий потребления на высокие гуманитарные технологии и нанотехнологии¹⁵.

Таким образом, совершенно очевидной становится необходимость не только того, чтобы разрабатывать природосберегающие и безотходные технологии, создавать альтернативные источники энергии, модернизировать очистные сооружения, придумывать механизмы очистки и опреснения воды, усовершенствовать продовольственные программы за счет создания безопасных технологий, – но абсолютно необходимым становится учет системных эффектов, обусловленных внедрением ноосферного способа действий личности, общества в самом широком его понимании и государства. Необходим новый, экологически обусловленный выбор направления развития общества и личности, а это означает, что одной из целей современной цивилизации становится выработка функционально ориентированного и предметного экологического мышления, основанного и на математическом моделировании, и на стратегическом прогнозировании уровня потребления ресурсов, и на четко сформулированных природоохранных целях и задачах. Именно эти приоритеты и сформулированы в настоящий момент перед экологическим правом как межотраслевой комплексной отраслью российской правовой системы, регулирующей общественные отношения по поводу использования и охраны окружающей среды¹⁶, и, кроме того, – самоорганизующейся системой, которая способна активно реорганизовываться и эволюционировать.

В этом контексте стоит упомянуть и сформулированный российским академиком Н. Н. Моисеевым «экологический императив»¹⁷ – как разновидность нравственного, призванный стать регулятором взаимоотношения между человеком и природой и ставший базовой категорией философии экологии и собственно концепции универсального эволюционизма. В основе научного подхода к проблеме формирования экологического императива лежит экологическая этика, которая предлагает отказ от любых действий по разработке и использованию ресурсов природной среды, которые могут дестабилизировать жизнь будущих поколений. Разумеется, подобный подход также требует переосмысления понятия «общественный прогресс», под которым в данном контексте все же следует понимать такие изменения к лучшему, которые гармонизируют систему бытия, делая ее благотворной не только для человека, но и для биосферы в целом¹⁸. В концепции универсального эволюционизма Н. Н. Моисеев основное внимание уделял проблеме коэволюции¹⁹ человека и

переходит в новое состояние – в ноосферу». Учение о ноосфере подчеркивает значение идей естественного права и естественной справедливости, указывающих на нормы, с которыми должен считаться человек, стремясь установить сбалансированные отношения между обществом и природой, обеспечить равновесие и гармонию в их взаимоотношении и осуществить собственное развитие (*Вернадский В. И.* Несколько слов о ноосфере // *Успехи современной биологии.* 1944. № 18. Вып. 2. С. 113–120; *Трусов Ю. П.* Понятие о ноосфере // *Природа и общество.* М., 1968. С. 28–47).

¹⁵ *Малинецкий Г. Г.* Моделирование в социосинергетике. Нерешенные проблемы // *Синергетическая парадигма. Социальная синергетика.* М., 2009. С. 193.

¹⁶ *Бринчук М. М.* Экологическое право. Учебник для высших учебных заведений; *Тихомирова Л. А.* Экологическое право. Учеб. пособие. М., 2008.

¹⁷ *Моисеев Н. Н.* Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI века // *Общественные науки и современность.* 1994. № 6. С. 131–139.

¹⁸ *Моисеев Н. Н.* Логика универсального эволюционизма и кооперативность // *Вопросы философии.* 1989. № 52. С. 52–66.

¹⁹ Коэволюция – параллельная, взаимосвязанная эволюция биосферы и человеческого общества. (Несовпадение скоростей природного эволюционного процесса, происходящего очень медленно, и социально-экономического развития человечества, происходящего намного быстрее, ведет при неуправляемой форме взаимоотношений к деградации природы и может привести к глобальной экологической катастрофе.) (см.: *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М., 2007).

природы – уже с синергетических позиций анализируя проблемы единства естественнонаучного и гуманитарного знания, рассматривая возможные варианты модернизации социума и его ответственного экологического осознания в рамках современного доминирующего рационалистического миропонимания²⁰.

Научное познание законов взаимодействия общества и природы всегда занимало ученое сообщество. «Если мы хотим изучать природу и общество с позиции современных представлений о хаосе, сложности и самоорганизации, то нам следует рассматривать науку как наделенную смыслопорождающей функцией, как органическую часть биосоциальной эволюции человека, в основе которой лежит принцип коммуникации и связности знания»²¹. И в данном контексте следует признать, что вопрос о формировании нового знания оказался чрезвычайно сложным для традиционной научной парадигмы²², хотя, безусловно, уже существует всеобщее понимание того обстоятельства, что эпоха глобализации приводит к формированию общей программы развития человечества в едином политическом, экономическом, культурном и природно-климатическом ракурсе обеспечения экологической безопасности, соблюдения экологических прав человека и создания единого международного информационного пространства, что и предопределяет современные формы и методы инновационного поиска. Закрепив на законодательном уровне основные права и свободы человека и гражданина – гражданские, политические, экономические, социальные и культурные, общество обратилось к экологическим, информационным и иным правам, особенностью которых является их не только индивидуальный, но и коллективный механизм реализации.

Поиски нового методологического инструментария для формирования целостного видения окружающего мира во всей его множественности и парадоксальности во всяком случае сложны – в нем задействовано многоуровневое смысловое пространство, где встречаются конкретно-научные и философско-мировоззренческие представления о мире²³, но в настоящее время сложны особенно – человечество столкнулось с необходимостью переосмысления понятий индивидуальной ответственности каждого индивида и коллективной ответственности ныне живущей цивилизации перед окружающей средой и будущими поколениями людей. Очевидно, что вся эта проблемность отражается и на развитии современного права как регулятора общественных отношений, и на его предметно-методологической определенности. Особенно это просматривается на примере экологического права, которое, в первую очередь сталкивается с различными (зачастую самыми острыми) аспектами переосмысления и реального изменения основополагающих принципов, норм и институтов – конструируя схемы надлежащего поведения человека при взаимодействии с природой.

Научная парадигма²⁴, традиционно воспринимается как одна или несколько фундаментальных теорий, которые установились в результате достаточно длительного развития соответствующих научных представлений, пользуются всеобщим признанием и в течение определенного времени направляют научные исследования, становящиеся основой и образцом новых научных разработок, так как они предоставляют научному сообществу модель постановки проблем и методы их решений, вводят принципы упорядочения и целостной организации научного знания, а также нормативность методологии²⁵.

Рассуждая о научной парадигме, не следует забывать, что «фундаментальные научные знания... являются культурным достоянием... в которое равным образом вносят свой вклад как

²⁰ Ельчанинов М. С. Структурно-синергетическая концепция социодинамики России. Дис. ... д-ра филос. наук. Самара, 2009. С. 3.

²¹ Москалев И. Е. Знание как феномен социальной самоорганизации // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 457.

²² Баранцев Р. Г. Активность саморазвития // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 80.

²³ Делокаров К. Х. Эволюция базовых смыслов современных цивилизаций в контексте постнеклассической науки // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 16–37.

²⁴ *Paradeigma* (греч.) – пример, образец. Термин, введенный Т. Куном (*Кун Т.* Структура научных революций. М., 2009).

²⁵ *Кун Т.* Структура научных революций. С. 11.

естественные науки, так и науки о человеческом духе и обществе»²⁶. Системность, фундаментальность, теоретичность, объективность, предметно-методологическая определенность, воспроизводимость научного знания – те характеристики, которые отличают научную парадигму от допарадигмального и тем более донаучного механизмов познавательной деятельности. Научная парадигма может, безусловно, заимствовать прежде доминирующую мировоззренческую систему ценностей и понятий, придавая им более фундаментальный смысл, если во всех случаях рассматривать ее институты как систему «устойчивых привычек мышления, присущих большой общности людей»²⁷, но, видимо все же следует признать и то, что к XXI в. человечество вступило в новые области пространственных, временных, энергетических и даже нравственных и иных масштабов и измерений, где опыт еще не сформировался, а устоявшиеся механизмы оценки и решения проблем, выработывавшиеся на основе анализа различных ситуаций, могут оказаться не вполне эффективны (так, двойственность можно усмотреть в том, что отходы, производимые атомными электростанциями при выработке необходимой людям энергии, будут представлять собой угрозу для окружающей среды еще очень долгое время). Следует согласиться с тем, что современное социальное знание приобретает качественно иные формы, по-новому высвечивая отношения человека с объективным миром²⁸, не замыкаясь уже на рационалистически потребительском отношении к природной среде, в связи с чем уместно рассуждать о существовании ряда предпосылок, могущих со временем способствовать возможной смене научной парадигмы.

Позитивистская рационалистическая научная парадигма, представляющая собой богатейшую интеллектуальную традицию, по сей день аргументированно рассматривается подавляющим большинством российских ученых-правоведов как единственно возможная и надлежаще доказанная и апробированная²⁹: чаще всего именно эта «однопарадигмальность» рассматривается как нормальное состояние науки. Таким образом, выделение позитивистского и непозитивистского типов правопонимания, как правило, сводится к их противопоставлению друг другу как совершенно противоположных подходов, при этом почти всегда подчеркиваются достоинства позитивизма³⁰. На наш взгляд, все же скорее очевиден эволюционный рост с постепенной сменой постановки проблемы и поиска средств ее разрешения, хотя и медленный, нежели явное противопоставление научных подходов. В настоящее время индивид в своей научной рефлексии становится очевидцем и участником формирования нового открытого научного мировоззрения, пытающегося преодолеть господствующие в юридической науке традиционные линейные рационалистические традиции или хотя бы найти форму сосуществования с таковыми и утверждающего мышление, основанное на «становящихся», переходных, нестабильных, фрактальных формах³¹.

Несомненно, позитивистский взгляд на экологическое право совершенно оправдан и обоснован. Более того, базирующаяся на его основе нормативистская концепция права³², по-прежнему доминирующая и приоритетная в науке теории права, в том числе и применительно к различным аспектам правотолкования и правоприменения, полностью ему отвечает. Норма права рассматривается в данном ракурсе в качестве главной составляющей единицы правовой системы, а ее

²⁶ *Хакен Г.* Самоорганизующееся общество // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 363.

²⁷ Цит. Т. Веблена по статье: *Нестеренко А.Н.* Институционально-эволюционная теория: современное состояние и основные научные проблемы // Эволюционная экономика на пороге XXI века. М., 1997. С. 15.

²⁸ *Черникова И. В., Черникова Д. В.* Возможности социосинергетики в теоретических исследованиях социальности // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 63.

²⁹ Так, например, А. Э. Жалинский отмечает, что «практические подходы либерализма к социальным проблемам преимущественно являются позитивистскими» (*Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 61).

³⁰ *Варламова Н. В.* Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 68–84.

³¹ *Липатов А. Т.* Метаязык синергетики и *Lingua universalis* // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 104–121.

³² *Новгородцев П. И.* Введение в философию права: Кризис современного правосознания. М., 1997; *Явич Л. С.* Общая теория права. Л., 1976.

эффективность и действенность определяются такими показателями, как долговечность, сфера действия (в пространстве и по кругу лиц) и др. Нормативные правовые акты правовой системы традиционно формируют сложную иерархическую систему по значимости, хронологии, широте охвата. Безусловными достоинствами таковой законодательной техники являются ее весьма высокий уровень, точность и четкость формулировок, высокий уровень систематизации, порядок вступления нормативного акта в силу, порядок его отмены и иные сложные аспекты самой юридической техники, а также оценка специальной эффективности закона.

Вместе с тем формирование экологического права – это живой многогранный процесс, который, вероятно, может протекать по различным схемам (различия можно обнаружить на примере ситуационных тенденций развития природоохранного законодательства в странах Западной и Восточной Европы) – необходимость правового регулирования общественных отношений по поводу использования и охраны окружающей среды можно мотивировать средствами разнообразной терминологии; двигатель общественных отношений в данной сфере – государство³³ может в разнообразных формах включать участие граждан в механизм принятия экологически значимых решений (допуская сложно-контролируемые ценностно-культурные источники формирования экологического правосознания у граждан и экологических общественных объединений, участвующих в принятии экологически значимых управленческих решений, что может порождать новые законотворческие и правоприменительные альтернативы) и др.³⁴, при этом движение вперед, так высоко ценимое позитивистской парадигмой, бесконечно: оно не может иметь ни завершения, ни определения конечной цели, так же как желания или потребности общества в природных ресурсах бесконечны и не ограничены, и действия, направленные на достижение цели, могут (по крайней мере, теоретически) разворачиваться до бесконечности – в процессе деятельности меняются и человек, и общество, и сама цель. С этой точки зрения «современная наука все в большей степени оказывается теорией процесса последовательных изменений, понимаемых как изменения самоподдерживающиеся, саморазвивающиеся и не имеющие конечной цели»³⁵.

Исторически на смену постпозитивистской эпохе, одной из важнейших характеристик которой всегда была убежденность в необходимости и полезности прогресса и вера во всемогущую силу разума, приходит эпоха постмодернизма³⁶ с ее принципами переоценки ценностей и переоткрытия мира, глобальным полицентризмом и интерпретативным мышле-

³³ Охрана окружающей среды – деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных и иных некоммерческих объединений, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

³⁴ Так, основные принципы российского экологического права уже пересматривались (см. ст. 3 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10. Ст. 457 (утратил силу в связи с принятием федеральных законов от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ и от 10 января 2002 № 7-ФЗ) и ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

³⁵ Цит. Т. Веблена по статье: *Нестеренко А. Н.* Институционально-эволюционная теория: современное состояние и основные научные проблемы // Эволюционная экономика на пороге XXI века. С. 15.

³⁶ Постмодернизм (фр. *postmodernisme*) – «широкое культурное течение, в чью орбиту в последние два десятилетия 20 в. попадают философия, эстетика, искусство, наука. Специфика постмодернистской мысли берет на вооружение неклассическую трактовку классических традиций. Дистанцируясь от классической эстетики, постмодернизм не вступает с ней в конфликт, но стремится вовлечь ее в свою орбиту на новой теоретической основе» (Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004). Постмодернизм как постнеклассический тип философствования оказывает более заметное влияние на культуру, чем на науку, но, тем не менее, выполняет функцию выработки и концептуальной апробации понятийных средств описания и анализа тех форм и уровней организации, которые еще только осваиваются современной культурой (*Можейко М. А.* Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигмы. Минск, 1999).

нием. Постмодернизм как возможность осмысления многообразия форм через своеобразное смешение всего со всем – с его идеологией тотального плюрализма, основанной на отказе от любой формы единства в пользу множественности, открыл перед социальными и гуманитарными исследователями новые перспективы. Эпоха постмодернизма, прочно установившаяся в культуре и науке конца XX в., определила и новый – постнеклассический тип философствования³⁷ (современная философская мысль развивается в режиме смешения концепций и подходов) – и новую постнеклассическую научную концепцию, важнейшей характеристикой которой становится междисциплинарность, а важнейшим направлением – синергетика, изучающая процессы самоорганизации сложных систем. Важность же философского подхода при формировании институтов и норм права отмечалась в специальных научных исследованиях неоднократно³⁸.

При исследовании вопроса о новой научной парадигме, универсально приемлемой для теории права (в том числе и экологического), ряд авторов исходит из того, что «постмодернистские подходы к пониманию права утверждают представления о нем как о многомерном и противоречивом феномене, ни одна из традиционных (позитивистских, естественно-правовых) интерпретаций которого не может претендовать на полноту и универсальность»³⁹. На наш взгляд, постмодернистский подход к интерпретации права демонстрирует универсальность и богатый потенциал тех философских (а также социологических, культурологических, лингвистических и т. п.) концепций, средствами и языком которых он пользуется для объяснения природы права как специфического социального явления.

Глобальная ситуация в начале III тысячелетия и опыт истории, особенно прошлого века, свидетельствуют, что общественное развитие носит нелинейный характер⁴⁰. Поэтому помимо процессов самоорганизации, в теоретических трудах исследуется также и общность рассеянных событий: так, традиционно в современной философии науки принято соотносить термины «парадигма» Т. Куна и «эпистема» М. Фуко⁴¹. Эпистема, как и парадигма отражает уровень научных представлений своего времени, который никогда не бывает окончательной данностью и всегда находится в становлении, а особенность современной эпохи в том, что освоение мира происходит методами интерпретации и формализации. Всюду проникающая дискурсивность, которая неосознаваемым для индивида образом предопределяет нормы его деятельности, порождает эпистему, но все же как методологическое направление гносеологии⁴².

Социогуманитарное знание развивалось таким образом, что исторически постнеклассической научной концепции предшествовали классическая наука и неклассическая

³⁷ Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006.

³⁸ Куницын А. С. Вопросы методологии научных исследований в российской юридической классике // Журнал российского права. 2011. № 12. С. 92–101; Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000; Гурвич Г. Д. Идея социального права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избр. соч. СПб., 2004. С. 41–212; Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. С. 507–526.

³⁹ Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 68–84.

⁴⁰ Ельчанинов М. С. Структурно-синергетическая концепция социодинамики России. Дис. ... д-ра филос. наук. С. 3.

⁴¹ Все происходящие в науке изменения М. Фуко объясняет через дискурс – единство речевых и дисциплинарных практик; формирование, определяющее способ представления мира – борьбу мнений, прогресс разума, практические потребности и т. д. Он отмечает отсутствие единства и непрерывности в противоположность традиционному историзму и эволюционизму. «Радикальная прерывность» процесса и прогресса, существующих одновременно, является лишь одними из возможных вариантов осуществления себя для данной эпохи. Такой глубоко фундаментальный уровень М. Фуко обозначает термином «эпистема» – культурно-познавательным и философско-методологическим априори, задающим предметные и четкие формы знания соответствующей исторической эпохи, наделяя ее свойством пронизывать реальный мир, выполняя при этом онтологическую и гносеологическую функции: упорядочивать объекты и создавать необходимые условия для их познания (Фуко М. Археология знания / Пер. с фр.; общ. ред. Бр. Левченко. К., 1996).

⁴² Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 51–91; Качанов Ю. Л. Эпистемология социальной науки. Серия: Gallicinium. М., 2007.

наука конца XIX – начала XX в.⁴³ Постнеклассическая наука исходит из того, что на современном этапе невозможно решить ряд научных задач без комплексного междисциплинарного подхода – ни одна область знаний не является изолированной, не существует без использования знаний самых различных научных дисциплин, а также без необходимого осознания значения человека в исследуемых системах. Именно этот подход очевиден при исследовании норм и институтов экологического права – здесь задействованы достижения юриспруденции, философии, социологии и даже достижения естественнонаучного знания.

Классический тип рациональности и соответствующая ему парадигма (способ решения исследовательских задач) строятся на противопоставлении познающего субъекта и познаваемого объекта и убежденности в том, что объект устроен (организован) по строго определенным законам, которые субъект может постичь и поэтому способен управлять данным объектом⁴⁴.

Неклассический тип рациональности меняет как субъектную, так и объектную позиции в познании. Меняется представление о структурах, способах получения знания и критериях его истинности. Признается влияние на истинность знания его субъективных факторов (средств деятельности субъекта). Научная объективность обеспечивается путем совмещения нескольких объяснительных вариантов, достижения своего рода интеллектуального консенсуса, критического диалога между различными теоретическими концептами. В науке, да и в культуре, в контексте теории множественного интеллекта и процессов межличностной коммуникации возникает ценность позиции «Другого»⁴⁵ – выстраиваются новые схемы толерантности.

В постнеклассическом знании доминирующими становятся концепция синтеза научных знаний, построение общенаучной картины мира на основе уже упомянутого нами принципа универсального эволюционизма – объединяющего системный и эволюционный подход воедино⁴⁶. Воля к власти человека над природой ставится под сомнение, равно как и подход, оправдывающий позицию человека как потребителя природных благ. В универсальном эволюционизме осуществляется системный подход к идее эволюции природы в ее восхождении к разуму, в котором природа проявила сознание самой себя через человека⁴⁷. Концепция универсального эволюционизма, таким образом, объединяет целую совокупность знаний естественнонаучных дисциплин и философско-мировоззренческих установок⁴⁸.

В рамках постнеклассической науки постепенно формируется синергетическая парадигма, как синтез почти всех господствующих многовековых поисков единой всеохватывающей теории – изучающая процессы самоорганизации сложных систем, основанная на идеях междисциплинарности, основным свойством которой является фундаментальный методологический аппарат. Объектом междисциплинарного направления научного исследования (в рамках которого изучаются процессы перехода от хаоса к порядку и обратно (процессы самоорганизации и самодезорганизации) в открытых нелинейных средах самой различной природы⁴⁹) становятся сложные, от-

⁴³ *Степин В. С.* Философия науки. Общие проблемы.

⁴⁴ *Василькова В. В.* Социология коммуникации и постнеклассическое знание: структурные сопряжения // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 548.

⁴⁵ Там же. С. 551.

⁴⁶ *Аршинов В. И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999; *Черникова И. В.* Постнеклассическая наука и философия процесса. Томск, 2007; *Степин В. С.* 1) Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17; 2) Философия науки. Общие проблемы.

⁴⁷ *Моисеев Н. Н.* Логика универсального эволюционизма и кооперативность. С. 52–66.

⁴⁸ Кроме того, оригинальную концепцию универсального эволюционизма разрабатывает С. Д. Хайтун (*Хайтун С. Д.* 1) Социум против человека: Законы социальной эволюции. М., 2006; 2) Феномен человека на фоне универсальной эволюции. М., 2005. С. 288; 3) Фундаментальная сущность эволюции // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 151–166; 4) Социум на фоне универсальной эволюции // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 124–137.

⁴⁹ *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции.

крытые и саморазвивающиеся системы, экспериментирование с которыми зачастую чрезвычайно сложно, а в ряде случаев и вовсе невозможно, а иногда требует решения этических проблем, что связано с установлением границ возможного вмешательства человека в объект, поэтому инструментарий научно-исследовательской деятельности необходимо включает в себя математическое моделирование.

Если искать предельно емкую характеристику синергетики как научной парадигмы, как отмечают исследователи этого понятия, то такая характеристика включила бы три базисные идеи: самоорганизация, открытые системы, нелинейность⁵⁰. Также следует отметить высокий познавательный потенциал синергетики, ее системный эффект и методологию⁵¹. А кроме того, возможность формирования нового терминологического аппарата – используемые в синергетике понятия делают синергетический подход уникальным⁵². Поскольку общественные науки (история, политика, юриспруденция) стремились найти объективную основу, которая в научном отношении была бы приемлема для того, чтобы придать им такую же точность и силу, какими обладали естественные науки, то именно к ним обращались и при создании языка общественных наук⁵³.

Сам термин «синергетика»⁵⁴ как название нового междисциплинарного направления исследований был впервые введен Германом Хакеном в курсе его лекций, прочитанных в 1969 г. в университете Штутгарта⁵⁵. Г. Хакен обратил внимание на то, что корпоративные явления наблюдаются в самых разнообразных системах. В своей классической работе «Синергетика»⁵⁶ он отмечал, что здесь «исследуется совместное действие многих подсистем... в результате которого на макроскопическом уровне возникает структура и соответствующее функционирование», а, кроме того, она кооперирует усилия различных научных дисциплин для нахождения общих принципов самоорганизации систем: существуют одни и те же принципы самоорганизации различных по своей природе систем, от электронов до людей, а значит, речь должна вестись об общих детерминантах природных и социальных процессов, нахождение которых и направлена синергетика.

В своих исследованиях И. Р. Пригожин доказал, что синергетика изучает когерентное, согласованное состояние процессов самоорганизации в сложных системах различной природы. Для того чтобы было возможно применение синергетики, изучаемая система должна быть открытой (подразумеваются обменивающиеся с окружающей средой веществом, энергией и информацией системы) и нелинейной (нелинейность выражается в том, что одни и те же изменения вызывают разные изменения). Система также должна состоять из множества элементов и подсистем (сложных организмов, социальных групп и т. д.), взаимодействие между которыми может быть подвержено лишь малым флуктуациям, незначительным случайным изменениям и находиться в состоянии неустойчивости, т. е. в неравновесном состоянии.

Уже более современная наука в лице синергетики раскрывает механизм самоорганизации сложных систем в состояниях их неустойчивости, в состояниях, далеких от равновесия⁵⁷. Показателем прогресса, рассматриваемого в данном случае, как состояния, стремящегося к повышению степени сложности системы, является наличие в ней «внутреннего потенциала самоорганизации»⁵⁸.

⁵⁰ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: Синергетическое мировидение. 3-е изд., доп. 2010.

⁵¹ Пойзнер Б. Н. Незаметное присутствие: репликация в социокультурных процессах и схемах // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 85–95.

⁵² Липатов А. Т. Метаязык синергетики и *Lingua universalis*. С. 104–121.

⁵³ Грамши А. Избранные произведения / Пер. с итал.; под общ. ред. И.В. Григорьевой и др.; вступ. статья Г. П. Смирнова; примеч. И. В. Григорьевой, К. Ф. Мизиано. М., 1980. С. 305.

⁵⁴ От греч. *synergetikos* – совместный (греч. *sinergeia* – совместное действие).

⁵⁵ Липатов А. Т. Метаязык синергетики и *Lingua universalis*. С. 104–121.

⁵⁶ Хакен Г. Синергетика. М., 1980.

⁵⁷ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. С. 145.

⁵⁸ Лишкевич Т. Г. Философия науки. М., 2005. С. 169.

В специальных исследованиях уже отмечалось, что «синергетика» вообще – проблема социокультурного характера⁵⁹, а социальная синергетика – это наука, охватывающая исследования в различных областях гуманитарного знания: психологии, социологии, экономике, истории, юриспруденции, этнографии, языкознанию, культурологии и т. д. «Социосинергетика исследует процессы самоорганизации в человекомерных эволюционирующих системах»⁶⁰ исходя из того, что социальные структуры подобны правилам поведения человека⁶¹. Предметом социальной синергетики является социальный прогресс как социальный процесс саморазвития, поиск единых алгоритмов в природе и социуме. Социальная эволюция в данном контексте – это всегда возрастание разнообразия и сложности. И, разумеется, социальный синергизм предполагает совместные усилия людей, сотрудничество, толерантность⁶², анализ взаимодействия человека с ближайшей и более отдаленной культурной и социальной средой. Именно такие критерии применяются сегодня и для формирования основополагающего базиса науки экологического права.

При применении синергетического метода исследования, который «является новым, бурно развивающимся направлением в современной науке, в центре внимания которого стоит создание теории самоорганизующихся систем»⁶³, «новое качество в познании достигается за счет использования нелинейного мышления и синтеза достижений различных наук»⁶⁴, необходимо отметить такую присущую современному экологическому праву характеристику, как универсальность, выраженную, прежде всего, в способности преодолевать различия даже между различными правовыми системами.

Общенаучным методологическим основанием в таком случае будет синергетический междисциплинарный подход⁶⁵ с его вариативными альтернативными тенденциями⁶⁶.

Развитие социума представляет собой дискретный общественный процесс, для которого характерно чередование эволюционной и бифуркационной⁶⁷ стадий. Опасные альтернативы будущего, такие как экологический кризис, уже присутствуют в социальном пространстве современного человечества, вступающего в эпоху эскалации локальных рисков и, как следствие, глобальной социальной бифуркации. Под влиянием случайных флуктуаций такие системы становятся неустойчивыми и могут благодаря самоорганизации перейти в качественно новое состояние. Глобальная бифуркация становится объективной экологической перспективой мирового социума, и можно говорить о формировании нового типа личности – бифуркационного человека – человека с пластичным индивидуально ориентированным, эгоистическим сознанием, человека-потребителя и прагматика в своих отношениях с окружающим обществом и природой. Такой человек – уникальный и историчный – становится основным субъектом современной цивилизации⁶⁸. Именно перед ним

⁵⁹ Бевзенко Л. Д. Социология революций и эвристические возможности понятия социальной бифуркации // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 400.

⁶⁰ Войцехович В. Э. Социосинергетика – 2001: основные направления развития в России // Синергетика социальных коммуникаций в современном обществе. Йошкар-Ола, 2001. С. 55–62.

⁶¹ Баранцев Р. Г. Активность саморазвития // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 82.

⁶² Черникова И. В., Черникова Д. В. Возможности социосинергетики в теоретических исследованиях социальности // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 65.

⁶³ Поддубный Н. В. Синергетика в современном мире. Белгород, 2000. С. 24.

⁶⁴ Котельников Г. А. Теоретическая прикладная синергетика. Белгород, 2000. С. 4.

⁶⁵ Бевзенко Л. Д. Социология революций и эвристические возможности понятия социальной бифуркации. С. 400.

⁶⁶ Музыка О. А. Проблема возможных сценариев будущего развития общества в контексте социосинергетики // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 387–395.

⁶⁷ Бифуркация (*bifurcus* – раздвоение, лат.) – в современном универсальном эволюционизме термин, обозначающий процесс развития не только как переход в соседнее, близкое состояние (эволюция), но и как переход путем ветвления в целое множество новых состояний, причем не только под влиянием внешних факторов, но и в результате внутренней (скрытой) эволюции системы. Точка бифуркации – кризисное состояние системы (Бевзенко Л. Д. Социология революций и эвристические возможности понятия социальной бифуркации. С. 400).

⁶⁸ Шалаева С. Л. Трансформация детства в глобализующемся мире: синергетический аспект // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 523.

стоит задача ноосферного развития. В то же время необходимо рассуждать о роли государства и государственных объединений как об институциональном субъекте – коллективном субъекте достаточно большой общности людей, что подтверждается наличием коллективно-экологически ориентированного или даже ноосферного сознания, привычкой мышления и процедурой принятия решений, основанной на детерминистическом, коммуникативном и телеологическом принципах⁶⁹. Концепции развития такого сложнейшего общества – дифференцированного информационного общества «третьей волны» можно обнаружить в работах Э. Тоффлера⁷⁰, утверждавшего, что мышление людей информационной цивилизации «третьей волны» будет не механистичным, игнорирующим парадоксы и противоречия, а применяющим новый синтез знания, опирающимся на дифференцированную технологическую базу. При этом одна из фундаментальных проблем, поставленных потреблением (притом, что традиционное понятие пользы заменяется понятием функциональности, в свете которого всякое, даже абсурдное с точки зрения рациональности действие системы потребления преследует своей целью рост производительности), заключается в следующем ноосферном или просто природосберегающем ключе: организуются люди с целью своего выживания или же потому, что они хотят придать своей жизни определенный индивидуальный и коллективный смысл⁷¹?

Итак, синергетика довольно успешно развивается⁷² как потенциально возможная научная парадигма, основанная на синтезе предметного знания, философской рефлексии и математического моделирования⁷³. Сегодня синергетика в теории науки экологического права оказывает все более заметное влияние и на методологию науки, хотя вопрос о применимости синергетического подхода в юриспруденции до сих пор вызывает научные споры и требует единых критериев обоснования дисциплины.

Подобный подход применим и к такой «суперотрасли»⁷⁴ российской правовой системы, как экологическое право, выступающей в настоящее время как некий объединяющий фактор. При этом имеется в виду не только объединение государств и других субъектов международного права во имя создания единых для всего мирового сообщества правил охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности человека; просматривается тенденция объединения всего человечества для сохранения и улучшения качества окружающей среды во имя создания наиболее благоприятных и комфортных условий существования человеческой цивилизации. Кроме того, охрана окружающей среды является фактором, сближающим все отрасли российского права во имя обеспечения

⁶⁹ Тарасенко В. В. Методология моделирования синергетических субъект-субъектных взаимодействий: подход, основанный на совмещении компьютерного моделирования с деловой игрой // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009. С. 329.

⁷⁰ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 657.

⁷¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. С. 49.

⁷² Вообще же на основе идей и принципов синергетики представители социальных наук разрабатывают новые концепции, основываясь на принципах структурно-синергетического подхода: ряд историков изучают методологические и теоретические проблемы моделирования социально-исторических процессов, делая акцент на исследовании их нелинейной динамики. Так, Г. Г. Малинецкий предпринимает оригинальную попытку разработать модель теоретической истории, которая исследует процессы и события в контексте альтернативных сценариев. В рамках синергетической парадигмы А. П. Назаретян активно развивает такой подход, как синергетика исторического процесса (*Ельчанинов М. С.* Структурно-синергетическая концепция социодинамики России. Дис. ... д-ра филос. наук. С. 3; *Малинецкий Г. Г.* Математические основы синергетики. Хаос, структуры, вычислительный эксперимент. М., 2005; *Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г.* Синергетика и прогнозы будущего. 3-е изд. М., 2003; *Назаретян А. П.* 1) Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование). М., 2004; 2) Универсальная история и синдром предкризисного человека // История и синергетика: Методология исследования. М., 2005. С. 139–163).

⁷³ *Малинецкий Г. Г.* Предисловие. Через тернии к звездам // Безручко Б. П., Короновский А. А., Трубецков Д. И., Храмов А. Е. Путь в синергетику: экскурс в десяти лекциях. М., 2005. С. 9–16; *Буданов В. Г.* 1) Принципы синергетики и управление кризисом // Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. С. 86–99; 2) Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. 3-е изд., доп. М., 2009.

⁷⁴ Колбасов О. С. Завещание экологам // Экологическое право. 2001. № 3. С. 9.

экологической безопасности человека. Эта особенность экологического законодательства, которое может сближаться быстрее, чем любое другое законодательство⁷⁵, оказывает на его развитие огромное влияние и обеспечивает такую характеристику отрасли права, как универсальность. При этом под сближением законодательства следует понимать «общий курс... на определение общих направлений согласованного развития национальных законодательств на преодоление правовых различий и выработку общих правовых решений»⁷⁶.

Таким образом, формирование нового экологически ориентированного способа мировоззрения личности и общества вызывает к жизни новую научную синергетическую парадигму, формируемую в рамках современной постнеклассической науки. В связи с этим развитие экологического права и экологической политики как способов реализации экологической функции государства, должно включать в себя не только формирование современного экологического законодательства и создание оптимальной системы органов государственного управления в сфере природопользования и охраны окружающей среды, но и максимально широкое привлечение общественности к процессам принятия экологически значимых управленческих и хозяйственных решений, и даже, более того, – экологическое воспитание, образование и просвещение с целью формирования новой эколого-правовой культуры ответственной ноосферной личности будущего.

Аннотация. В статье рассматривается междисциплинарный подход к изучению предмета и методологии науки экологического права в рамках синергетического направления постнеклассической науки. Исследуются концепции: универсального эволюционизма, устойчивого развития и ноосферного развития, обосновывающие упрочение природосберегающей концепции управления окружающей средой и отказ от концепции неограниченного потребления природных ресурсов.

Ключевые слова. Экологическое право, междисциплинарный подход, устойчивое развитие, ноосферное развитие, постнеклассическая наука, синергетическая парадигма, экологический императив.

Annotation. The article deals with the interdisciplinary approach to the study of the subject and methodology of Environmental Law in the framework of a synergetic direction of the postnonclassical science. Concepts of universal evolutionism, sustainable development and the noospheric development, providing consolidation of the save concept of the environmental management and refuse from the concept of unlimited consumption of natural resources are investigating.

Keywords. Environmental Law, interdisciplinary approach, sustainable development, noospheric development, post-non-classical science, synergetic paradigm, ecological imperative.

⁷⁵ Тихомиров Ю. А. Проблемы сравнительного законовещения // Государство и право. 1993. № 8. С. 45.

⁷⁶ Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 75.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДЕБНОМ КОНСТИТУЦИОННОМ КОНТРОЛЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PERSPECTIVE DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF LEGISLATION ON JUDICIAL CONSTITUTIONAL CONTROL IN RUSSIAN FEDERATION

В современный период законодательство о конституционном контроле не только завершило период формирования, но и прошло стадию апробации на практике. За прошедшие годы с момента распада Союза ССР был создан независимый орган конституционного контроля, который работал и с нормами Конституции РСФСР 1978 г., и с нормами действующего Основного закона. Несколько редакций получил Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», в том числе претерпела изменения двухпалатная структура КС.

Новый этап преобразований в российской судебной системе, итогом которого становится объединение двух высших судов – Верховного и Высшего Арбитражного – и создание на их базе Верховного Суда России, очевидно, не затронет механизма осуществления конституционного контроля, однако можно предположить, что с его появлением некоторые проблемные вопросы (главным образом, связанные с нормоконтрольными началами в деятельности судебной системы, находящейся за рамками деятельности КС) снова обострятся. В связи с этим следует оценить вероятные перспективы совершенствования законодательства о конституционном контроле.

Главные направления деятельности Конституционного Суда РФ как специализированного органа конституционного контроля исследованы в научной литературе достаточно подробно. С. Г. Павликов, например, сводит их к двум позициям: осуществление толкования Конституции и выявление смысла ее норм и формирование нового уникального инструмента регулирования общественных отношений – собственных правовых позиций¹.

Анализ уже пройденного опыта создания, а впоследствии и частичного реформирования деятельности органа конституционного контроля в России позволяет согласиться с высказанным в литературе мнением о наличии в этом процессе трех этапов: создание Конституционного Суда РСФСР в 1991 г., учреждение Конституционного Суда России по ФКЗ 1994 г. и внесение в него изменений в 2010 г., в результате которых некоторые процедурные вопросы его деятельности стали регламентироваться по-новому². Наибольший интерес вызывает именно последний этап совершенствования законодательства о конституционном контроле, поскольку первые два уже исторически завершены, а сегодняшняя правовая регламентация не дает оснований полагать, что законодатель снова вернется к предыдущему механизму деятельности КС РФ³. Применительно к нему можно в контексте дальнейших перспектив реформирования отметить две основные позиции: активная роль главы государства (кстати, при решении вопроса об объединении двух других высших

© И. Ю. Остапович, 2014

¹ Павликов С. Г. Власть Конституции в правовом государстве и судебный конституционный контроль // Современный юрист. 2013. № 2.

² См., напр.: Гаджиев Г. А. Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 17–26. – При этом все три этапа, включая последний, достаточно подробно изучены в научной литературе, вследствие чего, рассуждая о дальнейших перспективах совершенствования законодательства, не представляется возможным подробно останавливаться на уже свершившихся законодательных преобразованиях.

судов это обстоятельство имело достаточно серьезное значение, поскольку обозначенный законопроект вносился в Государственную Думу Президентом России) и быстротечность и закрытость процесса принятия этих поправок (подвергшаяся в литературе достаточно серьезной критике, в том числе и со стороны действующих судей Конституционного Суда, во многом увидевших отсутствие научной обоснованности и сугубо ситуативный характер, лишенный глубокого обоснования⁴).

Как представляется, обстоятельства политической воли будут в любом случае иметь решающее значение в процессе реформирования законодательства, и законодательство о конституционном контроле в данном случае исключением не является. При этом взаимодействие между Конституционным Судом и главой государства имеет, на наш взгляд, определенные перспективы, связанные, например, с усилением механизма исполнения решений КС⁵. Между тем среди внесенных изменений были и направленные на оптимизацию судопроизводства в Конституционном Суде, к которым можно отнести: сочетание начал устного и письменного производства и ликвидацию механизма проведения пленарных заседаний. Однако по существу общие правила осуществления конституционного контроля изменению с момента принятия ФКЗ «О Конституционном Суде» в масштабном размере не подвергались, хотя можно выделить несколько направлений их вероятного совершенствования.

Совершенствование деятельности КС РФ в сфере превентивного контроля.

Дискуссионным вопросом до сих пор остается необходимость введения в России предварительного конституционного контроля по тому образцу, который создан во Франции, а на постсоветском пространстве – в Казахстане. Следует отметить, что обе эти страны имеют несколько иное территориальное устройство, нежели Россия, хотя в механизме организации власти и можно найти нечто общее (в том числе слабый парламент при сильных позициях исполнительной власти и главы государства). Однако масштабы деятельности российского парламента являются несопоставимыми ни с французским, ни с казахским правовым опытом⁶: ежегодно Государственной Думой принимается около 400 законов,

³ Так, первый закон «О Конституционном Суде РСФСР» предусматривал настолько широкие возможности обращения в орган конституционного контроля, в том числе с жалобой, что в литературе отмечались несоответствие этих правил международно-правовым нормам (в том числе принципу субсидиарности, провозглашенному как один из основных, например, в деятельности Европейского Суда по правам человека), а также тенденция к искусственному созданию обширного массива правовых позиций, выработанных по вопросам применения конституционных норм по все позиции, включенным в правовой статус личности (см., напр.: *Бланкенагель А. 1*) «Детство, отрочество и юность» российского Конституционного Суда. М., 1996. С. 31; 2) Комментарии к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики ее применения. М., 2002. С. 245). Среди вопросов, включенных в подведомственность КС, фигурировала проверка конституционности обыкновений правоприменительной практики, от которой законодатель отказался при принятии ФКЗ 1994 г. По сути, конституционный контроль мог осуществляться в идеальной модели и в отношении правовых норм, и в отношении их интерпретации судебной практикой. В современный период в силу положений ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде» в правовых позициях КС используется такой прием, как анализ смысла, придаваемого рассматриваемому положению судебной практикой, однако он носит в целом абстрактный характер, поскольку КС руководствуется небольшим массивом дел, из которого делает вывод об общих направлениях судебной практики в данном случае, либо – в определениях с положительным содержанием, например, – формулирует правовую позицию, исходя из единичного факта обращения или запроса.

⁴ *Клеандров М. И.* Конституционное правосудие в Российской Федерации: новый этап // Конституционное правосудие. 2011. № 2. С. 39. – В данной статье автор прямо упрекает законодателя в использовании субъективно-конъюнктурного приема вместо обращения к цивилизованному руслу развития российского конституционализма.

⁵ В этом же направлении размышляет, например, В. А. Кряжков: обращая внимание на происходившую с 1997 г. модернизацию статуса КС при неизменности его конституционных основ, он положительно оценивает изменения в законодательстве о деятельности Конституционного Суда, направленные на повышение ее эффективности, в частности легализацию письменного производства (см., напр.: *Кряжков В. А.* Законодательная модернизация статуса Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10).

⁶ В среде казахских правоведов, например, деятельность квазисудебного органа – Конституционного Совета – не получила однозначного одобрения, большинство из них выступает за придание этому органу статуса судебного органа конституционного контроля (см., напр.: *Айтхожин К. К.* Теоретиче-

причем имеется тенденция к увеличению их количества. В такой ситуации возложение функций предварительного контроля на КС из 19 судей парализовало бы его деятельность.

Выборочный предварительный контроль представляется более обоснованным, но вряд ли будет широкомасштабно востребован, поскольку, например, у Президента России есть возможности заблокировать принятый законопроект, воспользовавшись правом вето, которое хотя и может быть преодолено, но является номинальным средством предупреждения появления неконституционных нормативных правовых актов. Еще одной негативной тенденцией предварительного конституционного контроля выступает привнесение начал политизации в деятельность Конституционного Суда, поскольку в спектр рассматриваемых им дел неминуемо вовлекались бы актуальные тренды изменения законодательства, в отношении которых существуют разные, часто противоположные позиции у фракций Государственной Думы, а также в обществе в целом. Подобная тенденция вывела бы деятельность КС за рамки рассмотрения вопросов права, заставив быть в определенной степени арбитром, поддерживающим баланс общественного спокойствия.

Кроме того, неминуемо появилось бы и дискредитирующее начало, поскольку противники позиций, сформулированных КС, получили бы возможность истолковывать их не с точки зрения права, а с точки зрения политических пристрастий. По свидетельству ряда специалистов, сложившаяся практическая деятельность Конституционного Суда в области формулирования правовых позиций способствует укреплению единообразия в понимании положения законодательства, основанного на особенностях современной правовой ситуации и конституционных положений⁷. В связи с этим установление предварительного конституционного контроля потребует ведения КС прогностической деятельности, при этом прогнозирование будет учитывать три позиции: законодательство, гражданское общество, судебная практика, а все они очень сильно связаны с человеческим фактором и иными обстоятельствами, изначально не поддающимися полному учету. Помимо этого, в связи с анализом правоприменительной практики, входящей в алгоритм деятельности КС, не представилось бы возможным оценить принимаемый закон именно с этой позиции. Наконец, далеко не очевидно, что положения законопроекта, признанные соответствующими Конституции, не получат антиконституционного воплощения (или впечатления о нем у лиц, в отношении которых данный закон применялся). В связи с этим неизбежно появляется возможность повторного рассмотрения одних и тех же норм, в одном случае – как потенциальных правил поведения, в другом – как действующих⁸.

Совершенствование деятельности КС РФ в части контроля в международно-правовой сфере. И, наконец, значение имеет деятельность Конституционного Суда в части контроля в международно-правовой сфере. Действующий ФКЗ «О Конституционном Суде» содержит гл. 10, устанавливающую порядок рассмотрения дел о соответствии Конституции международных договоров, не вступивших в силу, где определены перечень субъектов, обладающих правом на обращение с соответствующим запросом, критерии его допустимости, пределы проверки, особенности итогового решения. Если по запросу принято отрицательное решение, международный договор не может быть утвержден, ратифицирован или вступить в силу для РФ иным образом (ст. 91 ФКЗ «О Конституционном Суде»). Это направление деятельности Конституционного Суда имеет много общих черт с предварительным конституционным контролем, особенностью которого можно назвать то, что в данном случае КС

ские проблемы Конституции Республики Казахстан. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2008; Бейбитов М. С. Институт конституционного контроля в Республике Казахстан. Эволюция и проблемы модернизации. Алматы, 2005).

⁷ См., напр.: Ермошин Г. Т. Конституционный Суд Российской Федерации в новом измерении // СПС «КонсультантПлюс»; Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России / Л. В. Лазарев, Т. Г. Морщакова, Б. А. Страшун. М., 2005. С. 8.

⁸ Разделяя позицию Н. С. Бондаря о том, что решения Конституционного Суда, «обволакивая» конкретные конституционные институты и нормы, выполняют преобразовательную функцию, становясь своеобразной «живой» конституционной моделью общественных отношений, укажем, что эта деятельность возможна только в отношении уже применяющихся правил поведения, т. е. в режиме последующего конституционного контроля (см.: Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие. М., 2010. С. 4).

разрешает вопрос о соответствии будущих правил поведения, не приравненных по юридической силе к Конституции, но имеющих перспективу получения статуса более высокого, чем федеральные законы⁹. В связи с этим представляется обоснованным внести определенные изменения в существующий порядок рассмотрения дел данной категории.

Для начала, с учетом чрезмерно большой роли политической конъюнктуры в заключении международных соглашений следует включить в компетенцию КС и рассмотрение вопросов их соответствия Конституции РФ, причем в данном случае орган конституционного контроля может оценить потенциальное отрицательное изменение в механизме правовой защиты личности или общества в целом, а не сиюминутные субъективные особенности, зачастую доминирующие в деятельности федерального законодателя. Например, в 2012 г. было ратифицировано Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей¹⁰. Через некоторое время внимание общественности было привлечено к проблеме внутрисемейного насилия в США, жертвами которого стали и дети, усыновленные из российских детских домов. В связи с этим действие Соглашения о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей от имени Российской Федерации было прекращено, а далее – в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ передача детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, а также осуществление на территории Российской Федерации деятельности органов и организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, желающим усыновить (удочерить) указанных детей, были запрещены. Возможно, что предоставление Конституционному Суду полномочий по проверке соответствия Конституции России положений международных соглашений позволило бы привнести в процедуры их заключения не только политические, но и правовые начала.

Кроме того, с учетом уже сформулированной правовой позиции КС в отношении временного применения в России положений официально не опубликованных международных договоров, которые затрагивают права, свободы и обязанности граждан, в соответствии с которой они не могут применяться на территории России, а федеральным законодателем должен быть создан порядок официального опубликования временно применяемых договоров и приняты меры к их опубликованию¹¹, становится перспективным анализ соответствия положениям Конституции временного периода применения положений договора.

Далее, в российскую правовую систему может достаточно гармонично войти положение, аналогичное п. 2 ст. 100 Конституции ФРГ, согласно которому Федеральный Конституционный Суд не только определяет, является ли положение международно-правового характера частью федерального права и создает ли оно непосредственно права и обязанности для граждан, но и проверяет конституционность закона, которым ратифицируется соответствующий международный договор¹².

⁹ В литературе отмечено различие по этому критерию между общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ, при этом первые ставятся учеными на один уровень с конституционными нормами, а вторые уступают им по юридической силе (см.: *Витрук Н. В.* Конституционное правосудие в России. Очерки теории и практики. М., 2001. С. 126; *Лукашук И. И.* Конституционное право и международное право // Журнал международного права. 1995. № 2. С. 34). – При этом в ряде европейских стран (Венгрия, Болгария, Словения) орган конституционного контроля проверяет соответствие норм национального права не только Конституции, но и общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам, вступившим в законную силу.

¹⁰ Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 150-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей» // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4339.

¹¹ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Д. Н. Ушакова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П // Российская газета. 2012. 13 апр. – Указанное Постановление было исполнено федеральным законодателем, однако с пропуском установленного в его резолютивной части трехмесячного срока.

¹² В целом в европейских странах созданы две основные модели действий органа конституционного контроля в данном случае: 1) проверка конституционности актов, обеспечивающих вступление в силу

И наконец, возможно, следует положительно разрешить вопрос об осуществлении Конституционным Судом не предварительного, а последующего контроля на предмет соответствия Конституции международных договоров, вступивших в силу (например, это разрешено по украинскому законодательству в силу положений ст. 89 Закона о Конституционном Суде Украины). В российских правовых исследованиях сформулированы две основные позиции относительно того, вправе ли Конституционный Суд разрешать вопросы о соответствии Конституции актов, посредством которых принимаются решения о согласии на обязательность для РФ международных договоров: сторонники одной из них (например, Э. М. Аметистов) полагают это невозможным в связи с тем, что в определенных случаях Конституционный Суд способствовал бы денонсации международных обязательств государства, а также на основании положений ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров¹³. Сторонники другой – например, Б. И. Осминин, А. Н. Талалаев, – полагают, что подобные ситуации допустимы, мотивируя это тем, что федеральный закон, которым ратифицирован соответствующий международный договор, ничем не отличается от иных актов федерального законодательства, конституционность которых может быть проверена органом конституционного контроля; к тому же проверка может быть произведена в связи с наличием спора о компетенции¹⁴. В целом вопрос о последующем конституционном контроле и в части соответствия международного договора, и в части соответствия ратифицирующего его закона может быть решен положительно, особенно с учетом того обстоятельства, что заранее прогнозировать влияние положений международного договора на отношения, до того момента урегулированные нормами национального права, не всегда представляется возможным.

Особенно ярко это видно на примере оценок потенциально заключаемых (или уже заключенных) международных договоров как невыгодных для России. Например, в определенный момент обсуждалась невыгодность условий Основополагающего акта Россия – НАТО, относительно которого российскими специалистами делался вывод об ослаблении России в экономическом и военном отношении¹⁵; в современный период ряд специалистов высказали позицию относительно потери обширного морского района в результате подписания в 2010 г. двустороннего Договора между РФ и Норвегией о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане¹⁶. Если в первой ситуации прошедший исторический период расставил акценты и сформировал своеобразную модель партнерских отношений между странами НАТО и Россией, то во втором ратификация договора состоялась весной 2011 г. без предварительной проверки соответствия Конституции его положений.

При наличии возможностей у Конституционного Суда во всех случаях оценить соответствие объема принимаемых международно-правовых обязательств произошло бы создание разностороннего механизма, который исключил бы ситуацию с заключением невыгодного договора, поскольку подразумевал бы не только экономическую или внешнеполитическую, но и правовую оценку.

Совершенствование деятельности КС РФ в сфере изменения собственных правовых позиций. Вряд ли уместными будут в перспективе совершенствования деятель-

международных договоров при отсутствии права проверять соответствие Конституции самих договоров (такое положение содержит, например, ст. 134 Конституции Италии); 2) возможность заключения международного договора, содержащего положения, противоречащие Основному закону, но одобренные органом конституционного контроля (например, Испания; при этом в ст. 95 испанской Конституции установлено, что в такой ситуации необходим ее пересмотр в установленном порядке).

¹³ Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: комментарии / Отв. ред. Н. В. Витрук. М., 1996. С. 276–278.

¹⁴ Осминин Б. И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право. М., 2010. С. 311–313; Талалаев А. Н. Право международных договоров. Т. 1. Общие вопросы. М., 2011. С. 133–149.

¹⁵ См., напр.: Мигранян А. М. Ошибка или нет? Сегодня в Париже Борис Ельцин подпишет договор Россия – НАТО // Независимая газета. 1997. 27 мая.

¹⁶ Дума готова узаконить невыгодный для России договор: открытое письмо ученых // Аргументы недели. 2011. 25 марта.

ности Конституционного Суда России сформулированные в литературе рекомендации о возможности изменения правовых позиций (об этом подробно размышляет, например, А. М. Кальяк¹⁷), а также о чрезмерном расширении принципа субсидиарности, обосновываемом в контексте соотношения процессов развития национальных правовых систем и общеевропейского права (эта точка зрения развита в том числе в воззрениях зарубежных правоведов, например Г. Люббе-Вольфа, А. Нуссбергера, Х.-Ю. Папира¹⁸). На наш взгляд, реализация обоих направлений чревата сужением механизма правовой защиты, который в настоящее время провозглашен положениями ст. 125 российской Конституции.

Указанные позиции мотивируются, с одной стороны, общими эволюционными тенденциями развития законодательства и судебной практики, а с другой – недопустимостью вмешательства европейских судебных органов, в первую очередь, ЕСПЧ, в предмет национального правового регулирования. Однако более верной представляется высказанная в российской юридической литературе позиция о том, что уже состоявшиеся нововведения (изменения, внесенные в 2010 г. в ст. 97 ФКЗ «О Конституционном Суде» в части установления, по сути, обязательного прохождения гражданином до подачи жалобы в КС процедуры рассмотрения дела в судебных инстанциях судов общей юрисдикции) могут затруднить доступ граждан к конституционному правосудию¹⁹.

Проводя аналогии между деятельностью Конституционного Суда и деятельностью Европейского Суда по правам человека, можно отметить, что последний выступает адресатом жалоб граждан в тех случаях, когда исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты. Должен ли Конституционный Суд подчиняться этой же логике? Думается, здесь нет однозначного ответа. Если обращение в ЕСПЧ, действительно, представляет собой трудоемкий процесс, уместный в тех случаях, когда все другие средства судебной защиты исчерпаны, то Конституционный Суд является частью судебной власти, которая осуществляется в равной степени им и иными субъектами судебной системы, а вследствие своего руководящего положения в иерархии судебных органов может предпринять меры к устранению пробела в праве или к иным способам нормоконтроля, не дожидаясь, пока дело будет рассмотрено с соблюдением инстанционного порядка, регламентированного процессуальным законодательством. Иное, к тому же, смешивало бы конституционное и другие виды судопроизводства: если обращение в КС возможно только после рассмотрения дела в суде общей юрисдикции, то не существует ли вместо нескольких видов судопроизводства одной многоступенчатой иерархии судов, каждый из которых приступает к рассмотрению дела после предыдущего? Кроме того, изначально Конституционный Суд не осуществляет правосудия по конкретному делу, хотя в принятом им постановлении может быть сформулировано требование о пересмотре решений,

¹⁷ Данный автор на основе высказанных научных позиций по данному вопросу формулирует два основных подхода к решению этой проблемы: радикальный (установление процедуры пересмотра, как это предусмотрено, например, законодательством Кыргызстана, Литвы, Молдовы) и уравновешенный (установление процедуры выработки новой правовой позиции, что допускается, например, по законодательству Словакии) (см.: Кальяк А. М. К вопросу о возможности изменения юридической практики Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 1).

¹⁸ См., напр.: Люббе-Вольф Г. Международная защита прав человека и принцип субсидиарности: аргументы в пользу решения – «коридора» в случае конфликта прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 68; Нуссбергер А. Восстановление Вавилонской башни // Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия. М., 2007. С. 23; Папир Х.-Ю. Соотношение между национальным конституционным правом и Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод с точки зрения Федерального конституционного суда Германии // Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия. М., 2007. С. 148.

¹⁹ См., напр.: Авакьян С. А. Конституционный Суд Российской Федерации: неоднозначные законодательные новеллы // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 1. С. 5; Стенограмма «круглого стола», посвященного 20-летию учреждения конституционного Суда Российской Федерации (Москва, Российская академия правосудия, 15 дек. 2010): М. В. Баглай, А. Г. Богатырев, Н. В. Витрук, В. В. Ершов // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 1. С. 19; Овсянн Ж. И. К обсуждению концепции статуса конституционного правосудия в свете защиты фундаментальных прав и свобод на основе принципов и норм международного права в период глобализации // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 1. С. 1–11.

вынесенных по делу заявителя²⁰. Укажем, что в декабре 2013 г. Конституционный Суд сформулировал собственную версию имплементации актов ЕСПЧ в российскую правовую систему, оставив, по сути, за собой право принимать окончательное решение по поводу возможности их исполнения на территории РФ после процедуры проверки соответствия положениям Конституции определенных норм российского законодательства²¹.

Совершенствование деятельности КС РФ в сфере взаимодействия с исполнительной властью. Перспективы совершенствования деятельности Конституционного Суда не могут быть рассмотрены в отрыве от его взаимодействия с органами исполнительной власти, которое можно построить по нескольким уровням. Главным из них является взаимодействие с высшими органами исполнительной власти федерального уровня и регионов (на данный момент имеющее либо информационный характер, либо – в случае взаимодействия между КС и главами регионов – распорядительный, поскольку глава региона выступает субъектом, на которого возлагается совершение определенных распорядительных действий в части исполнения вступившего в силу акта КС).

Другим уровнем является взаимодействие с органами юстиции и иными органами исполнительной власти, включая Правительство, по линии мониторинга правоприменения (который на сегодняшний день не урегулирован федеральным законом, хотя в целом установленный в Указе Президента РФ № 657 порядок изменяет подходы к законотворческому процессу). Важность взаимодействия с исполнительной властью может следовать из утверждения о том, что изначально Конституция направлена на рационализацию форм социального бытия и стабильного существования общественных институтов как главного условия эволюционного развития²², при этом в компетенцию исполнительной власти входит создание механизма правоприменения, основанного на положениях Основного закона, и в некоторых случаях этот механизм может ему не соответствовать (или производить такое впечатление), вследствие чего становится необходимым рассмотрение такого вопроса Конституционным Судом²³. Деятельность в сфере мониторинга правоприменения ведется

²⁰ Данный прием использован, например, в Постановлении КС от 9 июля 2013 г. № 8-П, в резолютивной части которого указано, что правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя на основании положений п. 1, 2, 6 ст. 152 ГК РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке в той мере, в какой они признаны не соответствующими Конституции (см.: По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 2 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. // Российская газета. 2013. 19 июля), в Постановлении от 5 марта 2013 г. № 5-П в резолютивной части имеется такое же указание, но с оговоркой «если для этого нет иных препятствий» (см.: По делу о проверке конституционности статьи 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Тополь»: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. // Российская газета. 2013. 15 марта).

²¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президиума Ленинградского окружного военного суда: Постановление Конституционного Суда от 6 декабря 2013 г. № 27-П // Российская газета. 2013. 9 дек.

²² См., напр.: Балагурова Н. Н. Конституция Российской Федерации: теоретико-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 5.

²³ Следует отметить, что существует ряд правовых позиций Конституционного Суда, сформулированных по результатам комплексного рассмотрения вопросов соответствия Конституции положений федерального закона и нормативного акта, принятого органом исполнительной власти. При таких обстоятельствах Конституционный Суд всегда обосновывает верховенство закона, а также сугубо второстепенное значение нормативного акта органа исполнительной власти, который не вносит никаких изменений в порядок правового регулирования, установленный в законе: например, разрешая вопросы, связанные с осуществлением Правительством России права устанавливать количественные размеры наркотических средств и психотропных веществ, за незаконный оборот которых наступает уголовная ответственность, КС неоднократно подчеркивал, что утверждение Правительством России таких размеров не предполагает возможность привлечения к уголовной ответственности за данные преступления без указания на то в уголовном законе, а соответствующим постановлением Правительства не устанавливаются преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, которые определяются только Уголовным кодексом (определения Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2007 г. № 290-О-П и № 292-О-П, от 13 октября 2009 г. № 1135-О-О).

в том числе в целях выполнения решений КС и постановлений ЕСПЧ²⁴, при этом Конституционному Суду рекомендовано ежегодно направлять в Минюст России предложения к проектам плана мониторинга (п. 5 Указа Президента РФ «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»).

В перспективе на базе информационного обмена между КС и Минюстом России возможно создать экспертный совет по мониторингу правоприменения, в компетенцию которого включить и сами процедуры мониторинга в этой части, и разработку перечня направлений законопроектной деятельности, которые могут предоставляться руководству Государственной Думы и Совета Федерации. Мониторинг правоприменения является средством воздействия исполнительной власти на определение направлений работы федерального законодателя, причиной чего стало появление в современный период огромного массива нормативных правовых актов, не обеспеченных работоспособным механизмом реализации. Кроме того, подключение исполнительной власти к процессам обобщения, анализа и оценки информации для обеспечения принятия, изменения или отмены нормативных правовых актов может свидетельствовать о повышении интереса к их востребованности и, в конечном итоге, самой необходимости существования правового регулирования в том виде и качестве, которое выявлено в ходе мониторинга.

Аннотация. Как представляется, обстоятельства политической воли будут в любом случае иметь решающее значение в процессе реформирования законодательства, и законодательство о конституционном контроле в данном случае исключением не является. В связи с этим в статье исследуются возможные перспективные направления деятельности Конституционного Суда РФ, а именно: в сфере превентивного контроля, в части контроля в международно-правовой сфере, в сфере изменения собственных правовых позиций, а также в сфере взаимодействия с исполнительной властью.

Ключевые слова. Конституционный Суд Российской Федерации, совершенствование законодательства, судебный конституционный контроль.

Annotation. As it is represented, circumstances of political will will have anyway crucial importance in the course of legislation reforming, and the legislation on the constitutional control in this case an exception isn't. In this regard in article possible perspective activities of the Constitutional Court of the Russian Federation are investigated, namely: in the sphere of preventive control, regarding control in the international legal sphere, in the sphere of change of own legal positions, and also in the interaction sphere with executive power.

Keywords. Constitutional court of the Russian Federation, legislation improvement, judicial constitutional control.

²⁴ Об этом прямо указано в Докладе Правительства о результатах мониторинга правоприменения за 2011 год; при этом созданный механизм предполагает обязательное информирование Минюстом Конституционного Суда о ходе мониторинговых процедур, а также строгий учет Минюстом актов КС, требующих внесения изменений в действующее законодательство. В первый же год проведения мониторинга Минюст провел подсчет таких постановлений, при этом вследствие активизации работы законодателя из 130 постановлений, в которых признаны не соответствующими Конституции отдельные законоположения, а также 23 принятых КС в течение 2011 г., было исполнено 21. При этом, по мнению Минюста, срок подготовки законопроектов в подобных ситуациях нуждается в увеличении с трех до шести месяцев, что не может быть оценено положительно, поскольку в актах Конституционного Суда предписания федеральному законодателю формулируются достаточно ясно и четко, и такой продолжительный период для проведения парламентских процедур вызывается не сложностями создания проекта изменений в закон, а иными обстоятельствами, не относящимися к вопросам права.

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЕЕ ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

FINANCIAL SAFETY AND ITS LEGAL SUPPORT IN MODERN RUSSIA

Сегодня обеспечение безопасности – внутренней и международной – имеет особое значение для любого государства. Обсуждая вопросы финансовой стабильности, экономического развития, социального обеспечения, энергетической и продовольственной независимости, борьбы с легализацией («отмыванием») доходов, полученных преступным путем, так или иначе говорят о безопасности. В самом общем плане категория «безопасность» характеризует такое состояние социума, при котором обеспечивается нормальное его существование (выживание) и развитие. И проблема состоит в обеспечении условий оптимального функционирования общества и его прогрессивного движения. Трудно представить себе вопрос более важный в практическом и научном, да и в самом широком мировоззренческо-философском отношении.

В последнее время происходит значительное расширение представлений о безопасности, поскольку безопасность выступает ключевой социальной ценностью, без которой значимость других ценностей оказывается сомнительной: кому, например, нужно финансовое благополучие, находящееся под постоянной угрозой? Безопасность служит условием накопления, наращивания и обогащения других ценностей. При таком подходе к безопасности становится очевидным многообразие ее граней (аспектов), среди которых важнейшими в современном мире выступают: экологический, экономический, политический, международный, военный, информационный, технологический, медицинский и ряд других не менее значимых условий безопасной жизнедеятельности социума¹.

Как образно отметил И. Н. Глебов, одним из важных атрибутов категории национальной безопасности представляется бесконечность ее правового содержания. Национальная безопасность включает в себя множество оттенков, запечатленных и регламентируемых правом как совокупное состояние, которое аккумулирует бесконечное множество видов ущерба, а также возможных представлений об угрозах и их последствиях².

Приоритетность того или иного вида национальной безопасности (экологической, экономической, военной и т. д.) определяется объективными факторами: а) степенью потребности людей, социальных групп, общества, государств, мирового сообщества в ней для сохранения и развития себя, а также жизненно важных объектов и ценностей (природных и социальных); б) нарастающей уязвимостью людей и жизненно важных объектов без сосредоточения усилий на ее укреплении; в) наличием широкого круга чрезвычайных опасностей, которым должна противостоять данная система безопасности. По этим показателям финансовая безопасность выдвигается на первое место в системе национальной безопасности. Практически нет ни одного аспекта национальной безопасности страны, который бы непосредственно не зависел от уровня ее финансовой безопасности.

Зависимость всех аспектов национальной безопасности страны от ее финансовой безопасности крайне проста: отсутствие финансовых средств приводит к недофинансированию

© А. А. Фомин, 2014

¹ Кроме указанных в понятие «национальная безопасность» могут быть включены такие аспекты, как «ядерная безопасность», «радиационная безопасность населения», «безопасность продукции», «безопасность дорожного движения», «авиационная безопасность», «морская безопасность», «пожарная безопасность», «продовольственная безопасность», «промышленная безопасность», «энергетическая безопасность» и др.

² Глебов И. Н. Национальная безопасность РФ: проблемы правового регулирования. СПб., 2000. С. 11.

подчас самых неотложных нужд, что предопределяет все без исключения жизненно важные интересы личности, общества и государства, даже не носящие, на первый взгляд, экономического характера. Отсутствие или необеспеченность финансовой безопасности делает проблематичным достижение военной безопасности, обеспечить которую могут государства с развитой экономикой. Полнейший произвол и беспорядок в финансово-экономических отношениях, неспособность власти защитить экономические интересы личности, общества и государства свидетельствуют о слабости этой власти и об отсутствии политической безопасности. Прорехи в финансовой безопасности напрямую сказываются на безопасности экологической, требующей громадных материальных затрат и вложений. Точно так же обстоит дело с безопасностью технологической, медицинской, информационной. Даже криминальная безопасность, заключающаяся в создании реальных гарантий защиты личности, общества и государства от различных правонарушений и преступности, обеспечивается, в конечном счете, безопасностью экономических, и прежде всего финансовых, отношений.

В то же время финансовая безопасность невозможна в полной мере без безопасности правовой, политической, технологической, экологической и т. п. Выделение перечисленных и иных аспектов безопасности является в определенной мере искусственным; все они взаимосвязаны, и речь может идти лишь о безопасности как социально-правовом явлении. Интегральный характер безопасности выражается в невозможности противопоставления и разрыва ее аспектов (отсутствие одного из них оборачивается разрушением других), предполагает необходимость проведения государственно-правовой политики безопасности, как раз обеспечивающей их органическое сочетание.

В современных условиях механизм обеспечения безопасности социума облекается в правовые формы, осуществляется в рамках юридической деятельности. Однако сосредоточивая основные усилия на определении сущности категории «финансовая безопасность», содержании деятельности по обеспечению финансовой безопасности, ученые и практики нередко оставляют без внимания правовые аспекты проблемы. Между тем правовая система, ее функции и роль на сегодняшний день имеют решающее значение в механизме гарантирования финансовой безопасности, на что указывается и во вновь принятых концептуальных актах о безопасности. Так, в п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, в качестве основного содержания обеспечения национальной безопасности называется поддержание правовых механизмов. В п. 3 ст. 3 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» к числу направлений деятельности по обеспечению безопасности отнесено правовое регулирование в области обеспечения безопасности.

Это диктует острую необходимость научного анализа происходящих в вопросах финансовой безопасности процессов и тенденций, пересмотра стратегий и концепций ее обеспечения, функций и задач как государства в целом, так и правоохранительных органов в сфере обеспечения финансовой безопасности страны, серьезного осмысления и выработки новых механизмов организации противодействия национальной и транснациональной преступности в сфере финансовой деятельности³.

Чтобы более глубоко понять сущность правовой категории «финансовая безопасность Российской Федерации» и определить границы предметной области юридической деятельности государственных органов по ее обеспечению, целесообразно обратиться к сущности понятия, противоположного по смыслу относительно термина «безопасность», а именно к понятию «опасность».

Начнем с семантического уточнения. Безопасность – это отсутствие опасности для всех социальных субъектов: личности, общества и государства. Поэтому понять, измерить финансово-правовую безопасность проще, двигаясь от антитезиса – опасности. Финансово-правовая безопасность – это предотвращение или парирование государственно-правовыми средствами опасностей, вызываемых финансовым воздействием, или, другими словами, минимизация финансовых факторов риска. Их знание и отслеживание позволяет свое-

³ Хабибулина А. А. Теоретико-правовые основы деятельности ФСБ России в сфере обеспечения финансовой безопасности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. С. 3.

временно принять правовые меры безопасности. Под финансовыми факторами риска мы понимаем такие характеристики финансовой системы, которые потенциально опасны для нормальной жизнедеятельности общества, ставят преграду процессу финансового обеспечения социальных связей, действуют в противоречии с правовыми целями и принципами финансовой деятельности.

Какие факторы отрицательно влияют на финансовую систему, снижают эффективность, результативность ее функционирования, обуславливают постановку вопроса о правовом обеспечении финансовой безопасности?

На современном этапе негативное влияние на социально-политическую и экономическую сферы оказывают последствия мирового финансового кризиса, так как сохраняется высокий уровень криминализации и коррупционной пораженности ключевых сфер бюджетной и кредитно-банковской отраслей⁴. К сожалению, до сих пор финансовая система России – основное звено регулирования экономических процессов развивающегося российского рынка – оказывается уязвимой для использования ее преступными элементами, конкурирующими международными корпорациями, заинтересованными международными кланами и государствами в обеспечении своих интересов на российском рынке в ущерб интересам экономики России.

На протяжении долгого времени (в течение 1990-х – начале 2000-х гг.) быстрые темпы смены этапов рыночной реформы не позволяли финансовому праву достичь стабильного состояния и оформить основные институты, такие как правовые основы взаимодействия банковской системы с государственными органами банковского и валютно-финансового контроля, формирование банковской резервной системы, обеспечение государственных и иных гарантий по вкладам, государственное управление фондовым рынком, государственные требования к выпуску и финансовому обеспечению различных видов ценных бумаг, разграничение компетенции Федерации и ее субъектов в банковской и налогово-бюджетной сфере и т. д.⁵ Особую угрозу национальным интересам России представляет неэффективно функционирующая налоговая система, которая не на «бумаге», а в практическом плане не обеспечивает необходимые для безопасного развития национальной финансовой системы поступления в бюджет и по-прежнему способствует деградации отечественного производства и утечке капиталов за рубеж.

Как видно, с понятием «безопасность» непосредственно связана категория «обеспечение безопасности». Применительно к финансовой безопасности такая непосредственная связь возникает, по крайней мере, при реализации хотя бы одного из следующих условий:

– во-первых, в случае, когда те или иные финансовые или соответствующие им денежные отношения могут наносить вред государству или стране в целом, можно говорить о наличии финансовой опасности, и, как следствие, в этом случае возникает необходимость принятия мер по нейтрализации этой опасности, или, иными словами, возникает задача обеспечения финансовой безопасности государства (страны);

– во-вторых, вред государству (стране) может наносить неспособность финансов или финансовой системы в целом обеспечивать реализацию его (ее) жизненно важных интересов. В этом случае также можно говорить о финансовой опасности для государства или страны в целом и, следовательно, также возникает необходимость принятия мер по нейтрализации данной опасности, т. е. опять возникает задача обеспечения финансовой безопасности государства (страны).

Исходя из основного понятия «обеспечение национальной безопасности», сформулированного в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., как «поддержание правовых и институциональных механизмов, а также ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам Российской Федерации» содержание категории «обеспечение финансовой безопасности России»

⁴ См. подробнее: *Хабибулина А. А.* Коррупция как системная угроза финансовой безопасности Российской Федерации // *Бизнес в законе.* 2011. № 1.

⁵ *Экономическая безопасность России* / Под ред. В. К. Сенчагова. М., 2005. С. 312–313.

может быть определено как поддержание правовых и институциональных механизмов и ресурсных возможностей России в финансовой сфере на уровне, отвечающем национальным интересам страны. Правовое обеспечение финансовой безопасности – сложная задача, для своего разрешения требующая длительного времени, при этом воедино должны быть сосредоточены усилия всех государственных органов и общественных организаций.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что состояние финансовой системы страны (государственного бюджета и других институтов), способность этой системы обеспечивать государство финансовыми средствами, достаточными для выполнения внутренних и внешних функций, являются наиболее значимыми сторонами обеспечения национальной безопасности государства. Именно поэтому в настоящее время для Российской Федерации все большую актуальность приобретают разработка и реализация эффективной системы мер по правовому обеспечению финансовой безопасности и противодействию финансовой преступности.

Аннотация. В статье обосновывается, что состояние финансовой системы страны (государственного бюджета и других институтов), способность этой системы обеспечивать государство финансовыми средствами, достаточными для выполнения внутренних и внешних функций, являются основой обеспечения национальной безопасности государства. Особое внимание уделяется вопросам разработки и реализации эффективной системы мер по правовому обеспечению финансовой безопасности и противодействию финансовой преступности в современной России.

Ключевые слова. Безопасность, финансовая система, правовое регулирование.

Annotation. In article locates that the condition of a financial system of the country (the state budget and other institutes), ability of this system to provide the state with financial means, sufficient for performance of internal and external functions is a basis of ensuring national security of the state. The special attention is paid to questions of development and realization of effective system of measures for legal support of financial safety and counteraction of financial crime in modern Russia.

Keywords. Safety, financial system, legal regulation.

Раздел 2

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

В. Б. Гольцов
V. B. Goltsov

О КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

CLASSIFICATION OF FORMS OF INTERACTION AND COOPERATION IN LAW ENFORCEMENT SYSTEM

В современных условиях нашего общества построение эффективной правовой системы становится невозможным без четкого, многофункционального взаимодействия¹ и сотрудничества² с различными субъектами и по различным направлениям деятельности общества. Не исключением в этом плане является и такое важное направление, как взаимодействие правоохранительных органов и иных субъектов³ в борьбе с преступностью. По своей сути, ради эффективности соответствующего направления произошло современное реформирование структуры МВД России.

Необходимо заметить, что в истории развития нашего государства уже имели место нарушения связей взаимодействия и сотрудничества между правоохранительными органами в борьбе с преступностью.

Так, с исчезновением Советского Союза и упразднением МВД СССР, координирующего работу по взаимодействию всех союзных республик в борьбе с преступными проявлениями, правоохранительные органы не только России, но и бывших союзных государств столкнулись с небывалым ростом числа противоправных деяний, совершаемых организованными преступными сообществами и группами. Это в свою очередь вскоре определило создание на пространстве стран СНГ нового органа, который бы помог наладить утраченное взаимодействие и сотрудничество между правоохранительными органами бывших союзных государств в борьбе с преступностью. Таким новым органом стало Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ⁴.

Исходя из этого, современные условия надлежащего развития российской правоохранительной системы сегодня невозможно представить без четкого и эффективного взаимодействия и сотрудничества по всем направлениям государственных, общественных органов и организаций, противодействующих преступным проявлениям.

Об эффективном взаимодействии и сотрудничестве между структурами правоохранительных органов в осуществлении их непосредственных задач говорится сегодня

© В. Б. Гольцов, 2014

¹ Взаимодействие – философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого, универсальная форма движения, развития, определяет существование и структурную организацию любой материальной системы (Большой энциклопедический словарь / vslovar.ru).

² Сотрудничество – участие в каком-либо общем деле, совместные действия, деятельность и т. п. (Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. М., 2009. С. 233).

³ В данном случае подразумевается взаимодействие правоохранительных органов с гражданами и различными юридическими лицами различной направленности (коммерческими и некоммерческими организациями).

⁴ С 1996 г. работой Бюро руководит Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ.

достаточно часто и на самых разных уровнях. Так, например, вопросы взаимодействия по выявлению и перекрытию каналов незаконного поступления наркотиков и сотрудничества в области борьбы с киберпреступностью были рассмотрены на заседании Объединенной коллегии министерств внутренних дел России и Белоруссии, которое Владимир Колокольцев провел в Иркутске⁵.

Особо надо отметить, что налаживание рабочих партнерских отношений не только в международном плане, но и на самых разных уровнях стало для МВД России одним из важнейших направлений деятельности⁶.

Свидетельством соответствующего приоритетного направления является множество норм и положений об эффективном взаимодействии и сотрудничестве между общественными и государственными органами, принятых в установленном порядке. Не исключением в этом плане является и принятый Закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в котором «взаимодействие и сотрудничество» (ст. 10) являются одними из основных принципов деятельности российской полиции. В соответствии с ч. 1 ст. 10 Закона РФ № 3-ФЗ «О полиции» определяется, что полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами.

Сегодня работа правоохранительных органов по взаимодействию и сотрудничеству с различными субъектами складывается достаточно плодотворно и осуществляется в различных формах, например: заседания с приглашением заинтересованных лиц, координационные совещания, конференции, видеомосты и он-лайн конференции, встречи на различных уровнях и т. п.

Отсюда всю работу правоохранительных органов в области взаимодействия и сотрудничества можно классифицировать и условно разделить по трем основным направлениям:

- первое – по совокупности развития;
- второе – по устанавливаемым связям;
- третье – по волеизъявлению участников.

По совокупности развития взаимодействие и сотрудничество может быть поделено на две группы: а) внешнее и б) внутреннее.

Внешнее в своей основе ориентировано на международное сотрудничество, внутреннее направлено в основном на решение внутриведомственных вопросов органов и организаций правоохранительной системы и может быть разделено на:

- внутриведомственное (например, сотрудничество среди подразделений системы МВД России);
- межведомственное (например, взаимодействие МВД России с ФСБ России по вопросам борьбы с террористическими актами);
- вневедомственное, которое направлено на установление связей (контактов) с гражданами и организациями (например, взаимодействие управлений и отделов полиции с частными охранными предприятиями в вопросах профилактики преступности).

По устанавливаемым связям взаимодействие и сотрудничество может быть поделено на три группы: а) договорное (может развиваться на основе заключаемых договоров по взаимодействию и сотрудничеству, на основе государственно-частного партнерства⁷; б) координационное (где заключение договора не требуется); в) нормативное (определено непосредственными основополагающими законами для того или иного правоохранительного органа).

В свою очередь договорное взаимодействие и сотрудничество может развиваться в различных направлениях и может быть установлено как на международном уровне, так и с гражданами, организациями различной направленности и подведомственности. Договорное взаимодействие и сотрудничество может складываться как на двухсторонней

⁵ Материалы пресс-центра МВД России // <http://mvd.ru/document/>

⁶ Никитин Д. Мосты сотрудничества // Полиция России. 2013. № 7. С. 6.

⁷ Государственно-частное партнерство (ГЧП) – совокупность форм средне- и долгосрочного взаимодействия государства и бизнеса для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях (Wikipedia.org).

основе, так и на трехсторонней, при участии посредника, например при государственно-частном партнерстве⁸.

Координационное⁹ взаимодействие и сотрудничество может развиваться в форме совещаний, конференций, круглых столов и т. п. Их отличает в основном то, что выбирается некий координирующий орган, который может быть как единоначальным (руководитель, начальник и т. п.), так и коллегиальным (президиум, совет и т. п.). Соответствующий координирующий орган руководит деятельностью совещания, конференции и т. п. в соответствии с выработанной заранее программой или регламентом и принимает по итогам мероприятия свое решение.

Нормативное взаимодействие и сотрудничество устанавливается законом или иным нормативно-правовым актом.

Так, например, общественные объединения, участвующие в работе по осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в органах и учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, в соответствии с ч. 3 ст. 23 УИК РФ обязаны оказывать содействие органам, исполняющим уголовные наказания. В соответствии с ч. 2 ст. 15 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, вправе устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. В главе 4 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» урегулированы вопросы содействия граждан (находящихся на территории РФ) органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

По волеизъявлению участников взаимодействие и сотрудничество может быть поделено на три группы: а) публично-правовое; б) частноправовое; в) смешанное.

Публично-правовое взаимодействие и сотрудничество осуществляется на основе полномочий, предоставленных правоохранительному органу законом, и может складываться по инициативе одной из сторон, наделенной властными правами и обязанностями по отношению к другим участникам правоотношения. Согласие другой стороны при вступлении в соответствующие отношения, как правило, не требуется. На основе публичноправовой формы устанавливаются жесткие неизменяемые рамки взаимодействия и сотрудничества для сторон. Примером проявления таких форм являются приказы, распоряжения, утверждаемые положения и т. п.¹⁰ Соответствующие формы, как правило, разрабатываются заинтересованным органом, с утверждением в дальнейшем тех положений, которые в них прописаны. Надо заметить, что определяемое публичноправовое взаимодействие и сотрудничество может осуществляться как между правоохранительными органами, так и с иными организациями и быть ориентировано на традиционные устоявшиеся административно-правовые (координационные) связи по взаимодействию и сотрудничеству. Отсюда вполне естественным выглядит то, что такое взаимодействие и сотрудничество может именоваться административно-правовым или координационным¹¹, однако публично-правовая сущность такой формы остается неизменной.

Частноправовое взаимодействие и сотрудничество может складываться как по инициативе одной из сторон, так и на обоюдной основе. Отличается такое взаимодействие и сотрудничество от публично-правовой формы тем, что стороны свободны в выборе своих действий по принятию решений, к которым они стремятся. Как правило, такое взаимодействие и сотрудничество может складываться между сторонами, занимающими равное властное положение (например, между ведомствами МВД и ФСБ), где приказывать одна

⁸ См., напр.: Проект Федерального закона № 238827-6 «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ) // <http://base.consultant.ru>

⁹ Координация – (лат. *coordinatio*). Соотношение, согласованность (Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940).

¹⁰ См., напр.: Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567.

¹¹ См., напр.: ГУТ МВД России провело координационное совещание (<http://mvd.ru/news/item/154914>).

сторона другой по своей сути не может, так как стороны не состоят в иерархической подчиненности между собой. Примерами проявления такой формы могут служить заключение договора, проведение конференции, круглого стола между сторонами и т. п.

Смешанное взаимодействие и сотрудничество складывается с учетом публично-правовых и частноправовых интересов и может включать в себя как публично-правовые (по вертикали), так и частноправовые (по горизонтали) связи. Координационные совещания, проводимые в различных ведомствах правоохранительных органов, могут являться именно такой формой взаимодействия и сотрудничества.

Помимо собственных свободно высказанных мнений участниками совещания по обсуждаемым проблемам, где субъекты не связаны иерархически, действует координирующий орган на основе предоставленных ему властных полномочий. Полномочия могут быть предоставлены такому координирующему органу либо специальным законодательством¹², либо в соответствии с выборами такого органа (коллегиального либо единоначального)¹³, при этом он наделяется административными полномочиями с принятием властных решений.

Так, например, в Волгоградской академии МВД России прошел межведомственный семинар-совещание руководителей подразделений собственной безопасности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации, дислоцированных в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. На семинаре-совещании выборному коллегиальному органу было поручено принять решение о проработке механизма оперативного обслуживания сводных отрядов полиции, задействованных для охраны общественного порядка в период проведения Олимпийских игр в 2014 г. в г. Сочи, а по итогам семинара-совещания выработать решения в области межведомственного взаимодействия в сфере укрепления законности и противодействия коррупции в системе правоохранительных органов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Несмотря на выборный орган с предоставленными ему властными полномочиями, каждый из приглашенных при этом имел возможность выступить и высказать свое собственное мнение по обсуждаемым проблемам в частноправовой форме¹⁴.

Как уже отмечалось, особенностью смешанной формы взаимодействия и сотрудничества является то, что в ней одновременно могут наблюдаться как иерархические связи, выстраиваемые вертикально, так и равноправные, складывающиеся горизонтально, которые основаны на свободной воле субъектов взаимодействия.

Важно отметить, что взаимодействие и сотрудничество правоохранительных органов в ранее приведенных направлениях (по совокупности развития, по устанавливаемым связям и по волеизъявлению участников) возможно только в рамках целей и задач, установленных таким органам федеральными законами, в соответствии с которыми они осуществляют свою непосредственную деятельность, и отступление от таких целей и задач недопустимо.

Несмотря на приведенную классификацию различных форм взаимодействия и сотрудничества правоохранительных органов России и актуальность соответствующей тематики, сама эффективность взаимодействия и сотрудничества между структурами правоохранительных органов остается достаточно низкой. Об этом свидетельствуют различные научные и методические работы в данном направлении, обзоры, материалы прессы и директивные указания, принимаемые в структурах правоохранительных органов и органов власти различных уровней¹⁵.

¹² Например, МВД России в лице министра внутренних дел РФ осуществляет свои властные (координирующие) полномочия в отношении подведомственных ему органов на основании Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248).

¹³ Например, коллегиальный выборный орган может состоять из нескольких представительских лиц, образующих в совокупности совет или президиум. Единоначальный – в свою очередь может выражать свои интересы, например через председательствующего.

¹⁴ «В целях межведомственного взаимодействия» // Профессинал. 2013. № 4. С. 4–5.

¹⁵ См., напр.: *Максуров А. А.* Формы координационного взаимодействия правоохранительных органов в области борьбы с преступностью. Науч.-метод. пособие. Ярославль, 2004; *Шашков А. А.* Вза-

Соответствующее положение дел может быть объяснено следующим.

Во-первых, перспективные направления взаимодействия и сотрудничества, провозглашаемые в различных законодательных и иных источниках, иногда отражают всего лишь общие направления деятельности правоохранительных органов, не раскрывая достаточно подробно конкретных форм, при помощи которых может осуществляться взаимодействие и сотрудничество между структурами. Например, ч. 2 ст. 10 Закона РФ № 3-ФЗ «О полиции» определяет, что полиция в Российской Федерации при выполнении возложенных на нее обязанностей может использовать возможности государственных и муниципальных органов, общественных объединений и организаций в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. В ч. 3 и 4 ст. 10 Закона РФ № 3-ФЗ «О полиции» указано на содействие полиции и иных органов, которые обязаны оказывать содействие друг другу, однако в какой форме будет осуществляться конкретное содействие, не раскрывается.

Во-вторых, определяемое взаимодействие и сотрудничество правоохранительных органов, как между собой, так и с иными организациями, всего лишь ориентировано на традиционные устоявшиеся публично-правовые (координационные) формы взаимодействия и сотрудничества. Соответствующие формы, как уже говорилось, устанавливают жесткие неизменяемые рамки взаимодействия и сотрудничества для сторон и не позволяют быстро ликвидировать возникающие при этом пробелы в правах и обязанностях сторон, учитывая конкретные ситуации.

В данном случае отдельные авторы видят улучшение взаимодействия и сотрудничества в правоохранительной системе в развитии устоявшихся традиционных публично-правовых форм, например, в усилении координационных связей, в освещении и проработке ведомственных приказов и инструкций по взаимодействию служб и подразделений ОВД¹⁶ либо в развитии практики координационных совещаний и заседаний с приглашением заинтересованных лиц, на которых обсуждались бы конкретные вопросы согласования деятельности компетентных органов и их взаимодействия в той или иной сфере¹⁷. Соответствующие формы, предлагаемые авторами, имеют положительную направленность для органов внутренних дел, но, к сожалению, не всегда ведут к достижению того результата, на который они рассчитывали, так как:

– во-первых, не всегда учитывают реальность перемен, происходящих в экономической и политической жизни нашей страны, где курс связан с рыночной экономикой Российской Федерации, ее социальной направленностью и соответствующим обновлением нормативно-законодательной базы в условиях сложившихся перемен в обществе;

– во-вторых, конкретные интересы и инициативность взаимодействующих сторон, которые должны развиваться, оказываются на практике скованными неудобной (требующей соответствующего согласования и утверждения) процедурой принятия нормативного акта, положения, приказа, другой публично-правовой формы.

Обращение лишь к традиционным административным связям взаимодействия и сотрудничества в правоохранительной системе не всегда приводит к эффективным результатам, а, наоборот, может вести к пассивности, а иногда и к фиктивности выстраиваемых взаимоотношений между сторонами, вовсе не ведущих к достижению единой их цели.

Отсюда естественным выглядит то, что вопросы взаимодействия, которые возникают между подразделениями правоохранительных служб между собой и с различными организациями, решаемые при помощи административно-правовых мер, на основе которых и устанавливаются соответствующие связи, оказываются не всегда эффективными.

имодействие правоохранительных и иных органов при противодействии криминальному рейдерству. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010; Отчет о деятельности Управления по взаимодействию с правоохранительными органами Республики Хакасия в 2010 г. // <http://www.r-19.ru/mainpage.html> и др.

¹⁶ Беженцев А. А. Административная деятельность органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. М., 2011. С. 129–131.

¹⁷ Максуров А. А. Формы координационного взаимодействия правоохранительных органов в области борьбы с преступностью. Науч.-метод. пособие. С. 11–12.

Следует подчеркнуть, что взаимодействие правоохранительных органов¹⁸ в период проведения реформ нацелено на эффективность решения задач, которые определены законом перед правоохранительными органами. Однако само взаимодействие правоохранительных органов при различных ситуациях (например, чрезвычайных) и по различным иным направлениям их деятельности все же определено не на уровне законов, а на уровне подзаконных актов, призванных регулировать возникающие взаимоотношения субъектов.

На основании вышеизложенного в законодательстве, регламентирующем основные направления деятельности различных организаций и структур правоохранительной системы, необходимо установить четкую классификацию различных форм взаимодействия и сотрудничества, действующую в правоохранительных органах.

Последующие установленные нормы законодательства, определяющие классификацию форм взаимодействия и сотрудничества в правоохранительных органах, позволят им не только действовать в рамках утвердившихся публично-правовых взаимосвязей, но и развивать иные формы взаимодействия и сотрудничества, детально отработать множество конкретных вопросов, стоящих перед правоохранительными органами, учитывая и отражая при этом непосредственные интересы сторон.

Аннотация. В статье отражена сущность правоохранительных органов России по взаимодействию и сотрудничеству между собой и иными организациями в соответствии с действующим законодательством. Обоснована необходимость четкой классификации форм и направлений взаимодействия и сотрудничества правоохранительных органов в законодательстве, регламентирующем основные направления их непосредственной деятельности.

Ключевые слова. Взаимодействие, сотрудничество, правоохранительные органы, полиция, граждане и организации, законодательство России.

Annotation. This article reflects the essence of the law enforcement bodies of Russia for interaction and cooperation between themselves and other bodies and organizations in accordance with applicable law. The necessity of clear classification of forms and areas of cooperation and law enforcement cooperation, legislation, regulating the basic directions of their business.

Keywords. Interaction, cooperation, law enforcement, police, citizens and organizations, Russian legislation.

¹⁸ Имеются в виду такие органы, как МВД России, ФСБ России, Прокуратура России и т. п.

**ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА
«ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, СРОК ИСПОЛНЕНИЯ КОТОРЫХ
ОПРЕДЕЛЕН МОМЕНТОМ ВОСТРЕБОВАНИЯ»
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ**

**CHARACTERISTICS OF LEGAL INSTITUTIONS
«LIABILITIES, WHICH DEADLINES DETERMINED
BY THE MOMENT OF DEMAND» IN CONTEMPORARY RUSSIAN LAW**

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержит только одну общую норму, в которой упоминаются обязательства, срок исполнения которых определен моментом востребования. Так, в соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 314 ГК РФ¹ в случаях, когда обязательство не предусматривает срок его исполнения и не содержит условий, позволяющих определить этот срок, оно должно быть исполнено в разумный срок после возникновения обязательства.

Обязательство, не исполненное в разумный срок, а равно обязательство, срок исполнения которого определен моментом востребования, должник обязан исполнить в семидневный срок со дня предъявления кредитором требования о его исполнении, если обязанность исполнения в другой срок не вытекает из закона, иных правовых актов, условий обязательства, обычаев делового оборота или существа обязательства.

Большая часть авторов, посвятивших свои труды исследованию правовой природы обязательств со сроком исполнения, определенным моментом востребования, относит данные обязательства не к бессрочным, а к срочным обязательствам, хотя и с неопределенным сроком исполнения, так как никогда заранее не известно, через какое время после возникновения обязательства кредитор предъявит требование о востребовании его исполнения. К таким авторам относятся, например, М. И. Брагинский, В. В. Витрянский, Е. А. Богатых, Е. А. Суханов, В. С. Толстой, И. М. Тютрюмов, Т. С. Бойко.

В связи с такой неопределенностью данные обязательства можно отнести к невыгодным для должника, вынужденного быть готовым к исполнению в любое время, и к выгодным для кредитора, имеющего право в любое время потребовать исполнения обязательства и получить удовлетворение своего требования. Очевидно, что такие обязательства редко можно встретить между субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. «Обязательственные связи устанавливаются без определения срока весьма редко, так как неопределенность исполнения может привести к разрушению самих экономических связей. Однако в некоторых случаях такая неопределенность практически целесообразна»². Между тем такие обязательства чаще встречаются между гражданами, поскольку предполагают доверительные отношения.

Рассматривая необходимость включения в договор условия о сроке исполнения обязательства до востребования, нужно отметить следующее. Норма права, содержащаяся в п. 2 ст. 314 ГК РФ, при буквальном ее толковании указывает на необходимость предусматривать в договоре условие о том, что данное обязательство должно быть исполнено в срок по востребованию исполнения кредитором: «обязательство, срок исполнения которого определен моментом востребования», т. е. срок должен быть определен и определен именно моментом востребования.

© И. И. Дубровская, 2014

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32.

²Чернышева И. В. Обязательства, срок исполнения которых не определен // Российский юридический журнал. 2007. № 2. С. 119.

Пункт 4 ст. 421 ГК РФ предусматривает, что условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (ст. 422). В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой.

Вероятно, что в случае, если стороны не указали на то обстоятельство, что срок исполнения конкретного обязательства определен моментом востребования исполнения, считается, что обязательство не предусматривает срок его исполнения и не содержит условий, позволяющих определить этот срок. При таком подходе в силу п. 2 ст. 314 ГК РФ такое обязательство должно быть исполнено в разумный срок после его возникновения и является обязательством с разумным сроком его исполнения.

Подобной позиции придерживается И. В. Чернышева, по мнению которой срок исполнения, определенный моментом востребования, должен быть указан в договоре³.

Однако из буквального толкования нормы права, содержащейся в п. 2 ст. 314 ГК РФ, следует, что обязательство, не исполненное в разумный срок, должник обязан исполнить в семидневный срок со дня предъявления кредитором требования о его исполнении. Таким образом, даже если в обязательстве не указано, что срок его исполнения определен моментом востребования и оно является обязательством с разумным сроком исполнения, то в итоге по истечении разумного срока при неисполнении оно становится обязательством до востребования.

Схожего мнения придерживается Т. С. Бойко⁴.

В ст. 810 ГК РФ законодатель вообще не различает разумный срок и срок до востребования, устанавливая одинаковые требования к исполнению обязательств. Так, согласно п. 1 в случаях, когда срок возврата займа договором не установлен или определен моментом востребования, сумма займа должна быть возвращена заемщиком в течение тридцати дней со дня предъявления займодавцем требования об этом, если иное не предусмотрено договором.

Следовательно, в данном конкретном случае, каким бы ни был срок возврата займа – определенным моментом востребования либо не установленным вообще (что в силу п. 2 ст. 314 ГК РФ повлекло бы применение разумного срока), – в итоге обязательство, срок исполнения которого не установлен, является обязательством, определенным моментом востребования, так как заем может быть получен кредитором только после предъявления им требования к исполнению обязательства.

Очевидно, что при неисполнении должником обязательства обязательство с разумным сроком исполнения можно рассматривать как частный случай обязательства, срок исполнения которого определен моментом востребования.

Однако эти обязательства следует различать.

Так, обязательства со сроком до востребования более выгодны для кредитора, имеющего право потребовать исполнения обязательства в любое время и отказаться от досрочного исполнения обязательства должником, в то время как обязательства с разумным сроком исполнения менее выгодны для кредитора, обязанного принять исполнение обязательства в пределах разумного срока, который может быть меньше периода между возникновением обязательства и моментом востребования его исполнения, под страхом попасть в просрочку. Для должника же разумный срок предполагает более или менее определенный период времени, в который должник обязан осуществить исполнение обязательства. Кроме того, исходя из буквального толкования п. 2 ст. 314 ГК РФ должник обязан осуществить исполнение обязательства начиная с момента возникновения обязательства и заканчивая истечением разумного срока, т. е. в любое время, не дожидаясь требования кредитора, а кредитор обязан принять такое исполнение, чтобы не считаться просрочившим.

³ Там же. С. 121.

⁴ Бойко Т. С. Общие положения об обязательствах и исполнении обязательств // Закон. 2009. № 6. С. 139.

И, видимо, в качестве санкции за ненадлежащее исполнение обязательства в разумный срок по истечении разумного срока оно становится обязательством до востребования, где кредитор волен потребовать исполнения в любое время.

Однако существует позиция, в соответствии с которой разумный срок установлен в интересах кредитора. Ее придерживается М. И. Брагинский⁵, по мнению которого это обусловлено правом кредитора по истечении определенного периода времени предъявить требование об исполнении обязательства, что должно обеспечивать удовлетворение его интереса. Поэтому разумность срока определяет кредитор, а в случае возникновения спора – суд.

Такие противоречивые взгляды относительно применения разумного срока и срока до востребования нашли свое отражение в Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России⁶ (далее – Концепция).

В п. 2.4 Концепции указывается на правовую проблему, заключающуюся в том, что норма, регулирующая срок исполнения обязательства, которое не предусматривает срок исполнения и не позволяет его определить, содержит внутреннее противоречие (п. 2 ст. 314 ГК РФ). С одной стороны, согласно абз. 1 п. 2 ст. 314 ГК РФ просрочка наступает по истечении разумного срока, а с другой – согласно абз. 2 п. 2 ст. 314 ГК РФ просрочка наступает с момента истечения льготного срока, исчисляемого со дня предъявления соответствующего требования кредитором. Следствием этого является неоднозначная судебная практика, которая свидетельствует о различных подходах в определении начала просрочки исполнения обязательства для одних и тех же обязательств.

Подтверждением такого противоречия является существование различных мнений относительно правильного толкования п. 2 ст. 314 ГК РФ.

Данную проблему отмечает С. Сарбаш, по мнению которого совершенно nonsensical то, чтобы должник был обязан исполнить обязательство одновременно в два различных не совпадающих во времени момента (по истечении разумного срока и после истечения указанного семидневного срока). По мнению автора, следует исходить из того, что обязательство, которое не предусматривает срок исполнения или не позволяет его определить, подлежит исполнению в разумный срок, а если его невозможно определить – в семидневный срок после предъявления требования кредитором. При длительном отсутствии требования должник вправе потребовать от кредитора принять исполнение⁷.

Решению данной проблемы посвящен п. 3.4 Концепции, согласно которому для устранения внутреннего противоречия положений действующего законодательства о сроке исполнения обязательства, не предусматривающего срока его исполнения или не позволяющего его определить, следует исходить из того, что обязательство, которое не предусматривает срок исполнения или не позволяет его определить, подлежит исполнению в разумный срок, а если его невозможно определить – в семидневный срок после предъявления требования кредитором. При длительном отсутствии требования должник вправе потребовать от кредитора принять исполнение.

Как можно заметить, при таком построении ст. 314 ГК РФ исчезают положения относительно обязательств, срок исполнения которых определен моментом востребования. Очевидно, что это сделано в результате того, что многие относят обязательства с неопределимым сроком к обязательствам до востребования.

При таком подходе обязательства со сроком исполнения, определенным моментом востребования, по-видимому, должны быть четко определены, т. е. срок востребования должен быть предусмотрен в источнике обязательства для того, чтобы обязательство не становилось обязательством с разумным сроком исполнения. Иначе при отсутствии такого указания обязательство до востребования становится обязательством, срок исполнения которого не установлен и не может быть определен, т. е. является в силу прямого указания закона обязательством с разумным сроком исполнения, если иное не предусмотрено специальными нормами права, как, например, нормой права, содержащейся в ст. 810 ГК РФ.

⁵ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. М., 1998. С. 324.

⁶ Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 3. С. 14–32.

⁷ Сарбаш С. Исполнение обязательств // Хозяйство и право. 2009. № 3. С. 33–35.

Риск возникновения бессрочных обязательств устраняется посредством предоставления права должнику потребовать от кредитора принять исполнение при длительном отсутствии востребования. При этом вводится оценочная категория длительности без определения, что следует понимать под длительным сроком, что опять-таки не решает правовую проблему, а создает дополнительную. Кроме того, таким ограничением нарушаются правовая природа обязательств до востребования, принцип свободы договора и воля сторон, желающих установить обязательство, которое подлежит исполнению только по предъявлении требования кредитором.

Следовательно, при таком подходе видится вообще упразднение обязательств со сроком исполнения, определенным моментом востребования, и замена их обязательством с длительным сроком исполнения.

Так, при заключении международных коммерческих договоров в соответствии с Принципами международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)⁸ вообще не предусмотрено установление обязательств, срок исполнения которых определен моментом востребования, что прямо указано в ст. 6.1.1, в соответствии с которой стороны обязаны исполнить свое обязательство в любом другом случае в течение разумного срока после заключения договора.

Нельзя не согласиться с мнением Т. С. Бойко, согласно которому при таком подходе определение начала просрочки отдается на усмотрение кредитора исходя из его понимания разумного срока, должник же о начале просрочки и применении в отношении него мер ответственности знать не будет, а предъявление требования кредитором будет иметь правовое значение лишь в том случае, когда разумный срок невозможно определить⁹.

Возвращаясь к рассмотрению обязательств, срок исполнения которых определен моментом востребования, следует обратить внимание на точку зрения И. В. Чернышевой, полагающей необходимым различать обязательства с неопределенным сроком исполнения, к которым она относит обязательства, срок исполнения которых не установлен и не может быть определен из их содержания, и обязательства, срок исполнения которых определен моментом востребования, от длящихся обязательств, исполнение которых не ограничено каким-либо сроком (договоры постоянной ренты, банковского вклада «до востребования»). В первых не установлен момент, когда должник представляет исполнение. Во вторых лишь не зафиксирован конечный момент их действия, а сроки исполнения конкретных обязанностей, как и в любых других договорах, могут быть и определенными, и неопределенными¹⁰.

Исходя из данной точки зрения, И. В. Чернышева относит обязательства, срок исполнения которых определен моментом востребования, к разовым обязательствам, исполнение которых представляет собой однократный волевой акт и не предполагает длящееся исполнение, состоящее из нескольких исполнений одного обязательства, каждое из которых может быть как обязательством с определенным сроком исполнения, так и обязательством до востребования.

Рассматривая правовую природу семидневного срока, следует отметить, что, по-видимому, семидневный срок исполнения в обязательствах до востребования, часто именуемый льготным сроком, установлен в пользу должника, так как кредитор может потребовать исполнения обязательства в любой срок существования обязательства, должнику предоставляется срок для подготовки и возможности его исполнить. Аналогичного мнения придерживаются М. И. Брагинский и В. В. Витрянский¹¹.

Однако, исходя из буквального толкования диспозитивной нормы права, содержащейся в ст. 314 ГК РФ, следует отметить, что семидневный льготный срок может быть изменен и законом, и волей сторон как в сторону увеличения, так и в обратную сторону.

⁸ Закон. 1995. № 12.

⁹ Бойко Т. С. Общие положения об обязательствах и исполнении обязательств. С. 139.

¹⁰ Чернышева И. В. Обязательства, срок исполнения которых не определен. С. 119.

¹¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. С. 261.

Примером изменения семидневного льготного срока в сторону его увеличения посредством воли кредитора является договор банковского счета, а посредством закона – договор займа.

Так, в случае расторжения договора банковского счета в соответствии с п. 1 ст. 859 ГК РФ договор банковского счета расторгается по заявлению клиента в любое время. Как разъяснил Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) в п. 12 и 13 Постановления от 19 апреля 1999 г. № 5 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета»¹², согласно п. 3 ст. 859 ГК РФ остаток денежных средств на счете при расторжении договора банковского счета выдается клиенту либо по его указанию перечисляется на другой счет не позднее семи дней после получения соответствующего письменного заявления клиента. Договор банковского счета прекращается с момента получения банком письменного заявления клиента о расторжении договора (закрытии счета), если более поздний срок не указан в заявлении.

В ГК РФ не указано, в какой форме кредитор может потребовать исполнения обязательства, – в устной или письменной. Очевидно, что предъявление требования к исполнению обязательства (востребование) является односторонней сделкой, которая изменяет срок основного обязательства со срока до востребования на определенный срок.

Определенный срок, в свою очередь, может предполагать немедленное исполнение, которое, исходя из сущности обязательства, в некоторых случаях не предполагает предоставление должнику льготного срока, например, при исполнении обязательств, возникающих из договора хранения вещей в гардеробе, при предъявлении сертификата на оказание услуги или получение товара, жетона в метрополитене или при использовании телефонной карточки. «Возможны требования, по которым исполнение должно быть произведено немедленно, например, при предъявлении вкладчиком требования о выдаче вклада»¹³.

Е. А. Суханов придерживается аналогичного мнения, согласно которому срок исполнения обязательства может быть также определен моментом востребования (обязательства с неопределенным сроком), например, в некоторых договорах хранения или банковского вклада. В этом случае должник обязан исполнить такое обязательство в семидневный срок с момента предъявления кредитором требования о его исполнении, если только иное не вытекает из законодательства, условий или существа самого обязательства, а также обычаев делового оборота. Так, банк обязан выдать вклад до востребования по первому требованию вкладчика, а хранитель обязан возвратить принятую на хранение вещь по первому требованию вкладчика (ст. 904 ГК РФ), т. е. немедленно, без предоставления им такого льготного срока¹⁴.

Конструкция, предусматривающая применение льготного срока, не применяется, например, в романо-германском праве (континентальные системы Франция, Австрия, Германия, Дания, Греция, Италия, Нидерланды, Португалия, Швейцария)¹⁵, где исполнение обязательства, срок исполнения которого не определен, может быть потребовано немедленно после возникновения обязательства¹⁶. Однако обычай, существо обязательства или иные обстоятельства способны стать преградой для истребования кредитором немедленного исполнения. В Италии, Португалии, Испании и во Франции определение срока исполнения может быть осуществлено судом; в некоторых других странах правило о немедленном исполнении смягчается требованием добросовестности действий при исполнении обязательства¹⁷. Однако в российском гражданском законодательстве, в свою очередь, отсутствует конкретный перечень обязательств, исполнение которых может быть потребовано немедленно после их возникновения, исходя из сущности самого обязательства.

¹² Вестник ВАС РФ. 1999. № 7.

¹³ Зверева Е. А. Надлежащее и ненадлежащее исполнение договорных обязательств предпринимателем // Право и экономика. 1998. № 8.

¹⁴ Суханов Е. А. Гражданское право: В 4 т. Т. 3: Обязательственное право. М., 2005. С. 52–53.

¹⁵ Сарбаш С. Исполнение обязательств. С. 34.

¹⁶ Богатых Е. А. Гражданское и торговое право. Учеб. пособие. М., 2004. С. 158.

¹⁷ Сарбаш С. Исполнение обязательств. С. 34.

Анализ правового регулирования исполнения обязательств, срок по которым определен моментом востребования, на примере законодательства ряда стран, в том числе на примере международных конвенций, участницей которых является Российская Федерация, не является предметом исследования в настоящей статье и станет объектом самостоятельного исследования в последующих статьях.

В других случаях определенный срок предполагает исполнение в течение семи дней льготного срока или иного срока, определенного в требовании кредитора, т. е. изменяет условие обязательства.

Поэтому, вероятно, такая сделка, если она предполагает определенный льготный срок для должника после востребования исполнения, должна быть осуществлена в письменной форме для подтверждения в суде в случае неисполнения обязательства обращения к должнику за исполнением. Если источником обязательства является договор, то, очевидно, должна применяться норма права, содержащаяся в ст. 452 ГК РФ.

Однако в гражданском законодательстве не урегулированы вопросы относительно того, какой должна быть форма сделки при исполнении обязательства до востребования, если предполагается немедленное исполнение обязательства, и как суды разрешают подобные коллизионные правовые ситуации при нарушении должником обязанности по исполнению обязательства, какие доказательства требуется представлять кредитору в обоснование своих требований.

Представляется, что важным является также определение момента, с которого происходит изменение срока исполнения обязательства, и с какого момента, соответственно, начинает истекать семидневный льготный срок исполнения обязательства. В ст. 314 ГК РФ указано, что должник обязан исполнить в семидневный срок со дня предъявления кредитором требования о его исполнении.

Такая же общая формулировка используется в научной литературе, например, такова позиция М. И. Брагинского и В. В. Витрянского¹⁸.

Следовательно, необходимо определить, что является днем предъявления кредитором требования, – день отправления требования или день, когда это требование получено должником.

В законодательстве нет ответа на данный вопрос, поэтому очевидна необходимость обращения к судебной практике. Так, суды исходят из того, что семидневный срок истекает со дня, следующего за днем, когда требование об исполнении обязательства было получено должником¹⁹, т. е. правовые последствия востребования кредитором исполнения обязательства не могут наступить раньше получения должником требования.

Таким образом, представляется необходимым дополнить действующее законодательство, а именно создать нормы права, которые будут содержать требования к форме востребования при исполнении того или иного обязательства; момент, с которого начинается течение льготного срока; нормы, которые будут содержать закрытый перечень обязательств с немедленным сроком исполнения, т. е. в случае неприменения льготного срока, и правовое регулирование исполнения таких обязательств.

Рассматривая временные пределы действия обязательств, срок исполнения которых определен моментом востребования, мы сталкиваемся с необходимостью определить срок действия права требования. В действующем законодательстве не указано, в течение какого периода кредитор может предъявить требование к должнику об исполнении обязательства с момента его возникновения, что превращает обязательства со сроком до востребования в бессрочные обязательства.

Временным средством ограничения действия права требования является исковая давность. В ст. 200 ГК РФ указано, что срок исковой давности во всяком случае не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательства.

¹⁸ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. С. 260.

¹⁹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2008 № 17АП-919/2008-ГК по делу № А60-17183/2007.

Согласно ст. 307 ГК РФ в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

И здесь возникает вопрос, что считать днем возникновения обязательства со сроком до востребования – день, с которого возникает право требования, или день, с которого возникает обязанность исполнения обязательства, и если второе, то может ли возникнуть обязанность исполнения раньше, чем реализовано право требования. Представляется, что нет, так как о нарушении права на получение исполнения обязательства кредитор узнает не раньше предъявления требования о его исполнении.

Поэтому установление 10-летнего срока исковой давности не устраняет риск появления бессрочного обязательства до тех пор, пока не будет установлен срок давности на момент востребования, т. е. на реализацию права требования исполнения обязательства.

В связи с этим автор предлагает внести в законодательство положение, в соответствии с которым будет установлен максимальный срок давности на право требования исполнения обязательства (момент востребования) наряду с максимальным сроком исковой давности на обязанность исполнения обязательства после реализации права требования.

Тогда, с одной стороны, будет устранен риск появления бессрочных обязательств, а с другой стороны, кредитор не лишится права на востребование в тот срок, который по-прежнему считает необходимым.

Более подробно рассмотреть вопрос о применении срока исковой давности к обязательствам до востребования мы надеемся в другой работе.

Кроме того, по истечении максимально установленного срока давности на право требования должник будет вправе потребовать от кредитора принять исполнение обязательства посредством внесения денежных средств в депозит нотариуса или в депозит суда (ст. 327 ГК РФ). Также, вероятно, в качестве одного из способов требования принятия исполнения обязательства можно использовать внесение вклада в пользу кредитора (ст. 842 ГК РФ).

Аннотация. В статье рассматривается современное правовое регулирование обязательств, срок исполнения которых определен моментом востребования. Рассмотрены работы авторов современности, тем или иным образом рассматривавших правовое регулирование данных обязательств, дана оценка их выводам. Проанализированы основные проблемы применения закона к правовому регулированию таких обязательств, нашедшие отражение в приводимых судебных решениях, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова. Обязательство, срок, льготный срок, востребование, исполнение, разумный срок.

Annotation. The article deals with the current law regulation of the obligations with time performance determined with a moment of demand. The author reviews the works of those authors who investigated the law regulation of such obligations somehow, and estimates their conclusions in the article. The author analyzes the core problems of law application to the regulation of such obligations which are reflected in the cited court decisions, and offers the ways of their solution.

Keywords. Obligation, term, grace period, claiming, performance, reasonable time period.

АКТУАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ¹

RELEVANT INTERNATIONAL ASPECTS OF PROTECTION AND REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

В связи со вступлением России в ВТО еще более важное значение приобретает проблема изучения содержания, форм, классификации интеллектуальной деятельности, защиты прав на интеллектуальную собственность в свете развития и глобализации мировой торговли, а также идей формирования единых экономических пространств с участием Российской Федерации. Распространенная классификация видов интеллектуальной деятельности представлена в Руководстве «Manual Frascati»².

Право интеллектуальной собственности на международном уровне определяют Соглашения Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС)³, учрежденной Стокгольмской конвенцией от 14 июля 1967 г. (с изменениями от 2 октября 1979 г.), а также Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), являющиеся составной частью системы договоров Всемирной торговой организации (ВТО)⁴. Соглашение ТРИПС занимает особое место в системе ВТО. Оно обязывает государства – члены ВТО обеспечивать эффективные меры против любых действий, нарушающих права интеллектуальной собственности, что требует обоснованных, практических, а главное, согласованных шагов всех участников системы ВТО. Как отмечают специалисты, система ВОИС не предусматривает действенного контроля над соблюдением положений международного права и механизма разрешения споров, а ТРИПС устанавливает санкции за нарушения международных договоров по правовой охране результатов интеллектуальной деятельности и обязательный порядок разрешения споров⁵.

В Конвенции Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) под интеллектуальной собственностью понимаются права на «творения человеческого разума: изобретения, литературные и художественные произведения, символику, названия, изображения и образцы, используемые в торговле»⁶. Заметим, что «использование в торговле» придает интеллектуальной собственности особую коммерческую ценность и включает ее в сферу регулирования международной торговли. В конце XX в. в рамках ВОИС были разработаны международные договоры нового поколения, устанавливающие повышенные стандарты правовой охраны объектов интеллектуальной деятельности: Женевские договоры о патентном праве 2000 г. и о праве товарных знаков 1994 г., об авторских правах (WIPO Copyright Treaty) и об исполнителях и фонограммах (WIPO Performances and Phonograms Treaty) 1996 г.

Значительная часть текста Соглашения ТРИПС посвящена вопросам содержания и соблюдения права интеллектуальной собственности. В ч. 1 Соглашения ТРИПС также приводится определение интеллектуальной собственности. Термин «интеллектуальная собственность» относится ко всем ее категориям, которые являются предметом регулирования разделов 1–7 ч. II. Соглашение ТРИПС охватывает следующие виды прав: авторские и смежные права,

© С. А. Дятлов, 2014

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-02-00415а.

² Frascati Manual 2002: Proposed standard practice for surveys on research and experimental development. OECD, 2002.

³ www.wipo.org.

⁴ www.wto.org.

⁵ Право Европейского Союза: Учебник для магистров / Под ред. С. Ю. Кашкина. М., 2012. С. 784.

⁶ http://www.wipo.int/treaties/ru/convention/trtdocs_wo029.html.

патенты, права в отношении товарных знаков, географических указаний, промышленных образцов, топологий (топографий) интегральных микросхем, закрытой информации.

Интеллектуальная собственность – это правовой термин, который означает промышленную собственность, а также авторское право и смежные права (художественную собственность). Промышленная собственность включает охрану патентов, товарных знаков, промышленных образцов и географических указаний, охрану полезных моделей, товарной упаковки и топологий интегральных микросхем, а также защиту от недобросовестной конкуренции, охрану нераскрытой информации, коммерческой тайны.

Свойством правового статуса результатов интеллектуальной деятельности является территориальный характер предоставляемой им правовой охраны. В качестве препятствия для развития внешней торговли и международного сотрудничества рассматривается незащищенность владельцев прав интеллектуальной собственности за пределами государства, признавшего такие права. Привязка существенных для экономического оборота прав к границам конкретного государства представляет проблему для создания внутреннего рынка и общего экономического пространства в различных интеграционных объединениях (Европейский Союз, Евразийский таможенный союз). Актуальной современной задачей является гармонизация и унификация норм законодательства государств-членов таких объединений по вопросам охраны результатов интеллектуальной деятельности. В этом процессе принципиальным вопросом для Евразийского таможенного союза является определение субъекта, который будет выступать от интеграционного объединения и участвовать в деятельности ВТО, в подсистеме ТРИПС и новых договорах ВОИС.

Интеллектуальная собственность становится одним из видов активов, столь же ценных, как физическая или реальная собственность, хотя подобно знаниям она является неосязаемой. Ценность активов интеллектуальной собственности в сравнении с материальными активами растет по причине важности технологий и творческого труда для современной экономики. Интеллектуальная собственность состоит из новых идей, оригинальных выражений, отличительных названий и внешнего вида, которые делают продукцию уникальной и ценной. Интеллектуальная собственность становится объектом торговли (или лицензий) сама по себе, без торговли лежащим в ее основе продуктом или услугой, путем передачи правообладателем патента или лицензий другому лицу⁷.

Необходимо отметить, что в основу Соглашения ТРИПС положены международные конвенции по вопросам защиты интеллектуальной собственности, а именно: Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г. (в редакции Стокгольмского акта 1967 г.), Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г. (в редакции Парижского акта 1971 г.), Международная конвенция по охране интересов артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций 1961 г. (Римская конвенция), Вашингтонский Договор об интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем 1989 г. и др. Согласно п. 1 ст. 2 Соглашения ТРИПС материально-правовые нормы Парижской конвенции (ст. 1–12, 19) становятся частью самого Соглашения ТРИПС, а в отношении авторского права Соглашение ТРИПС обязывает всех государств-членов соблюдать Бернскую конвенцию.

Соглашение ТРИПС направлено на уменьшение препятствий на пути развития международной торговли, которые возникают из-за различий национальных правовых систем в сфере охраны интеллектуальной собственности. Структурно Соглашение ТРИПС можно разделить на несколько блоков: основополагающие принципы; правила, касающиеся самого права интеллектуальной собственности; иные правила.

Важнейшим принципом ТРИПС является обязательство государств – членов ВТО предоставить национальный режим частным лицам других стран-участниц в том, что касается охраны интеллектуальной собственности. При этом право собственности государства на результаты интеллектуальной деятельности Соглашением ТРИПС не затрагивается.

⁷ Интеллектуальная собственность в электронной торговле. Женева. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). <http://www.wipo.int/sme>.

Следует подчеркнуть, что аналогичное исключение действует в системе ВТО и в отношении торговли услугами, когда речь идет о так называемых государственных услугах.

Существенной особенностью развития современного информационного пространства видится взаимосвязь создания интеллектуальной собственности и системы государственных услуг, опосредующих новое качество взаимодействия государства и бизнеса, обеспечивающих и новое качество мировой торговли.

При реализации в России программ электронного правительства (государства) наращиваются электронные информационно-аналитические ресурсы. В 2013 г. создан специальный портал «АДМРЕФОРМА.РФ»⁸, который предназначен для взаимодействия должностных лиц органов государственного управления и местного самоуправления, специалистов IT-компаний, а также экспертов в различных сферах государственного и частного менеджмента, способствующего выработке максимально эффективных решений в области реализации государственных инициатив. Также создан портал «Экспертный центр электронного правительства», ориентированный на задачи экспертного содействия региональной и муниципальной информатизации и внедрения эффективных методов электронного управления (<http://d-russia.ru/>).

Важным принципом ТРИПС является принцип предоставления режима наибольшего благоприятствования иностранным частным лицам в части охраны интеллектуальной собственности. Таким образом, любые преференции, если они предоставлены лицам одной страны, незамедлительно и безусловно должны быть предоставлены лицам всех других стран – участниц ВТО.

Этим принципом достигается равенство в правовом режиме между всеми правообладателями из всех стран ВТО на максимально благоприятном уровне в процессе устранения или снижения всякого рода препятствий и ограничений в том, что касается защиты прав интеллектуальной собственности. Однако Соглашение ТРИПС допускает и некоторые исключения из принципа наибольшего благоприятствования (например, по мотивам безопасности).

Следует отметить, что Соглашение ТРИПС требует от государств – членов ВТО, чтобы законы, иные нормативные правовые акты, судебные и административные решения, касающиеся прав интеллектуальной собственности, подлежали публикации или становились общедоступными на государственном языке. При этом о всех таких актах необходимо уведомлять действующий в системе ВТО Совет по ТРИПС.

Государства – члены ВТО вправе запрашивать другие государства в письменной форме по вопросам охраны права интеллектуальной собственности, и запрошенное государство обязано предоставить необходимую информацию и (или) доступ к принятым судебным (административным) решениям либо двусторонним соглашениям.

В систему регулирования различных аспектов использования и защиты интеллектуальной собственности включен в настоящее время целый ряд международных, национальных и частных структур, например: Альянс по программному обеспечению фирм и корпораций (вопросы программного обеспечения)⁹, Ассоциация американских издателей («электронные» авторские права)¹⁰, Всемирный консорциум web¹¹, Ассоциация технических менеджеров университетов (AUMT, проблемы интеллектуальной собственности университетов)¹².

Управление названиями доменов входит в компетенцию корпорации Интернет по присвоению названий и номеров (ICANN)¹³. ICANN разрабатывает и проводит единую политику по урегулированию споров в области названий доменов, а также осуществляет аккредитацию регистраторов доменных имен в Интернет.

⁸ <http://admreforma.ru>.

⁹ <http://www.bsa.org>.

¹⁰ <http://www.publishers.org/home/drm.pdf>.

¹¹ <http://www.w3.org/2000/12/drm-ws>.

¹² <http://www.autm.net>.

¹³ <http://www.icann.org>.

Регулирование патентных отношений и разработку нормативных актов в сфере патентной деятельности осуществляют международные и национальные структуры, среди которых следует выделить: Ведомство США по патентам и товарным знакам¹⁴, Европейское патентное ведомство¹⁵, Японское патентное ведомство¹⁶, Африканскую региональную организацию промышленной собственности¹⁷ и др.

Необходимо подчеркнуть, что для Евразийского таможенного союза представляет большую ценность опыт создания Европейской патентной системы на базе Мюнхенской конвенции 1973 г. о выдаче Европейского патента (с изменениями 2000 г.). В указанной системе приоритетной задачей является упрощение процедур, связанных с получением нескольких патентов, поскольку заявитель может получить охрану изобретения одновременно в нескольких государствах – участниках Мюнхенской конвенции. При этом не ставилась задача создать единый документ, дополняющий или замещающий национальные патенты (охранные свидетельства)¹⁸.

В отличие от Европейского патента на основании Мюнхенской конвенции 1973 г. патент ЕС (патент Сообщества) пока не введен в действие, несмотря на принятие в 1975 г. Люксембургской конвенции о патенте сообщества¹⁹.

Особое место в системе охраны интеллектуальной собственности занимают структуры, призванные разрешать международные споры в сфере использования интеллектуальной собственности, например, Международный арбитраж по использованию интеллектуальной собственности. Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству специализируется на урегулировании международных споров. Стандартные положения о договорном арбитраже представлены на веб-сайте Центра²⁰.

В настоящее время в отечественном законодательстве комплекс вопросов, связанных с защитой прав интеллектуальной собственности, представленный в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации в разделе VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», должен быть подвергнут дальнейшей гармонизации и унификации с нормами международного права. При этом в торговом аспекте следует обратить внимание на развитие в России электронных торговых систем, занимающихся распространением и продажей объектов интеллектуальной собственности, таких как торгово-информационный портал²¹ для изобретателей, который специализируется на продаже объектов промышленной собственности в форме патентов и ноу-хау и др., торговых систем для продажи товарных знаков, торговых марок и прочих средств индивидуализации²².

В русле инновационной стратегии развития Российской Федерации повышается востребованность экономико-правовой инвентаризации активов и ревизии интеллектуальной собственности, что позволяет выявить и проанализировать, какую интеллектуальную собственность имеет субъект экономической деятельности, и определить, как использовать, охранять и повышать ценность этой интеллектуальной собственности в условиях формирования «единых экономических пространств». В связи с этим важное значение имеет укрепление нормативного обеспечения оценки нематериальных активов²³.

После вступления в ВТО Россия приняла на себя дополнительные обязательства по соблюдению основных положений Соглашения Всемирной организации интеллектуальной собственности, Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности и

¹⁴ <http://www.uspto.gov/web/menu/pbmethod>.

¹⁵ <http://www.european-patent-office.org>.

¹⁶ <http://www.jpo.go.jp>.

¹⁷ <http://www.aripo.wipo.net>.

¹⁸ Мэггс П. Б., Сергеев А. П. Интеллектуальная собственность. М., 2000. С. 97.

¹⁹ Community Patent Convention // OJ. 1976. L 17.

²⁰ <http://www.arbiter.wipo.int>.

²¹ www.rupatent.com.

²² www.brandmarket.ru.

²³ Методические рекомендации Минимущества России от 26.11.2002 г. № СК-4/21297 «Методические рекомендации по определению рыночной стоимости интеллектуальной собственности» // Интеллектуальная собственность. 2003. № 1.

других международных актов, которые безусловно будут реализованы в принятом международно-правовом порядке. Споры между Российской Федерацией и другими государствами – членами ВТО по вопросам охраны интеллектуальной собственности предстоит разрешать в порядке, предусмотренном соответствующими статьями Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и Договоренностью по разрешению споров, которая входит в «пакет соглашений» ВТО.

Аннотация. В статье приводятся вопросы регулирования прав интеллектуальной собственности, актуальные для Российской Федерации в связи со вступлением во Всемирную торговую организацию и с выполнением Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Показана возрастающая роль интеллектуальной собственности в информационном пространстве. Акцентируется значение гармонизации и унификации законодательства государств–членов интеграционных объединений по вопросам охраны результатов интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова. Интеллектуальная собственность, Всемирная торговая организация, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), стандарты по защите исключительных прав, электронные торговые системы.

Annotation. In the article there are presented the issues of intellectual property rights regulation, which are relevant for Russian Federation due to the entering to the World Trade Organization and fulfillment of the conditions mentioned in the Trade Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS). There is displayed a constantly growing influence of intellectual property within the information space. An emphasis is put on harmonization and unification of the legislations on protection of the results of intellectual activity within the states-members of the integrational unions.

Keywords. Intellectual property, the World Trade Organization, Trade Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS), standards on the protection of unique rights, electronic trade systems.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

ABOUT THE NOTION OF THE PREVENTIVE FUNCTION OF CRIMINAL-PROCEDURAL LAW

Истоки уголовно-процессуального права берут свое начало в эпоху родоплеменного быта, когда при разрешении конфликтов люди использовали обычаи как средство разрешения проблем общежития.

В юридической литературе распространено мнение о том, что первичной формой уголовного процесса была частно-исковая (обвинительная). Например, в Древней Греции при отсутствии обвинителя дело не возбуждалось даже при наличии явного преступления. Однако реально недостатка в обвинителях никогда не было, поскольку иски о причинении вреда преступлением заявлялись непосредственно заинтересованным лицом, а по делам о государственных преступлениях поддержание обвинения рассматривалось как патриотический долг каждого полноправного гражданина¹.

В первое тысячелетие, в период разложения рабовладельческого строя и образования феодальных государств (Франции, Германии) в Западной Европе были заложены основы формирования современного уголовно-процессуального права. С развитием феодального строя и укрепления в ряде европейских стран абсолютных монархий различные процессуальные порядки были заменены единым типом уголовного судопроизводства.

В Древней Руси в период X–XIII вв. уже существовали в достаточной степени разработанные процессуальные нормы частно-исковой (обвинительной) формы уголовного судопроизводства, регламентировавшие очную ставку (свод), отбор свидетельских показаний, поиск вещественных доказательств и иные действия по исследованию события преступления. Розыск преступника (гонение следа) был обязан производить истец (потерпевший), либо в отдельных случаях община (вервь), которая обладала в тот период полицейскими функциями. Роль суда выполняли князья.

Исследователи отмечают, что попытки греческих церковных иерархов в этот период внедрить на Руси чуждые ей нормы византийского права побудили княжескую власть вплотную заняться разграничением полномочий с церковью в сфере судебного права. В результате этого князья пошли на издание собственных юридических судебныхников для церкви, которые назывались Уставами.

В соответствии с Уставами князей Владимира и Ярослава церкви на Руси принадлежали три крупные группы судебных прав. К первой группе относилась судебная власть над всем населением Древней Руси по определенному кругу дел, которые не регулировались светской властью в связи с их незначительностью для сохранения государственного порядка, отсутствием достаточного числа аппарата, который мог бы их рассматривать, и оценкой этих деяний как не преступных до принятия христианства. В этой части церковные суды взяли на себя рассмотрение всех дел, где потерпевшей или субъектом преступления являлась женщина, поскольку светское законодательство игнорировало такие дела, не видя в них большой опасности общественному или государственному порядку (за исключением убийства).

Вторая сфера церковного суда включала в себя право церкви судить определенные категории людей, в той или иной степени зависимых от церкви (так называемых «церковных лю-

дей»), за все виды уголовных преступлений. В этом случае митрополичий и епископский суд руководствовался в основном светским законодательством, прежде всего Русской Правдой.

Третий круг судебных прав церкви в Древней Руси связан с возникновением церковной земельной собственности, когда церковь получила судебную власть над всем населением земель, которые принадлежали ей на вотчинных правах. Церковь вплоть до середины XIII в. обладала полнотой судебной власти над этими людьми, хотя осуществляла судебное разбирательство, руководствуясь преимущественно светскими судебниками².

Последующее развитие отечественного судебного права тесно связано с процессом становления и развития русского централизованного государства. Осуществляя деятельность по присоединению новых земель, укрепляя государственный аппарат военно-феодальной власти, московские князья вели целенаправленную работу по подготовке и изданию нормативных актов, посвященных организации центрального и местного управления и суда, которая завершилась изданием в 1497 г. Судебника, содержащего материальные и процессуальные нормы, регулирующие борьбу с преступлениями. Во время правления Ивана IV (Грозного) произошла дальнейшая централизация суда и была издана более полная редакция Судебника (1550 г.).

Судопроизводство в последующий период вплоть до начала XIX в. осуществлялось по Соборному уложению, принятому царем Алексеем Михайловичем и Боярской думой в 1649 г. и закрепившему интересы военно-служилой аристократии (дворянства) и землевладельцев. Отдельные положения его действовали вплоть до издания Свода законов Российской империи в 1832 г.

Организация суда и судопроизводства в России до середины XIX в. в целом обеспечивала интересы правящих классов и сословий; наряду с этим широко применялись и внесудебные репрессии (например, суд помещиков над их крестьянами). В целом, отечественный уголовный процесс периода XIV – середины XIX в. обладал преимущественно всеми атрибутами, присущими розыскному процессу, о чем свидетельствуют его нормы, резко ограничивающие права обвиняемого, стимулирующие активность суда, а также формальная система доказательств, использование в качестве способа получения доказательств пыток и т. п.

Уголовное судопроизводство того периода, наряду с уголовно-правовыми нормами, отнюдь не способствовало предупреждению преступлений, главной его целью было устрашение населения, а не побуждение его к социально полезным действиям. Надо учесть и то обстоятельство, что уголовно-процессуальные и материальные нормы уголовного права сотни лет были слиты воедино в огромном количестве разрозненных нормативно-правовых актов, регулирующих одновременно вопросы гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности. В таких условиях разработка или вообще какое-либо освещение вопросов предупредительного аспекта уголовного судопроизводства были просто невозможны.

Первый шаг в обособлении уголовно-процессуальных норм от уголовного законодательства был сделан французскими юристами в эпоху Великой французской революции. Ненависть некоторых вождей революции к королевскому законодательству нередко порождала мнение, что новому государству не нужно вообще никаких законодательных актов, определяющих порядок судопроизводства по гражданским и уголовным делам, однако рациональная точка зрения в пользу создания таких законов победила, хотя работа по изданию судебного законодательства протекала довольно сложно и в несколько этапов.

По мнению известного исследователя профессора И. Я. Фойницкого, впервые во Франции уголовно-правовые определения были изложены без всякой процессуальной примеси в Code penal (Уголовном кодексе) 25 сентября 1791 г., однако тогда отдельного судопроизводственного устава издано не было³.

Для составления же судебного устава по указанию императора Наполеона I была создана специальная комиссия, в состав которой входили видные юристы и политические деятели (Трельяр, Тарже, Блонд и др.). В 1806 г. получил силу закона Code de procedure civil

² Кондрашкин С.А. Уголовно-правовая политика древнерусских князей X – середины XIII века (Историко-правовой аспект). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 18–19.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1896. С. 3.

(Гражданский кодекс), а в 1808 г. был утвержден и вступил в действие в 1811 г. новый устав уголовного судопроизводства – Code de instruction criminelle (Уголовно-процессуальный кодекс), который вместе с французским Уголовным кодексом стал примером заимствования и подражания и применялся более ста лет.

Этими двумя процессуальными законами, по справедливому замечанию И. В. Щегловитова (министра юстиции в правительстве П. А. Столыпина), Первая империя создала себе вековой памятник. Для судопроизводства своего времени они являлись проводниками новых прогрессивных идей и веяний⁴.

Европейские страны и, в частности, Германия под влиянием французского законодательства приняли Баварский уголовный кодекс 1813 г., однако его создатель А. Фейербах все же полагал, что уголовное судопроизводство является «прагматической частью уголовного права».

В России на рубеже XVIII–XIX вв. история отдельного изложения материального и процессуального права протекала довольно сложно. Профессор И. Я. Фойницкий отмечал, что первые попытки кодификации уголовно-процессуального законодательства наблюдались в период правления Петра I, при издании Воинского устава 1716 г. и Краткого изображения Воинского процесса 1721 г., но они были забыты, и в сводах законов Российской империи изданий 1832 и 1842 гг. нормы процессуальные смешивались с материальными. Окончательное разделение их было проведено в Судебных уставах 1864 г., где уголовно-процессуальные нормы были кодифицированы (XVI том свода законов Российской империи)⁵.

Наряду с разделением материального и процессуального законодательства, в середине XIX в. началась разработка теоретических проблем уголовно-процессуальной науки. Но в первые десятилетия этого периода процессуалисты черпали идеи для своих исследований в науке гражданского процессуального права.

Появившиеся в 1868 г. сочинения одного из крупнейших германских исследователей профессора Бюлова привели большинство специалистов к пониманию того, что гражданское процессуальное право является отраслью права (чего ранее не допускалось юристами), и, развивая его мысли, мюнхенский профессор Биркмайер одним из первых определил, что уголовный процесс – это «публично-правовое, последовательно развивающееся юридическое отношение между судом и сторонами в целях установления и эвентуального осуществления государственного требования о наказании»⁶.

В целом же отечественная и зарубежная наука уголовно-процессуального права вплоть до начала XX столетия находилась под сильным влиянием гражданского процессуального права и уголовного права. Одни исследователи рассматривали процессуальное право как часть уголовного права, другие же высказывали мысли о слиянии уголовного процесса с гражданским судопроизводством в единую отрасль – судебное право⁷.

Одновременно с научной разработкой основополагающих институтов уголовно-процессуального права исследователями предпринимались попытки теоретически обосновать цели и задачи уголовного судопроизводства.

Уже в одной из первых фундаментальных научных работ виднейший отечественный процессуалист профессор Санкт-Петербургского университета И. Я. Баршев видел цель уголовного судопроизводства в том, «чтобы исследовать и открывать учиняемые преступления и преступников, подвергать заслуженному ими наказанию». Цель каждого рассмотрения уголовного дела, по его мнению, была «в том, чтобы, собрав материалы, необходимые для верного и справедливого приговора относительно вины или невинности изобличаемого в каком-либо преступлении лица, признать его невинным или достойным известного наказания»⁸.

⁴ Щегловитов И. Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных уставов 20 ноября 1864 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Т. 1. Петроград, 1914. С. 244.

⁵ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. С. 4.

⁶ Цит. по: Червонецкий Д. А. Предмет и задачи науки уголовно-судебного права. Юрьев, 1910. С. 12–13.

⁷ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. С. 3; Червонецкий Д. А. Предмет и задачи науки уголовно-судебного права. С. 15.

⁸ Баршев И. Я. Основания уголовного судопроизводства. СПб., 1841. С. 47.

Профессор И. Я. Фойницкий в своем курсе уголовного судопроизводства, изданном в 1878 г., писал, что задача уголовного процесса состоит в конкретном применении начал уголовного права. Однако в последующих изданиях курсов конца XIX – начала XX в. он уже говорил, что «уголовный процесс строится не только в соответствии с нормами уголовного права, но также, соображаясь с преследуемыми им задачами раскрытия истины, и с природою возникающих при этом отношений»⁹.

Видный исследователь русского уголовного процесса приват-доцент Московского университета С. И. Викторский считал, что уголовное судопроизводство имеет своей задачей «установить, кем (уголовное судоустройство) и как (уголовное судопроизводство в тесном смысле этого слова) определается, произошло ли преступление, какой нормой (уголовно-материального права) оно обнимается, кто виноват и какому он подлежит наказанию»¹⁰.

Его современник профессор Московского университета Г. С. Фельдштейн определял задачу уголовного процесса как раскрытие истины в сфере уголовных правонарушений. Он полагал, что цель уголовного судопроизводства состоит в стремлении «к раскрытию истины в смысле установления факта преступления и вместе с тем к определению вытекающих из него последствий»¹¹.

Известный русский юрист В. П. Широков в 1914 г. в своей работе, посвященной сравнительному исследованию отечественного и зарубежного уголовного процесса, определил, что цель уголовно-процессуального законодательства заключается в «снабжении суда такого рода средствами, которые давали бы ему возможность отыскания в каждом данном случае не формальной только, а и материальной истины»¹².

На первый взгляд, кажется, что исследователи периода XIX – начала XX в. совершенно не рассматривали связи уголовного судопроизводства с феноменом предупреждения преступлений. Однако это не совсем верно. Уже в одной из первых работ, посвященных уголовному судопроизводству, профессор И. Я. Баршев писал: «Отношение уголовного судопроизводства к уголовно-судебной полиции открывается из самого значения и предмета последней. Предмет уголовно-судебной полиции состоит в предупреждении и пресечении преступлений, в открытии и преследовании их и преступников, и по изъятию в суд и наказании за маловажные преступления. Поэтому в особенности по двум последним родам ее деятельности, т. е. по тому, что она открывает и преследует преступников и преступления и судит и наказывает за маловажные поступки, она является помощницею уголовного судопроизводства, облегчая его дело и доставляя ему нужный материал для него»¹³.

Тесную связь уголовного судопроизводства с предупреждением преступлений отмечал и профессор И. Я. Фойницкий. Он полагал, что «в близкой связи уголовное судопроизводство стоит и с правом полицейским, главным образом с той его частью, которая посвящена предупреждению и пресечению преступных деяний. Меры предупредительные и тяжесть их соотносятся с мерами уголовной репрессии и процессуального принуждения. В свою очередь, уголовный процесс в весьма значительной степени определяется полицейской деятельностью. Первые шаги преследования преступлений совпадают с пресечением их. Провести между ними грань до того трудно, что в англо-американских законах пресечение преступлений относится к уголовному процессу и рассматривается как начальная стадия его»¹⁴.

О фактическом знании юристами в XIX в. предупредительной роли уголовно-процессуального права свидетельствуют также законодательные акты того времени.

В частности, в нормах Устава о предупреждении и пресечении преступлений, регулирующих борьбу с различными видами преступных проявлений, содержались статьи Устава уголовного судопроизводства либо ссылки на них (ст. 114, 465 и др.)¹⁵.

⁹ Фойницкий И. Я. 1) Курс русского уголовного судопроизводства. С. 3; 2) Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. С. 3.

¹⁰ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 12.

¹¹ Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 1.

¹² Широков В. П. Очерк общих оснований нашего уголовного процесса по сравнению с иностранными законодательствами // Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. С. 596.

¹³ Баршев И. Я. Основания уголовного судопроизводства. СПб., 1841. С. 45.

¹⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. С. 4.

¹⁵ Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1872. С. 137.

Из приведенного анализа точек зрения отечественных правоведов ясно, что в период интенсивной разработки теоретического обоснования науки уголовно-процессуального права проблемы ее задач слабо исследовались учеными, и до 1917 г. среди большинства отечественных процессуалистов не было единого мнения о назначении уголовного судопроизводства. А изучение научных аспектов профилактической функции уголовного процесса активно началось в советский период развития отечественного государства и права.

В первые десятилетия советской власти в РСФСР были изданы Положение о судостроительстве РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс (1922 г.) и иные нормативно-правовые акты, регулирующие порядок уголовного судопроизводства. Однако в целом уголовно-процессуальное законодательство того периода не отвечало целям предупреждения преступлений, потому что деятели Октябрьской революции видели в суде прежде всего орудие государственного принуждения и орган воспитания населения в духе марксистско-ленинской идеологии.

Для П.И. Стучки суд являлся особой «организацией борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний», Н. В. Крыленко нужен был «жесткий процесс, который бы давал возможность без лишних слов бороться с покушениями на революцию». И эти идеи последовательно проводились в жизнь с помощью судебного права и внесудебных репрессий, которые осуществляли параллельно с судами революционные трибуналы¹⁶.

В Положении о судостроительстве РСФСР, утвержденном Постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г., единственной целью судебной системы провозглашалось «ограждение завоеваний пролетарской революции, обеспечение интересов государства, прав трудящихся и их объединений»¹⁷.

В одном из первых советских учебников по уголовному процессу определялось, что задача уголовного судопроизводства состоит в том, чтобы обеспечить укрепление государства пролетарской диктатуры, сделать более успешной и решительной борьбу с преступлениями, с выпадами классового врага и его агентуры и с различными действиями, вредящими социалистическому строительству и дезорганизующими советский правопорядок, а «обеспечивался» указанный правопорядок сокращением срока предварительного следствия до 10 дней, вручением обвинительного заключения обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде, полным запрещением участия защиты на суде, недопущением кассационного обжалования и подачи ходатайств о помиловании¹⁸.

По вполне понятным причинам такой подход к определению задач уголовного судопроизводства превалировал вплоть до конца 50-х годов XX в. Но все же, несмотря на указанные обстоятельства, еще до принятия уголовно-процессуального законодательства 1958–1961 гг. некоторыми отечественными учеными предпринимались отдельные попытки научного обоснования выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений¹⁹.

Так, советский исследователь Н. Лаговьер еще в 1928 г. писал, что для правильного назначения уголовного наказания недостаточно только самого факта установления лица, совершившего данное преступление: «Для этого надо еще выяснить некоторые подробности о личности совершившего преступление, причинах, толкнувших его на преступление, так как без этих подробностей часто нельзя правильно судить о степени социальной опасности обвиняемого, а не зная степени социальной опасности его, нельзя избрать вполне целесообразную меру социальной защиты. Ясно, например, что нельзя одинаково подходить к преступнику-профессионалу и к лицу, которое стало на преступный путь под влиянием

¹⁶ Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. С. 11–12, 14, 24, 34.

¹⁷ Гусев Л. Н. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг. М., 1955. С. 238.

¹⁸ Строгович М. С. Уголовный процесс. Учебник для правовых школ и юридических курсов. М., 1935. С. 15, 17.

¹⁹ Жуков А. М. Специально-предупредительная деятельность в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1988. С. 19.

каких-либо исключительно неблагоприятных обстоятельств». В связи с этим Н. Лаговьер полагал, что для того, чтобы правильно разрешить уголовное дело, необходимо выяснить ряд вопросов, относящихся к событию преступления и обвиняемому²⁰.

Известный советский криминалист В. И. Громов одним из первых предложил включить в предмет доказывания «выяснение в процессе расследования таких обстоятельств и фактов, которые помогли бы осветить вопрос о зависимости и связи тех или других преступных действий обвиняемого с общими нездоровыми условиями в организационной или оперативной работе госаппарата или хозорганов, – условиями, которые также составляют одну из причин совершения преступлений на данном участке».

В. И. Громов считал, что задачи органов расследования не могут ограничиваться уголовным преследованием и изобличением преступников. По его мнению, эти органы должны были «заботиться о принятии профилактических (предупредительных) мероприятий, направленных на устранение ближайших причин, способствующих или благоприятствующих совершению тех или других преступлений»²¹.

На обязанности органов расследования и суда проводить профилактические мероприятия по делам о хищениях обращали внимание и подзаконные нормативные акты того времени (например, Инструктивное письмо Прокуратуры Республики № 5 от 28 декабря 1932 г.).

В одном из первых послевоенных учебников для юридических вузов профессор М. С. Строгович уже обоснованно включил в предмет доказывания по уголовным делам и обстоятельства, способствующие совершению преступления, аргументировав это тем, что, например, по делам о хищениях совершению этих преступлений в ряде случаев способствуют плохой учет ценностей в учреждениях, недостатки в организации бухгалтерского учета и т. п. На этом основании он заключил, что указанные обстоятельства подлежат доказыванию, «с тем, чтобы помимо разрешения данного конкретного дела, соответствующие органы приняли меры к устранению этих обстоятельств и пресечению возможности повторения подобных преступлений в будущем»²².

В конце 40-х годов появились работы, в которых исследовались профилактические аспекты судебной стадии уголовного судопроизводства. В 1949 г. Б. А. Галкин и Н. Я. Калашникова издали учебно-методическое пособие, предназначенное для народных судей, в котором доказывали, что в пределы исследования уголовного дела судом должны быть обязательно включены «обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, с тем, чтобы суд мог сигнализировать соответствующим органам о необходимости принять меры к устранению этих обстоятельств и к пресечению возможности повторения подобных преступлений в будущем»²³.

В это же время советскими криминалистами были подготовлены и изданы фундаментальные методические пособия по вопросам раскрытия и расследования преступлений, в которых уже содержались обобщенные рекомендации для следственных работников по вопросам выявления и устранения обстоятельств, способствующих совершению различных преступлений²⁴.

С момента издания Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (Закон СССР от 25 декабря 1958 г.) и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (Закон РСФСР от 27 октября 1960 г.), в которых впервые была нормативно закреплена предупредительная роль уголовного судопроизводства, начался период углубленной разработки задач уголовно-процессуального права и в том числе превентивной его составляющей²⁵.

²⁰ Лаговьер Н. Свидетель в нашем уголовном процессе (права, обязанности и значение). М., 1928. С. 5.

²¹ Громов В. И. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. Руководство для органов расследования и пособие для юридических курсов. М., 1935. С. 16.

²² Строгович М. С. Уголовный процесс. Учебник для юридических институтов и факультетов. С. 155.

²³ Галкин Б. А., Калашникова Н. Я. Уголовный процесс // Библиотечка народного судьи. Книга 3. М., 1949. С. 31.

²⁴ Настольная книга следователя. М., 1949. С. 85–86, 129–130.

²⁵ Галузо В. Н. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. 1955–1991 гг. Сборник правовых актов. М., 1997. С. 105, 152.

В 1962 г. вышел в свет учебник уголовного процесса под редакцией профессора И. Д. Перлова, авторы которого (И. М. Гуткин, Ю. Н. Белозеров, Л. А. Мариупольский) одними из первых аргументированно обосновали профилактическую сущность уголовного процесса. Они утверждали, что «вся деятельность органов дознания, предварительного следствия прокуратуры и суда по раскрытию преступлений и привлечению виновных к уголовной ответственности должна быть одновременно подчинена задаче предотвращения преступлений». По их мнению, «своевременное возбуждение уголовного дела, правильное задержание подозреваемого и применение меры пресечения к обвиняемому, гласность рассмотрения дела в суде, участие в суде общественного обвинителя и защитника и т. д. – все это имеет важное значение для предотвращения совершения нового преступления как обвиняемым, так и другими неустойчивыми лицами».

Эти авторы даже отнесли к принципам уголовного процесса требование законодателя о выявлении причин и условий, способствующих совершению преступлений, и доказали, что профилактический эффект имеет также и быстрота в раскрытии преступлений, которая «дает возможность не только предотвратить продолжение преступником своей антиобщественной деятельности, лишить его возможности воспользоваться ее результатами, изъять и вернуть по принадлежности добытые преступным путем ценности, но и имеет важное значение для предупреждения преступлений со стороны неустойчивых элементов»²⁶.

Целесообразность нормативного закрепления в перечне задач уголовного судопроизводства вопросов выявления и устранения причин, способствующих совершению каждого данного преступления, подчеркивала видный отечественный процессуалист доктор юридических наук, профессор П. С. Элькинд²⁷.

В 70-х гг. XX в. в уголовно-процессуальной науке стали появляться работы, всецело посвященные исследованию профилактической функции уголовного судопроизводства и отдельных ее составляющих.

Профессор А. С. Кобликов в своей учебно-методической работе «Процессуальные меры предупреждения преступлений», предназначенной для следователей военных прокуратур и судей военных трибуналов, к числу процессуальных мер предупреждения преступлений относил те, которые применяются в профилактических целях. Эта цель, по его мнению, или прямо сформулирована в законе, или вытекает из его содержания и предназначения тех или иных процессуальных действий.

А. С. Кобликов одним из первых дал понятие уголовно-процессуальных мер предупреждения преступлений, которые, по его мнению, представляют собой «применяемые при производстве по уголовному делу органами расследования, прокурором и судом предусмотренные процессуальным законом специальные меры, направленные на профилактику преступлений». Он подразделил эти меры по своей правовой природе на процессуальные акты и действия²⁸.

А. Г. Михайлянц определил профилактическую функцию в уголовном судопроизводстве как «специфическую деятельность, урегулированную уголовно-процессуальным правом и направленную на предотвращение преступлений» и поддержал позицию указанных выше исследователей о признании профилактической сущности уголовного процесса в качестве принципиальной правовой основы. По его мнению, использование профилактики преступлений в качестве принципа уголовного процесса исключило бы возможность игнорирования криминогенных факторов при производстве по уголовному делу²⁹.

²⁶ Гуткин И. М., Белозеров Ю. Н., Мариупольский Л. А. Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 9, 11, 45.

²⁷ Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 42.

²⁸ Кобликов А. С. Процессуальные меры предупреждения преступлений. Учеб. пособие. М., 1974. С. 13–14.

²⁹ Михайлянц А. Г. Профилактическая функция советского уголовного процесса. Ташкент, 1977. С. 7, 15–16.

Ф. А. Абашева считает, что функция предупреждения преступлений проявляется на всех стадиях производства по уголовному делу, она имеет свое самостоятельное содержание, свои формы и средства осуществления, свои специфические цели и реализуется в основном лицами, расследующими уголовные дела, прокурорами и судьями³⁰.

Обоснованность данного утверждения Ф. А. Абашевой подтверждается данными современных научных исследований в области уголовного процесса, посвященных изучению правового феномена следственной профилактики преступлений и превентивной деятельности суда³¹.

По мнению З. З. Зинатуллина и С. Ю. Турова, «воспитательно-профилактическая уголовно-процессуальная функция проявляет себя, прежде всего, в каждом шаге дознавателя, следователя, прокурора, судьи по добросовестному выполнению своих профессиональных полномочий по принятию законных, обоснованных и справедливых решений по уголовному делу и их осуществлению. В содержание названной функции включаются меры, свидетельствующие о том, что ни одно преступление не останется без должного реагирования со стороны государства, что лица, совершившие преступления, привлекаются к уголовной ответственности и к ним применяются соответствующие меры уголовного наказания»³².

Ф. А. Абашева классифицирует процессуальные средства предупреждения преступлений следующим образом:

а) правовые нормы, в которых устанавливается и определяется содержание уголовно-процессуальных средств предупреждения преступлений;

б) правоприменительная деятельность участников уголовного процесса по использованию закрепленных в уголовно-процессуальном законе средств предупреждения преступлений;

в) те процессуальные акты – документы, в которые облекаются решения об использовании таких средств, либо отражаются полученные при этом результаты³³.

Принципиальных расхождений по поводу превентивной роли уголовно-процессуального права у абсолютного большинства отечественных исследователей нет. Практически все специалисты отмечают, что процессуальные средства предупреждения преступлений выделяются из всей совокупности следственных и судебных действий именно по признаку целенаправленности. Многие процессуальные действия не предназначаются непосредственно для профилактики преступлений, однако, исходя из конкретной ситуации, информация, полученная при их проведении, может служить основанием для осуществления последующих превентивных мероприятий органами дознания, следователем и судом.

Незамедлительное возбуждение уголовного дела и принятие соответствующих мер процессуального принуждения предупреждает новые правонарушения. Вовремя произведенное задержание и личный обыск подозреваемого, грамотно избранная мера пресечения, своевременное отстранение от должности и наложение ареста на имущество оказывают большое профилактическое воздействие как на лиц, совершивших общественно опасное деяние, так и на людей, осведомленных о нем.

В науке уголовно-процессуального права существует устойчивое мнение о том, что меры процессуального принуждения служат действенным правовым инструментарием профилактической деятельности в досудебном производстве и при рассмотрении уголовного дела судом³⁴.

³⁰ Абашева Ф. А. Профилактика (предупреждение) преступлений как уголовно-процессуальная функция. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1991. С. 6.

³¹ Горбань В. В. Функции и полномочия суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008; Коваленко Л. В. Воспитательно-профилактическая деятельность следователя. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007.

³² Зинатуллин З. З., Туров С. Ю. Эволюция учения об уголовно-процессуальных функциях // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 1. С. 97.

³³ Абашева Ф. А. Профилактика (предупреждение преступлений) как уголовно-процессуальная функция. С. 10.

³⁴ Ивлиев Г. П. Основания и цели применения мер процессуального принуждения // Государство и право. 1995. № 11. С. 71–77; Закатов А. А. Предупреждение уклонения от следствия и суда – важное

Однако данные следственной и судебной практики и научные исследования этой области профилактического потенциала уголовно-процессуального права свидетельствуют о том, что в части эффективности функционирования механизма возмещения вреда от преступления существует достаточное количество нерешенных правовых и практических проблем³⁵.

Превентивное воздействие на лиц, совершивших общественно опасные деяния, и на людей, не вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, оказывают также меры процессуального убеждения, регламентирующие прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, устанавливающие особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением или при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и др.

И, наконец, в уголовно-процессуальном законе есть целый ряд процессуальных средств, непосредственно направленных на профилактику преступлений, применение которых представляет собой специфический сегмент специально-предупредительной деятельности в уголовном судопроизводстве.

По мнению А. М. Жукова, «специально-предупредительная деятельность составляет неотъемлемую часть профилактической работы по уголовному делу и заключается в выявлении и устранении причин и условий, способствующих совершению преступления»³⁶.

Правовой основой установления в процессе расследования и судебного рассмотрения обстоятельств, способствующих совершению преступления, является норма ст. 73 УПК РФ, в соответствии с которой они включены в предмет доказывания и подлежат выявлению при производстве по уголовному делу.

Законодатель также специально выделил дополнительные виды таких обстоятельств по отдельным категориям уголовных дел. Так, по делам в отношении несовершеннолетних, помимо доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, устанавливаются: а) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего; б) уровень психического развития и иные особенности его личности; в) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц; г) возможность несовершеннолетнего в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ст. 421 УПК РФ).

Однако выяснение указанных обстоятельств вовсе не самоцель. Г. С. Саркисов правильно отмечал, что даже самое идеальное исполнение лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом требований закона о выяснении их равным счетом ничего не дает в плане предупреждения преступлений, если за этим не последует мер к их устранению³⁷.

Формой реагирования дознавателя и следователя на выявленные в процессе расследования обстоятельства, способствующие совершению преступления, или другие нарушения закона является представление, которое в порядке ст. 158 УПК РФ направляется в соответствующую организацию или должностному лицу для принятия мер по устранению указанных обстоятельств. Суд устраняет эти обстоятельства посредством вынесения частного определения или постановления на основании ст. 29 УПК РФ.

Специалисты полагают, что представление есть процессуальный акт органов предварительного расследования, содержащий решение, обязывающее государственные органы, общественные организации, должностных лиц принять необходимые меры для

направление профилактической деятельности следственного аппарата // Совершенствование профилактики преступлений органами внутренних дел в свете решений XXVII съезда КПСС. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1986. С. 71–76; Колосков В. М. Заключение под стражу в качестве меры пресечения и вопросы предупреждения правонарушений // Проблемы уголовного процесса и криминалистики. М., 1976. С. 91–92.

³⁵ Петрухин И. Л. Перспективы возмещения ущерба гражданам, пострадавшим от неплатежеспособности юридических лиц // Государство и право. 1995. № 9. С. 23–32; Олейник О. Арест денежных средств предприятий и банков // Законность. 1993. № 10. С. 11–16.

³⁶ Жуков А. М. Специально-предупредительная деятельность в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1988. С. 7.

³⁷ Саркисов Г. С. Процессуальные меры предупреждения преступлений. Ереван, 1978. С. 106.

устранения обстоятельств, способствующих совершению преступления, установленных по уголовному делу³⁸.

Профилактические аспекты стадии судебного производства традиционно исследуются отечественными учеными³⁹.

И. И. Потеружа верно отмечал, что «судебное разбирательство уголовных дел и вынесение приговора имеет большое воспитательное и предупредительное значение. Раскрытие преступления, изобличение виновных в его совершении и справедливое их наказание являются важным средством предупреждения правонарушений».

По его мнению, «частное определение не является предположением суда о недостатках в деятельности предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц о неправильном поведении отдельных граждан, которые способствовали совершению преступления. Оно также не является сигналом о недостатках, требующим дополнительной проверки всех указанных судом обстоятельств. Правовая природа частного определения заключается в том, что оно является решением суда по определенному вопросу и, как всякое судебное решение, обязательно к исполнению. В частном определении излагаются выявленные в судебном разбирательстве дела нарушения законов и другие недостатки в деятельности учреждений, предприятий, организаций и должностных лиц, а также факты неправильного, аморального поведения отдельных граждан, нарушения ими правил общежития»⁴⁰.

Уголовно-процессуальная наука, создавая специально-предупредительные средства профилактики преступлений, не может обойтись без междисциплинарного взаимодействия с отраслевыми и специальными юридическими науками (уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, криминологией, криминалистикой, теорией оперативно-розыскной деятельности).

Эти науки тоже изучают специфические вопросы профилактики преступлений. Однако при этом они исследуют различные свойства одного и того же объекта. В результате изучения указанных свойств созданы взаимосвязанные законодательные акты, регулирующие вопросы борьбы с преступностью, в содержание которых совершенно обоснованно включены положения о превенции преступлений.

Статья 2 Уголовного кодекса Российской Федерации определяет в качестве одной из задач Кодекса предупреждение преступлений. Статья 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации также провозглашает своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Доведенная же до крайности монистическая идея о правозащитной функции уголовного судопроизводства, воплощенная в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, вступившем в действие с 1 июля 2002 г., полное отрицание иных его задач, игнорирование отдельными специалистами положений общей теории права и достижений науки уголовного процесса в разработке эффективных мер предупреждения преступлений привели к тому, что в государственно-правовой системе профилактики преступности ныне появились пробелы, на устранение которых уйдут долгие годы⁴¹.

И мы вовсе не одиноки в оценке ситуации, сложившейся ныне в правовом регулировании предупредительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства. Современные специалисты справедливо отмечают, что анализ действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяет констатировать резкое снижение в нем коли-

³⁸ Жуков А. М. Специально-предупредительная деятельность в уголовном судопроизводстве. С. 81.

³⁹ Потеружа И. И. Воспитательно-предупредительное значение судебного разбирательства уголовных дел. Минск, 1976; Кашенов В. П., Фурсова Ф. П. Предупреждение судом преступлений несовершеннолетних. М., 1979.

⁴⁰ Потеружа И. И. Суд и общественность в предупреждении правонарушений. Минск, 1974. С. 161–164.

⁴¹ Иванов И. И. Оптимизация профилактической функции уголовного судопроизводства // Правоведение. 2002. № 4. С. 70–77.

чества норм превентивной направленности, а также отсутствие четкого обозначения профилактической задачи уголовного процесса⁴².

Профессор А. С. Кобликов справедливо полагал, что «разработка вопроса о процессуальных мерах предупреждения преступлений должна опираться на данные как процессуальной науки, так и в значительной мере на выводы криминологии. Только на основе научных представлений о причинах преступности, причинах и условиях, способствующих совершению конкретных преступлений, принципах и способах предупреждения преступлений возможно успешное осуществление профилактической деятельности уголовно-процессуальными средствами»⁴³.

Таким образом, рассмотрев взгляды специалистов на феномен превенции преступлений в науке уголовного процесса, мы полагаем, что под профилактической функцией уголовно-процессуального права понимается механизм юридического воздействия на сознание, волю и поведение людей, направленный на недопущение совершения преступлений, реализующийся в деятельности законодателя, стороны обвинения и суда по определению, установлению и применению процессуальных средств предупреждения преступлений в досудебном производстве и при судебном разбирательстве уголовных дел.

Общее предупредительное воздействие уголовно-процессуального права на поведение людей связано, прежде всего, с наличием собственно правового механизма осуществления уголовного судопроизводства, содержащего меры государственно-правового принуждения и убеждения превентивного характера, которые удерживают неустойчивых лиц от совершения преступлений.

Частная (специальная) превенция уголовно-процессуального права реализуется стороной обвинения и судом в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, посредством применения к ним в досудебном производстве и при судебном разбирательстве конкретных уголовных дел процессуальных средств предупреждения преступлений, основанных на принуждении (например, мер процессуального принуждения, предусмотренных главами 12–14 УПК РФ) и убеждении, либо предупредительный эффект (в виде незамедлительного возбуждения уголовного дела, быстрого и полного раскрытия преступлений, неотвратимости уголовного наказания виновных лиц, возмещения вреда от конкретной преступной деятельности, выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению конкретных преступлений и т. п.) достигается интегрированно на всех последовательно сменяющихся друг друга стадиях уголовного судопроизводства.

Содержанием профилактической функции уголовного судопроизводства являются процессуальные средства предупреждения преступлений, применяемые при производстве по уголовному делу стороной обвинения и судом в досудебном производстве, а также судом непосредственно в ходе судебного разбирательства уголовного дела, которые по своей правовой природе представляют собой правовые нормы, процессуальные акты и действия.

Процессуальные средства предупреждения преступлений выделяются из всей совокупности следственных и судебных действий по признаку целенаправленности. К ним могут быть отнесены только те, которые непосредственно применяются в профилактических целях, либо прямо сформулированных в законе, либо вытекающих из его содержания и назначения различных процессуальных действий.

Аннотация. В статье отражена позиция автора о том, что сегодня в науке уголовно-процессуального права сложилось устойчивое мнение о том, что нормы уголовно-процессуального права служат эффективным инструментом превентивной деятельности в досудебном производстве и при рассмотрении уголовного дела судом. На основе анализа научных взглядов специалистов сформулировано авторское понятие профилактической функции уголовно-процессуального права.

⁴² Коваленко Л. В. Воспитательно-профилактическая деятельность следователя. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 4.

⁴³ Кобликов А. С. Процессуальные меры предупреждения преступлений. Учеб. пособие. С. 5.

Ключевые слова. Превентивная функция уголовно-процессуального права, уголовное судопроизводство, предупреждение преступлений, задачи уголовного судопроизводства, процессуальные меры предупреждения преступлений.

Annotation. This article reflects the author's position that today in the science of criminal procedural law prevalent opinion that the provisions of the criminal procedure law serve as an effective tool of preventive activities in the pretrial proceedings and the examination of the criminal case by the court. On the basis of analysis of scientific views of experts formulated the author's concept of the preventive function of the criminal procedure law.

Keywords. Preventive function of the criminal procedure law, criminal procedure, crime prevention, the goal of criminal procedure, the procedural measures for the prevention of crime.

*Н. И. Уткин, Л. С. Муталиева
N. I. Utkin, L. S. Mutalievva*

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

FINANCIAL AND LEGAL ASPECTS OF PROTECTION OF THE PROPERTY RIGHT IN THE CONDITIONS OF EMERGENCY SITUATIONS

Отношения собственности занимают особое место среди имущественных отношений, регулируемых гражданским правом. В частности, Д. И. Мейер отмечал, что «право собственности – право первостепенное, господствующее над всеми другими имущественными правами»¹. Право собственности представляет собой юридический институт – совокупность правовых норм, значительная часть которых, имея гражданско-правовую природу, входит в подотрасль гражданского права, именуемую вещным правом².

Конституция Российской Федерации, определяя формы собственности в нашей стране, в первую очередь, провозглашает их защиту. Так, ст. 8 Конституции РФ говорит о том, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Особенно остро вопрос защиты права собственности встает при возникновении чрезвычайных ситуаций. Несомненно, государство принимает все меры по защите имущественных интересов граждан различными способами. Примером является ликвидация крупномасштабной чрезвычайной ситуации, произошедшей в 2013 г. в Дальневосточном федеральном округе. Всего к операции на Дальнем Востоке были привлечены более 46 тыс. человек и 7,5 тыс. единиц техники, причем техника была спасательная, пожарная. Были также привлечены большое количество специальных судов, водолазные службы, авиация, мобильные госпи-

© Н. И. Уткин, Л. С. Муталиева, 2014

¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 2005. С. 124.

² Валеева Р. М. К проблеме определения понятия «права собственности» // Современные проблемы юридической науки: Материалы VII Международной научно-практической конференции. М., 2011. С. 74.

тали и т. п. Это была мощная, многоцелевая, комплексная группировка сил, подразделения которой прибыли из разных регионов страны. Все действия координировал Национальный центр управления в кризисных ситуациях. МЧС России привлекло профессиональные спасательные подразделения, подразделения для работы на воде с территориями всех регионов нашей страны. Под эгидой МЧС России работали все федеральные и региональные структуры. Для ликвидации ЧС на Дальнем Востоке привлекались силы Министерства обороны, Министерства здравоохранения, Минтранс, Минтруд, Минэнерго, Министерства образования и силы Министерства внутренних дел, других федеральных структур.

Согласно нормам Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» чрезвычайная ситуация – обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. В названном Федеральном законе в общем виде отражены права граждан РФ в области защиты от чрезвычайных ситуаций. В ст. 18 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» закреплено право граждан РФ на возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайной ситуации.

Таким образом, государство гарантирует полное возмещение имущественного ущерба, причиненного чрезвычайной ситуацией. В настоящее время для этого разработан специальный механизм. Уполномоченные органы исполнительной власти тех субъектов РФ, на территории которых возникла чрезвычайная ситуация, а именно правительства (администрации) данных субъектов, составляют списки пострадавших, имеющих право на получение компенсаций³. Если гражданин не попал в списки пострадавших от чрезвычайной ситуации, например, потому, что не был зарегистрирован в зоне действия чрезвычайной ситуации, ему придется в судебном порядке доказывать, что он является пострадавшим от чрезвычайной ситуации. Для включения в списки пострадавших граждане могут обратиться также в межведомственную комиссию, которая создается для ликвидации последствий крупных чрезвычайных ситуаций в пострадавшем регионе. В ее состав входят представители администрации субъекта, МВД РФ, МЧС РФ и других ведомств. В задачи комиссии, помимо иных обязанностей, входит разъяснение и оказание содействия при обращении граждан за получением социальных выплат, компенсаций и т. п.⁴

Органы исполнительной власти при определении размера компенсационных выплат руководствуются Постановлением Правительства РФ от 13 октября 2008 г. № 750 «О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства РФ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий». Согласно данному постановлению для граждан предусмотрено оказание единовременной материальной помощи (из расчета до 10 тыс. рублей на человека, но не более 50 тыс. рублей на семью) в связи с утратой гражданами имущества первой необходимости (из расчета за частично утраченное имущество – до 50 тыс. рублей на семью; за полностью утраченное имущество – до 100 тыс. рублей на семью)⁵.

³ Мун О. Компенсация ущерба за утраченное имущество вследствие чрезвычайных ситуаций // Жилищное право. 2013. № 5. С. 47.

⁴ Инструкция об учете и отчетности за использованием финансовых средств на мероприятия по ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий из резервного фонда Правительства Российской Федерации на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций (утв. МЧС РФ № 34-19-3, Минфином РФ № 61, Минэкономки РФ № ВМ-173/37-25 05.05.1994) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 19.05.1994 № 569) // Российские вести. 1994. 1 июня.

⁵ Постановление Правительства РФ от 13 октября 2008 г. № 750 (ред. от 20 июня 2013 г.) «О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий» (вместе с «Правилами выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий») // СЗ РФ. 2008. № 42. Ст. 4822.

Важно отметить, что на данный момент законодательство РФ не дает определение частичной и полной утраты имущества. В связи с этим создаются предпосылки к произвольному распределению средств, злоупотреблениям должностных лиц, нарушению прав граждан.

Наиболее значимой имущественной потерей при чрезвычайной ситуации является причинение ущерба жилью. Зачастую в результате чрезвычайной ситуации жилье уничтожается полностью или становится непригодным для проживания. В настоящее время порядок предоставления жилья за счет бюджетных средств регулируется Постановлением Правительства РФ от 7 июня 1995 г. № 561 «О государственных жилищных сертификатах, выдаваемых гражданам РФ, лишившимся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, террористических актов или пресечением террористических актов правомерными действиями», согласно которому основной формой жилищного обеспечения указанных лиц является строительство или приобретение жилья за счет государственных жилищных сертификатов.

В соответствии с Постановлением Правительства № 561 гражданам, постоянно проживающим и зарегистрированным в утраченном жилом помещении на момент чрезвычайной ситуации, стихийного бедствия, выдаются государственные жилищные сертификаты. Право на получение сертификата имеют собственники жилого помещения и проживающие с ними члены семьи. Государственный жилищный сертификат – именное свидетельство, удостоверяющее право гражданина – участника программы приобрести жилое помещение за счет средств федерального бюджета. Необходимо отметить, что тем пострадавшим собственникам, которым была выплачена денежная компенсация за утраченное жилье, государственные жилищные сертификаты не выдаются⁶.

В соответствии с п. 1 Постановления Правительства РФ от 22 ноября 2011 г. № 963 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ по вопросам оказания помощи гражданам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, террористических актов или при пресечении террористических актов правомерными действиями» предусматривается выдача только одного жилищного сертификата, т. е. если человек был владельцем нескольких объектов недвижимости и лишился их в результате чрезвычайной ситуации, ему будет выдан только один сертификат⁷.

Пострадавший собственник, получивший жилищный сертификат, при желании может приобрести жилое помещение большей площади, чем это указано в сертификате. Но в этом случае разница в стоимости возмещается за счет его личных или заемных средств.

В соответствии с п. 53 Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011–2015 гг., владелец государственного жилищного сертификата имеет право с использованием выделяемой субсидии приобрести жилое помещение как на первичном, так и на вторичном рынке жилья у физических или юридических лиц. Жилье должно быть приобретено в пределах субъекта РФ, который указан в сертификате. Жилое помещение должно отвечать установленным санитарным и техническим требованиям и быть благоустроено применительно к условиям населенного пункта, в том числе в сельской местности, выбранного для постоянного проживания. Субсидии на приобретение жилья, выделяемые посредством государственных жилищных сертификатов, предоставляются только на покупку готового жилья⁸.

⁶ Порядок и условия выдачи государственных жилищных сертификатов (во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 7 июня 1995 г. № 561) (утв. МЧС РФ, Минстроем РФ, Минфином РФ 10.07.1995) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 27.07.1995 № 916) // Российские вести. 1995. 14 сент.

⁷ Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2011 г. № 963 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам оказания помощи гражданам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, террористических актов или при пресечении террористических актов правомерными действиями» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6935.

⁸ Терентьева Е. В. Предложения по совершенствованию законодательства о предоставлении жилья гражданам, лишившимся его в результате чрезвычайных ситуаций // Жилищное право. 2011. № 6. С. 53.

Жилое помещение, приобретаемое по государственному жилищному сертификату, оформляется в общую собственность всех членов семьи владельца сертификата. Не допускается приобретение жилого помещения, общая площадь которого дает основания для признания гражданина – владельца сертификата нуждающимся в улучшении жилищных условий в соответствии с законодательством субъекта РФ, на территории которого оно расположено. Срок действия сертификатов составляет один год с даты выдачи. В случае истечения срока действия сертификата он подлежит аннулированию.

Эмитентом сертификатов выступает Министерство финансов РФ. Выпуск сертификатов осуществляется в течение двух месяцев с момента стихийного бедствия (чрезвычайной ситуации) на основании решения Правительства РФ и данных Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и данных органа исполнительной власти субъекта РФ, на территории которого произошло стихийное бедствие (чрезвычайная ситуация), о количестве семей, лишившихся жилья, и их численном составе.

В соответствии с положениями Постановления Правительства РФ от 9 октября 1995 г. № 982 «Об утверждении Порядка выпуска и погашения государственных жилищных сертификатов, выдаваемых гражданам РФ, лишившимся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, террористических актов или при пресечении террористических актов правомерными действиями» после получения жилищного сертификата его владелец обращается в орган исполнительной власти субъекта РФ с просьбой о предоставлении ему жилья, размер общей площади которого указан в сертификате.

Орган исполнительной власти субъекта РФ в срок, не превышающий трех месяцев со дня получения им сертификата, выделяет из имеющегося в его распоряжении жилищного фонда владельцу сертификата жилое помещение. В случае отсутствия жилья в выбранном владельцем сертификата населенном пункте он имеет право приобрести по договору купли-продажи иные жилые помещения общей площадью не ниже учетной нормы, установленной в соответствии со ст. 50 ЖК РФ, в том числе индивидуальный жилой дом (часть дома).

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что государство в настоящее время полностью берет на себя расходы по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Таким образом государство осуществляет социальную функцию. Но эти расходы увеличивают налоговую нагрузку на экономику в целом и на каждого налогоплательщика в частности⁹. В условиях развития рыночной экономики необходимо развитие рыночных механизмов предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Наиболее эффективным рыночным механизмом в данной ситуации является страхование.

Страхование рисков чрезвычайных ситуаций обеспечивает права государственных органов, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц на возмещение вреда, который им был причинен чрезвычайной ситуацией. На сегодняшний день отсутствуют законодательные акты, регулирующие проведение жилищного страхования. Заключение договоров по страхованию жилья осуществляется в рамках законодательных норм, регулирующих имущественное страхование.

В соответствии с ГК РФ обязать собственника страховать свое имущество невозможно, так как он сам несет риск гибели своего имущества. Минфин РФ подготовил проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части упорядочивания порядка оказания помощи гражданам на восстановление (приобретение) имущества, утраченного в результате пожаров, наводнений и иных стихийных бедствий». Согласно документу в случае потери единственного жилья гражданин может рассчитывать на полноразмерную компенсацию от государства только в том случае, если его дом или квартира застрахованы. Лицам, не застраховавшим жилые помещения, будет предоставлено жилье по договору социального найма, которое нельзя приватизировать и передавать по наследству.

Размеры страховых сумм и порядок выплат Министерство финансов РФ предлагает отдать на усмотрение регионов. Предполагаемая система будет многоуровневой: ответствен-

⁹ Белхароев Х. У. Финансово-правовое регулирование выделения материальных и продовольственных ресурсов при ликвидации чрезвычайных ситуаций // Финансовое право. 2013. № 9. С. 2–5.

ность по выплатам страховщики будут делить с регионами, а в случае катастрофических происшествий будут подключены федеральные компенсации.

Таким образом, в настоящее время в нашей стране создан правовой механизм защиты и охраны права собственности в условиях чрезвычайных ситуаций. Он включает в себя нормы всех отраслей права. Но в условиях развития рыночной экономики все большее значение приобретают гражданско-правовые способы защиты имущественных интересов граждан.

Аннотация. Исследованы финансово-правовые аспекты защиты права собственности в условиях чрезвычайных ситуаций, рассмотрен механизм возмещения ущерба, причиненного чрезвычайными ситуациями, проанализировано законодательство Российской Федерации по возмещению ущерба от чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова. Защита права собственности в условиях чрезвычайных ситуаций, компенсации потери имущества, страхование жилья.

Annotation. Investigated economic and legal aspects of protection of the property right in the conditions of emergency situations, considered the mechanism of compensation of the damage caused by emergency situations, analysed the legislation of the Russian Federation on compensation of damage from emergency situations.

Keywords. Protection of the property right in the conditions of emergency situations, compensations of loss of property, housing insurance.

Раздел 3

КОНФЕРЕНЦИИ И СЕМИНАРЫ

Г. Г. Бернацкий
G. G. Bernatsky

ПРАВО ИЛИ РЕЛИГИЯ: КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ СОЮЗ

RIGHT OR RELIGION: CONFRONTATION OR UNION

В правовом государстве основным регулятором общественных отношений выступает право. Религия рассматривается как второстепенный и малозначительный социальный регулятор. Это положение как будто бы не вызывает сомнений среди современных юристов. Вместе с тем, с нашей точки зрения, право и религия тесно переплетены в регулировании общественных отношений.

Сущность права может пониматься в двух смыслах: право имеет субъективную либо объективную сущность. Если право субъективно, то оно определяется волей правящей элиты, господствующего класса или даже волей, интересами одного всемогущего правителя. Право определяется формулой: «чья власть, того и право». Однако многое в жизни общества, государства и человека убеждает нас в обратном. Следует, скорее, признать, что право носит объективный характер. Например, существуют мертвые законы – правители их принимают, но реализации их добиться не могут. Это неправовые законы. Вместе с тем существуют правовые институты, которые переходят из одной эпохи в другую без особых изменений – и никакие правители их не могут поколебать.

Обратим внимание на то, что существуют религиозные правила, аналогично правовым максима́м, которые носят всеобщий объективный характер. Эти правила действуют в обществе с такой же железной необходимостью, как физические законы в природе. Приведем некоторые из них. «Не судите, и не судимы будете; прощайте, и прощены будете, давайте, и дастся вам... ибо, какою мерою мерите, такую и вам отмерится» (Лука 6;37); «Нельзя служить и Богу, и маммоне» (Матф. 6.24). «Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю» (Осия 8,7). С религиозной точки зрения действие этих правил в обществе объясняется Божественным промыслом. Божественные установления действуют объективно, независимо от воли человека и человечества. Люди – это только те руки, через которые данные установления воплощаются в реальность.

Юристы Рима называли объективные юридические нормы, действующие в обществе, естественным правом, т. е. правом, которое исходит из разума и воли Богов. Выдающийся русский юрист и философ Е. Н. Трубецкой утверждал, что признание существования естественного права возможно только при условии, если мы допускаем существование Бога.

Хорошо известно, что человек обладает свободой воли и может попира́ть естественное право. У юристов это называется правонарушением, а в религии – грехом. Человек в своей свободе воли часто слеп и не видит объективной необходимости. Он кричит о своих правах как высшей ценности. Он упивается своей свободой. Человек живет и действует, но он, как слепой в коридоре, натывается то на одну стену, то на другую. Набивает себе много шишек, проходит через много бед до тех пор, пока не находит для себя правильное направление коридора, и тогда уже движется по коридору без потрясений. И это наступа-

ет в том случае, если человек осознает, что свобода есть осознанная необходимость. Для религиозного человека эта необходимость задается Богом. Бог определяет то, что может считаться справедливостью и правдой. Бог задает правильный путь. Бог является верным ориентиром. Именно поэтому его называют Спасителем.

Вместе с тем люди могут принимать юридические законы по своей воле, против установлений Бога или против установлений Права. Законодатели из великой гордыни могут вставать в позу богов. Но они не ведают, что творят. Для государства губительно преступать требования объективного права. Расплата может быть жестокой. Еще Цицерон предупреждал, что горе тем правителям и народам, кто идет против естественного права. А в религиозной терминологии – губительно идти против воли Бога.

Обратимся теперь к смыслу юридической ответственности. *Если право субъективно* и оно исходит из воли сильных, богатых, знатных, то тогда наказание за правонарушение – это наказание за нарушенные права богатого, знатного, сильного. «У сильного всегда бессильный виноват». Еще в Римской империи говорили: «Справедливому делу нищих не дают суда». В этом случае бедный воспринимает наказание как месть со стороны богатого. И в данном наказании нет ничего от справедливости, а есть только стремление богатого покарать и унижить бедного и одновременно защитить свое сытое существование. Бедный в результате такого наказания не исправляется, а озлобляется. Он ненавидит мир сытых «жирных котов». Сытые огородили себя автоматами и защитили себя законами.

Если же право имеет объективный характер, то человек, совершив правонарушение, идет против Божественного установления – он покусился на святыни. Человек испытывает, не может не испытывать, угрызения совести. А совесть без Бога невозможна. Вспомним, что так считал Ф. М. Достоевский. Если бога нет, то все возможно. Преступник, оказавшись перед лицом Бога и испытав свою совесть, раскаивается. Он переживает духовный катарсис – очищение и исправление. Без этого духовного очищения и раскаяния любое внешнее материальное юридическое наказание не имеет смысла. Исключительно внешнее наказание не исправляет человека, а озлобляет.

Нам возразят, что есть такие люди, которые духовно черствы, совесть их молчит. Однако разве они могут избежать расплаты и душевных потрясений? Естественное право, Божий промысел достанет их неизбежно, Он потрясет их до самых кончиков волос. Аристотель говорил, что естественное право вступает в действие тогда, когда человеческое право дало промашку, когда ловкий преступник избежал человеческого суда. М. Ю. Лермонтов в своем знаменитом стихотворении пророчески писал:

«Но есть и божий суд, наперсники разврата!

Есть грозный суд: он ждет;

Он не доступен звону злата...»

Из союза Права и Религии вытекает, на наш взгляд, очень важный вывод. Законодательство, позитивное право – вторичная сила в регулировании отношений между людьми. А первичная сила – это идеология, понимаемая как система ценностей, действующая в обществе и государстве. Идеология есть концентрированное выражение культуры народа. Идеология может носить религиозный или светский характер. Но идеология должна лежать в основе жизни народа. Это духовная скрепа всего народа.

Российское общество сейчас духовно распадается. Мы разошлись по разным регионам, по национальностям, по разным, нередко враждебным, идеологическим взглядам. Мы уже ненавидим друг друга. Однако в Советском Союзе русский любил чеченца, а чеченец – русского. Сейчас нас объединяет духовно только одно – память о Великой Отечественной войне. Тогда за Россию, за общую Родину сражались бок о бок и русский, и татарин, и чеченец, и еврей.

Сейчас как никогда для России необходима единая идеология, единая государственная идеология. Хотелось бы напомнить, что 12 сентября 2012 г. В. В. Путин произнес речь о патриотизме в России, но на самом деле речь шла о новой Идеологии для России. В. В. Путин призвал всех патриотов России сплотиться в деле укрепления России и создания ее новой Идеологии и подчеркнул, что за умы и души россиян ведется острая идеологическая война иностранных государств, которая по важности сравнима с глобальной борьбой за

минеральные ресурсы. Мы можем противостоять этой войне только с помощью российской идеологии. Путин напомнил, что увядание идеологии в СССР и Российской империи стало причиной их разрушения¹.

На заседании евразийского клуба «Валдай» 23 сентября 2013 г. В. В. Путин обратил внимание на крайне опасную тенденцию в западном мире, когда страны идут по пути отказа от своей традиционной идеологии, от духовных корней – христианства, которое всегда составляло основу западной цивилизации: «Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополые браки, веру в бога или веру в сатану. Политкорректность доходит до того, что говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии. Люди во многих европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности к христианству»².

Этот путь Запада мы не должны повторять, иначе гибель России неизбежна.

Аннотация. В статье утверждаются объективная природа права и связь его с религией, а также определяющая роль идеологии в социальном регулировании по сравнению с законодательством.

Ключевые слова. Право, религия, идеология.

Annotation. The article asserts the objective nature of Law, its connection with religion and the main role of the ideology in the social regulation in comparison with legislation.

Keywords. Law, religion, ideology.

¹ <http://the-day-x.ru/putin-o-novoj-ideologii-rossii.html>.

² <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>.

А. А. Ливеровский
A. A. Liverovsky

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОСУДИЯ»

ROUND TABLE: «RELIGION BASIS OF JUSTICE»

21 ноября 2013 г. на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного экономического университета был организован и прошел небольшой семинар в формате «круглого стола» на тему «Религиозные основы правосудия». С инициативой проведения научного мероприятия с участием религиозных деятелей, представителей судейского сообщества и ученых нашего факультета выступил председатель Еврейской религиозной общины, кандидат философских наук Марк Давидович Грубарг.

На нашем факультете в последние годы проводились изыскания в области конституционного права и теории права, связанные с вопросами религиозного права, в частности мусульманского. Факультет заключил договор о сотрудничестве с юридическим факультетом Дагестанского государственного университета (декан – доктор юридических наук, профессор Ш. Б. Магомедов). В рамках совместных исследований выпущена монография А. А. Ливеровского «Перспективы претворения шариата и адата в современной России». Наметилось взаимодействие с учеными Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии.

На заседание «круглого стола» были приглашены:

Арановский Константин Викторович, судья Конституционного Суда РФ, профессор, доктор юридических наук,

Бадмаев Буда Бальжиевич, настоятель Буддийского храма в Санкт-Петербурге, доктор буддийской философии,

Бернацкий Георгий Генрихович, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор, доктор юридических наук,

Бродский Михаил Наумович, член правительства Санкт-Петербурга, заведующий кафедрой правового регулирования экономики, профессор, доктор юридических наук, доктор экономических наук,

Гаджиев Гадис Абдуллаевич, судья Конституционного Суда РФ, профессор, доктор юридических наук,

Гуцан Наталья Федоровна, председатель Уставного суда Санкт-Петербурга, кандидат юридических наук,

Марк Давидович Грубарг, председатель Еврейской религиозной общины, кандидат философских наук,

Ливеровский Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук,

Лисовицкий Дмитрий Алексеевич, начальник правового управления Уставного суда Санкт-Петербурга, кандидат юридических наук,

Мамонов Вадим Васильевич, декан юридического факультета, профессор, доктор юридических наук,

Миронов Александр Александрович, преподаватель Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, кандидат богословия,

Мосин Евгений Федорович, кандидат технических наук, доцент,

Сапун Валентин Андреевич, профессор, доктор юридических наук,

Фахрутдинов Румиль Исламович, помощник председателя Духовного управления мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России,

Прохоренко Александр Владимирович, председатель Комитета по внешним связям Администрации Санкт-Петербурга, доктор политических наук,

Хейфец Марина Семеновна, адвокат, член адвокатской палаты Санкт-Петербурга,

Шевченко Антонина Викторовна, судья Уставного суда Санкт-Петербурга.

На семинаре был обсужден вопрос о первичных понятиях, лежащих в основе религиозных воззрений и в то же время составляющих фундамент теории права. Участники обсуждения, представители религиозных конфессий привели примеры правовых принципов-заимствований, исходящих из священных книг и входящих в институт традиционного правосудия. Несмотря на то что тематика «круглого стола» носила теоретико-правовой характер, не остались без внимания участвующих в заседании актуальные проблемы современной России – специфика реализации института светского государства для многоконфессиональной страны, предотвращение развития радикальных и сепаратистских воззрений в религиозных сообществах. Наш журнал публикует некоторые материалы семинара.

А. А. Миронов

А. А. Мironov

**КАНОНИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПРАВОСЛАВИЯ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИМЕР
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ
В ЕГО СРАВНЕНИИ С ЕСТЕСТВЕННЫМ И ПОЗИТИВИСТСКИМ**

**CANONICAL SYSTEM OF ORTHODOXY
AS A HISTORICAL EXAMPLE
OF RELIGIOUS–PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF LAW
IN ITS COMPARISON WITH NATURAL AND POSITIVIST**

В последние годы в России становится все больше людей, которые ощущают себя именно гражданами, т. е. «горожанами» (πολίτης) некоего великого города (πόλις), сознающими свою причастность к государственному устройству (πολιτική), наподобие того, как горожане древнегреческого города-полиса осознавали свою полную причастность к тому, что происходило в их общине, а также и полную ответственность за то, как вообще все в этой общине было устроено. Однако, несмотря на это, общеизвестно, что характерными чертами современной российской действительности остаются все-таки очень низкий уровень юридической грамотности и вообще правосознания населения, а также довольно распространенный правовой нигилизм. В связи с этим вопрос о происхождении права вообще и, в частности, о религиозных истоках правосудия является одним из ключевых с точки зрения теории права.

Этот вопрос включает в себя целый круг более узких тем, которые будут интересны как правоведам, занимающимся общей теорией права, так и представителям различных

религий и конфессий. Никто не станет спорить, что даже сам символ современного правосудия, прочно закрепившийся в общественном сознании большинства народов не только нашей страны, но и всего мира, религиозен – это мифологическая богиня древних греков Фемида, или Юстиция у римлян, со своими неизменными атрибутами: весами справедливости, карающим мечом возмездия и повязкой беспристрастия на глазах.

1. Теория естественного права: от древности до наших дней

Вся многотысячелетняя история человечества являет нам различные примеры как непосредственного, так и опосредованного происхождения правосудия, а в более широком смысле и всего права, из религии. Обожествление первичных правовых норм в Древней Месопотамии, особенно в Вавилоне, в Древнем Египте, Свод законов Хаммурапи (ок. 1759 г. до н. э.), иудейская Тора (תורה, пригл. XIII в. до н. э.), древние законы Персидского царства, некоторые из законов Двенадцати таблиц (*Leges duodecim tabularum*, 451–450 гг. до н. э.), – все это яркие иллюстрации религиозных норм, записанных в виде правовых предписаний. Эта мысль о связи религии и права, религии и правосудия есть у многих мыслителей, философов, богословов, как древних, так и современных.

В первую очередь это относится, конечно, к тем мыслителям, которые придерживались так называемой теории естественного права, согласно которой человечество получает право как дар свыше, как дар обожествляемой природы или дар Бога, Творца самой этой природы. Правосудие, как составная часть права вообще, с точки зрения «естественника», возникает раньше, чем появляются государства, и правовые нормы (законы, каноны) являются всего лишь «материализацией» этой отвлеченной идеи права. В более позднюю эллинистическую эпоху такие мысли мы находим, например, у Сократа и Аристотеля, в христианском мире – у блаженного Августина, епископа Иппонийского (354–430 гг.) и Фомы Аквината (1225–1274 гг.). А в близкую к нам эпоху появляется даже новая концепция на основе этих воззрений, концепция так называемого возрожденного естественного права. Ее сторонниками на рубеже XIX–XX вв. были некоторые отечественные религиозные философы, занимавшиеся вопросами теории права, в частности Владимир Соловьев и Евгений Трубецкой. Последний, например, в своей знаменитой «Энциклопедии права» высказал мысль, что право функционировало, «работало» еще до сознательного формулирования людьми каких бы то ни было правовых норм¹.

2. Позднейшие теории: юридический позитивизм и нормативизм

Но существует и диаметрально противоположная точка зрения, в корне не согласная с таким воззрением на истоки правосудия и права вообще, – это теория юридического позитивизма, современный извод которой иногда именуют нормативизмом. Здесь право и правосудие в составе права не мыслятся без государства, право здесь вторично, первично именно государство. Юридический позитивизм совпадает тут в общем и целом с позитивизмом философским О. Конта (1798–1857 гг.), который представляет историю развития человечества в линейном виде: от низших «ложных» ступеней (фетишизм – политеизм – монотеизм) к «средней» ступени (метафизика), а затем и к «высшей», «позитивной» – научному знанию. Слабостью этой концепции является тот факт, что позитивистский подход в правоведении, как строго эмпирический и несомненно сильный в классификации многообразных правовых событий и явлений, заходит в тупик, пытаясь дать ответы по поводу их глубинной сущности, в частности по поводу сущности такого явления, как правосудие. Иными словами, позитивист убежден, что правосудие вторично, что оно лишь следствие деятельности правового института под названием «суд». «Естественник» же, напротив, считает, что такой правовой институт, как суд, существует только потому, что кто-то должен осуществлять дарованную свыше человечеству идею правосудия.

Итак, позитивист скажет приверженцу теории естественного права: «Да, ты имеешь право видеть истоки правосудия и вообще права в религии». Но на этом позитивист не остановится и продолжит: «Только, пожалуйста, не сообщай мне, кто ты: индуист или хри-

¹ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 82. [эл. вариант – URL: <http://books4study.info/text-book5365.html>].

стианин, мусульманин или буддист, иудей или вообще язычник. Для меня совсем не важно, какая это религия. Какая бы ни была – это низшая, примитивная, “недоразвитая” ступень правосознания. И когда остатки такого явления, как религиозность, будут в человечестве полностью изжиты, на историческую арену выйдет единственно правильный, единственно возможный истинный источник правосудия – государство». Что мог бы ответить в такой ситуации сторонник теории естественного права? Какие аргументы мог бы привести в качестве своей апологии, опираясь не только на свои метафизические умозаключения, не только на священные тексты своей религии (ведь для позитивиста они священными не являются), но и на некие фундаментальные, основополагающие предпосылки?

3. Беспристрастная справедливость и адекватность возмездия. Где золотая середина?

Во все времена, как в глубокой древности, так и в наше время, человек, попадая в систему правосудия, дает оценку всему, в этой системе происходящему, с точки зрения основополагающих моральных принципов. Главнейший среди этих нравственных принципов – справедливость, одним из гарантов которого в новейшее время является, как известно, так называемый состязательный принцип судебного разбирательства. Действительно, если отодвинуть в сторону теоретизирование, то именно справедливое разрешение «правым судом» той или иной практической жизненной ситуации является центральным звеном всей, как иногда говорят, «правовой материи»². Проблема здесь заключается в том, что и саму справедливость позитивист понимает не как некий мировой принцип, а как обязательную к исполнению формальность. Слабость такой точки зрения налицо: на протяжении всей истории человечества, даже в современный, пропитанный духом позитивизма во всех сферах жизни период обязать людей неукоснительно исполнять эту формальную справедливость весьма затруднительно. Доказательством этого является тот факт, что на каждом шагу человек и встречался, и встречается с ситуациями, когда добро не только не вознаграждается, но и страдает, а зло не только не наказывается, но и превосходит.

Казалось бы, вопрос решается смещением акцента на второй основополагающий принцип правосудия – возмездие, месть, мщение (ведь в руках у Фемиды-Юстиции не только весы справедливости, но и карающий меч). Но и тут позитивистская точка зрения тоже слаба: даже если предположить, что кара всегда, рано или поздно, но всегда неотвратимо настигает нарушителя, ответ на вопрос, как объективно «рассчитать» тяжесть возмездия, затруднителен. Ведь не только в древности, но и в наше «цивилизованное» время за одни и те же преступления в некоторых государствах наказывают лишением свободы на тот или иной срок, в других, особенно в тех, где действует мораторий на смертную казнь, – пожизненным заключением, а в третьих – так и вообще умерщвляют по приговору суда. Известно, например, что даже в некоторых штатах США, не говоря уже о странах Востока, сегодня довольно активно применяется смертная казнь.

Как же решаются эти проблемы в теории естественного права, в частности, приверженцами той или иной религии или конфессии? Пытаясь ответить на этот вопрос, сначала лучше рассмотреть взгляды естественной теории на взаимоотношения права и морали, на связь нравственности с правосудием, а уже затем перейти к конкретным историческим примерам религиозного правосудия, например, христианского. Итак, необходимо «предоставить слово» «естественникам».

4. От правового этицизма – к религиозно-философскому правопониманию

Сторонники теории естественного права убеждены в глубокой неразрывной онтологической связи этики и права (правовой этицизм), а также рассматривают правосудие всегда в его проекции на богатство, многообразие и сложность внутренних переживаний индивида как целостной неповторимой личности (правовой антропологизм). Право в такой системе вторично, оно есть *minimum minimum* морали. Такова концепция существующего до сегодняшнего дня во многих странах мира римского права, возникшего именно на морали ромеев, хотя и с учетом их политеистических религиозных верований, где людские

² Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 30–31.

отношения копируют взаимоотношения богов, имеющих, как и люди, своего царя – Юпитера. Задача права здесь – всего лишь не допустить разгула зла, в то время как внутреннее веление морали (ср. категорический императив И. Канта) – это устремление к высшему абстрактному идеалу добра. Несомненным плюсом права в такой концепции является то, что оно защищает не только от разгула зла, но и от «попыток принудительного осчастливливания и принудительного совершенствования людей. Право – принципиальная антитеза патернализма»³. Другими словами, право строго смотрит на то, что человек сделал и чего он не делал, но совершенно не вмешивается во внутреннее позиционирование человека по отношению к этим действиям или бездействиям, пусть даже эта внутренняя ориентировка и будет совершенно безнравственной. И если говорят иногда, что философия – «служанка» богословия, то если искусственно экстраполировать это положение на область нравственности и права, то получится, что право – «служанка» нравственности. Здесь мы выходим напрямую к идее реальности Бога, Того Самого Абсолютного Добра, Которое только и может гарантировать «качество» нравственных установок, будучи Само их источником. А далее – вообще к особому, сходному с естественным, но еще более удаленному от юридического позитивизма религиозно-философскому правопониманию.

Религиозно-философский подход к проблемам теории права вводит нечто новое в дополнение к обозначенным выше принципам справедливости и воздаяния в связи с понятием правосудия. В первую очередь, это понятие религиозной заповеди как правовой нормы, носящей сакральный характер, т. е. данной Самим Богом, пусть, может быть, и опосредованно, например, через пророка, священнослужителя, через Священные Писания. Во вторую очередь – понятие обязательной внутренней свободы, добровольного согласия человека на исполнение этой заповеди. Конечно же, главнейшим условием такого добровольного согласия будет только личная внутренняя религиозная вера (вера-доверие, вера-уверенность, вера-верность) в то, что Источник заповеди – Истинный Бог. И, наконец, рассматриваемый религиозно-философский подход к правосудию вводит совершенно немислимое для позитивиста понятие *iudicium universale*, всеобщего «страшного» суда, «дня гнева» в эсхатологической перспективе, соответствующего учению о последнем суде во всех основных монотеистических религиях. При таком подходе глубинный фундамент, онтологическая база права коренится только в религии, и в то же время право получает возможность восстановить свои потерянные связи с нравственностью как с одним из важнейших проявлений религиозности. И, наконец, само право в какой-то степени сакрализуется, становится священным: многократно и многообразно кодифицированное, оно, тем не менее, не допускает «сверхюрисдикционных» документов, ограничиваясь только «неписаными конституциями», как это было, к примеру, в христианской Византии⁴.

Здесь уже можно говорить о таком явлении, как относительно новые и действующие донныне религиозные правовые системы в чистом виде или в их соединении с гражданскими законами различных государств. Примеров достаточно много: религиозное право индусов, право последователей пророка Мохаммеда (*аш-шар'а* (араб.), исламский шариат) и т. п. В качестве яркого исторического примера религиозно-философского правопонимания, подтверждающего теорию естественного права, хотелось бы подробнее остановиться на таком особом явлении религиозно-правового порядка, как история канонического права и церковного судоустройства Православной Единой Вселенской Христовой Церкви, состоящей на сегодняшний день из 15 Поместных, т. е. расположенных в том или ином «месте» земного шара, Церквей: Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Русской, Грузинской, Сербской, Румынской, Болгарской, Кипрской, Элладской, Албанской, Польской, Чешской и Словацкой, Американской.

5. Тора и каноны. Закон божественного принуждения и божественной свободы

Как известно, Тора (תורה), Моисеево законодательство, появившееся приблизительно в XIII в. до н. э., стало значительным законодательно формирующим фактором не только

³ Соловьев Э. Ю. Личность и право // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 68.

⁴ Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 31–42.

для иудаизма, но и для некоторых других религий, в частности для ислама. Каноническое право Православной Вселенской Церкви здесь, как известно, тоже не является исключением. Центральным же формирующим звеном самой Торы является Декалог, в котором четыре первые заповеди посвящены обязанностям человека по отношению к Богу-Творцу, Богу-Промыслителю, а оставшиеся шесть – обязанностям людей по отношению друг ко другу, их взаимоотношениям. Впоследствии в связи с нравственными основами канонического права эти «вертикальная» и «горизонтальная» составляющие Декалога трактуются некоторыми христианскими мыслителями как прообраз креста Господня, а в более широком смысле – как прообраз крестоношения при исполнении заповедей: после грехопадения первых людей человеческая природа повреждена, и поэтому выполнение заповедей Бога требует напряжения, «восстания» против своей греховности. Ветхозаветная теократия – парадигма общественного правового устройства, наиболее приближенного к возможному после грехопадения идеалу. С точки зрения современных правовых систем некоторые способы приговоров по законам Торы, например побивание камнями (Исх. 19:13), представляются бесчеловечными, но необходимо помнить, что на деле многое, что в новое время стало привычным, в Торе не зафиксировано ни законодательно, ни исторически, например практика изодренной физической пытки. К тому же следует подчеркнуть, что многое, что выглядит в Торе бесчеловечным, например неотвратимый патриархальный принцип адекватного возмездия – «глаз за глаз, зуб за зуб... рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21:23-25), – трактуется не как жестокость, а именно как ограничение чрезмерной жестокости.

Декалог в каноническом праве Православной Вселенской Церкви, оставаясь формально значимым правовым источником, теоретически и нравственно переосмыслен, возвышен в связи с новой заповедью Христа о любви к Богу и ближнему (Лк. 10:27): евангельские заповеди призывают человека на новую ступень – не только не делать зла, но и активно служить добру, жертвуя зачастую своим *ego* ради блага ближнего. Но в реальной жизни, как это всегда и бывает, последователи христианской веры нарушают не только этот возвышенный внутренний нравственный принцип, но и заповеди-принуждения своего небесного Отца, что объясняется опять-таки поврежденностью человеческой природы после грехопадения Адама и Евы. Поэтому ветхозаветный закон, дополненный установлениями из Священного Писания Нового Завета, не исчезает как канонический источник, он получает в каноническом праве свое дальнейшее развитие. Многие, очень многие из ветхозаветного закона перестают быть актуальными, но что-то, напротив, многократно трансформируясь и усложняясь, постепенно вбирает в себя все новые и новые церковные нормы и узаконения (каноны), особенно после Миланского эдикта 313 г. императоров Константина Великого и Ликийя, когда основным высшим законодателем канонического права Православной Церкви начинают выступать Вселенские Соборы (σύνδοδοι οἰκουμένης, *concilia universalia*), а затем и позднее, в особенности в Византийскую эпоху.

6. Некоторые акценты канонической системы Православия (историческая иллюстрация)

В этот период закладываются уже основы канонического правосудия, формируется церковное судоустройство и судопроизводство⁵. Наряду с кодификацией канонов происходит иногда их инкорпорация и консолидация с государственными византийскими законами. Ярчайшим примером этого являются так называемые «законоправила» – номоканоны, представляющие собой кодифицированные сборники церковных канонов (κανόνες) совокупно с гражданскими законами (νόμοι)⁶. Следует отметить, что были примеры, напротив, дистанцирования судебной церковной власти от государственной, например, уже представители II Вселенского Собора (Константинополь, 381 г.) «не желали вмешательства светских властей... в ход рассмотрения жалоб на епископов... такой же была, по крайней мере вначале, и позиция государства»⁷. Впоследствии, в эпоху Юстиниана, такое положение дел было за-

⁵ См., напр.: Суворов Н. С. Объем дисциплинарного суда и юрисдикции Церкви в период Вселенских Соборов. Ярославль, 1884.

⁶ Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 87.

⁷ Петр (Л'Юилье), архиеп. Правила первых четырех Вселенских Соборов / Авторизованный пер. с франц.; под ред. прот. В. Цыпина. М., 2005. С. 221.

креплено уже специальными императорскими новеллами. 629 год был неким водоразделом в этом отношении, так как император Ираклий издал в том году закон, предусматривавший в случае, когда судебная тяжба касалась служителя Церкви, принцип преваляирования подсудности ответчика: если истцом выступал клирик, а ответчиком мирянин, то дело разбиралось в гражданском суде, мирянин же мог заявлять на клирика только в церковный суд⁸.

После отделения Западной Церкви в середине XI в. и последующего краха Византийской империи в 1453 г. развитие канонического права Православной Вселенской Церкви продолжилось на уровне Поместных Церквей. На сегодняшний день единым для всех этих 15 Церквей является так называемый «Вселенский Кодекс», состоящий из 85 апостольских правил, дисциплинарных постановлений шести Вселенских и десяти Поместных Соборов, а также из правил (канонов) авторитетных церковных отцов и учителей. Этот сборник не подлежит пересмотру ни целиком, ни в составе любой своей части не только в рамках какой-либо Православной Поместной Церкви, но даже и в рамках соборного обсуждения несколькими Церквями. Это прерогатива только Всеправославного Собора, т. е. всеобщего собрания, на котором будут компетентные и специально уполномоченные на это представители всех 15 Поместных Православных Церквей. В отношении же функционирования современного православного церковного правосудия необходимо отметить очень важную его особенность: член Православной Церкви, преступивший те или иные Ее каноны, наказывается церковным судом только в границах самой Церкви. Иными словами, церковное наказание может проявить себя только в лишении виновного тех или иных прерогатив, тех или иных благ, которые находятся в ведении самой Церкви. Отсюда становится понятным и общее название церковных наказаний – «отлучение» (ἀφορισμός, *excommunicatio*), максимально строгое из которых – так называемое «великое отлучение», или «анафема» (ἀνάθεμα, *excommunicatio major*)⁹.

7. «Куда нам идти?» (Иер 15:2) или «К кому нам идти?» (Ин 6:68)

В заключение этого краткого, во многом поверхностно-схематичного обзора канонической религиозно-правовой системы Православной Единой Вселенской Христовой Церкви хотелось бы, возвращаясь к вопросу антагонизма позитивистского, с одной стороны, и естественного с религиозно-философским правопониманием – с другой, обратиться к реалиям сегодняшнего дня. В условиях конституционно-демократического государственного устройства, когда любая религиозная структура, в том числе и Церковь, отделена от государства, неизбежно возникают коллизии религиозных правовых систем и государственного права. Вот как этот принцип изложен в ст. 14 нашей Конституции: «1. Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Но все-таки приверженец той или иной религии или конфессии неизбежно дает оценку государственной правовой системе, исходя из своих внутренних убеждений, убеждений веры. Вместе с тем атеист или приверженец другой религии, будучи законопослушным гражданином, смотрит на такие убеждения, основываясь на чисто секулярном, внерелигиозном праве или же на правовых началах другой, своей веры. К сожалению, часто бывает так, что эти позиции полярны. Самый яркий и болезненный пример здесь – это сфера брачного права.

Поэтому все чаще в последнее время раздаются голоса, призывающие к тому, что именно государство должно выступить сегодня активным регулятором в данном вопросе: оно должно, по словам одного из представителей Европейского суда по правам человека, «не устранять причины напряжения путем уничтожения плюрализма, а обеспечить существование таких условий, при которых противостоящие группы относились бы терпимо друг к другу»¹⁰. И у этого сложнейшего процесса есть уже, по крайней мере одно, объединяющее

⁸ Цыпин В., проф. прот. Каноническое право. М., 2009. С. 625.

⁹ Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 419.

¹⁰ Гарлицкий Л. Государственное регулирование религии: противоречивые тенденции? Замечания относительно недавней практики применения прецедентов, касающихся статьи 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод / Пер. с англ. О. Гладченко. Сайт Портал-Credo.Ru (дата обновления (размещения): 07.12.2006). URL: <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=lib&id=1587> (дата обращения: 20.11.2013).

всех его участников начало, заключающееся в том, что любой верующий гражданин нашей страны самим фактом своей веры отрицает, может быть даже зачастую не задумываясь об этом, взгляд юридического позитивизма на источник правосудия и происхождение права вообще. Любой верующий человек, независимо от своей религиозной принадлежности, является *ipso facto* приверженцем теории естественного права и религиозно-философского взгляда на источник правосудия: правовые основы вложены в человека изначально, они не являются нашим изобретением или следствием появления на земле такого института, как государство. Они даны всем нам, всему человечеству, свыше.

Аннотация. В наши дни в обществе особенно остро стоит проблема плюрализма во всех областях жизни современного человека: в социальной сфере, в этических, философских, религиозных, правовых системах и концепциях, даже в быту. Одной из основных теоретических проблем правового плюрализма является вопрос об истоках правосудия в человеческом обществе и вообще о происхождении самого права. Полярными мнениями здесь являются так называемая теория естественного права и религиозно-философское правопонимание, с одной стороны, и юридический позитивизм – с другой. Ярким историческим примером религиозно-философского правопонимания является каноническая система Православной Вселенской Церкви, берущая свое начало еще в ветхозаветных библейских текстах. А если говорить об объединяющем начале в современной российской действительности, то теория естественного права и религиозно-философское правопонимание являются именно тем общим фундаментом, который собирает всех верующих людей, независимо от их религиозной и конфессиональной принадлежности, в один лагерь в отношении ключевого вопроса теории права: правовые основы вложены в человека изначально, они не являются нашим изобретением или следствием появления на земле такого института, как государство. Они даны всем нам, всему человечеству, свыше.

Ключевые слова. Каноническое право, теория естественного права, юридический позитивизм, религиозно-философское правопонимание, правовой этицизм, правовой антропологизм, религия, конфессия, Библия, Тора, Декалог, христианство, Вселенский Собор, канон, номоканон.

Annotation. Nowadays in society is particularly acute problem of pluralism in all areas of modern life: in the social sphere, ethical, philosophical, religious, legal systems and concepts, even in everyday life. One of the main theoretical problems of legal pluralism is the question of the origins of justice in human society in general and about the origin of the law. Polar views here are the so-called theory of natural law and religious-philosophical comprehension of law on the one hand, and legal positivism – the other. A striking historical example of religious-philosophical comprehension of law is canonical system of the Orthodox Universal Church, originating back in the Old Testament biblical texts. And if we talk about unifying in contemporary Russian reality, the theory of natural law and religious-philosophical comprehension of law are the very common foundation that collects all believers, regardless of their religion and denominational affiliation, in one camp against the key issue of the theory of law: legal bases embedded in human initially, they are not our invention or consequence of the appearance on earth of an institution like the state. They are given to all of us, all of humanity, above.

Keywords. Canon law, the theory of natural law, legal positivism, religious-philosophical comprehension of law, legal ethics, legal anthropology, religion, denomination, the Bible, the Torah, the Decalogue, Christianity, Ecumenical Council, canon, nomocanon.

Е. Ф. Мосин
E. F. Mosin

РОЛЬ ЭТИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ДОКТРИН ВЕТХОГО И НОВОГО ЗАВЕТОВ В ИСТОРИИ НАЛОГОВЫХ ПАРАДИГМ

ROLE OF ETHICAL AND PHILOSOPHICAL LEGAL DOCTRINE OF OLD AND NEW TESTAMENTS IN HISTORY TAX PARADIGM

«Выборы выигрывает и проигрывает налоговая политика» – этими словами начинается введение¹ к сборнику «Экономика налоговой политики» со статьями профессоров Великобритании, Канады и США, написанное (1996 г.) его редактором, профессором экономики и финансов Майклом П. Девере, в ту пору также ответственным редактором академического журнала «Fiscal Studies», издаваемого с 1979 г. английским The Institute for Fiscal Studies.

Хотя контекстуально эта формула подразумевает современный мир, однако, даже не впадая в марксистский экономический максимализм и не увлекаясь, в духе экономического империализма (идей школы нобелевского лауреата Гари Беккера и др.), экспансией формулы на всю мировую историю, а лишь обратив внимание на то, как часто форма и содержание народных «волеизъявлений» прямо или косвенно зависели от налоговых «волеизъявлений» господ самых разных религиозных традиций и правовых обличий, – нетрудно увидеть, сколь исторически часто налоговый выбор властей предержавших влиял на последующий «выбор народа» (размытая аллюзия: «People's Choice Awards»).

И если в утверждении Йозефа Шумпетера: «Каков дух народа, на какой ступени развития культуры он находится, как выглядит его социальная структура, что его политика может дать предприятиям – все это и многое другое записано целыми фразами в истории финансов. Тот, кто в состоянии понять ее язык, тот слышит раскаты грома мировой истории яснее, чем где-то в другом месте»² мы заменим слова «истории финансов» словами «истории религии и налогообложения», то слышимость станет лучше (именно слышимость, а не ясность и понимаемость; впрочем, немало тех, кто первым подменяет и второе, и третье).

Ведь язык религии несравненно более понятен и громок³, нежели язык финансов, а язык налогов всем кажется понятнее и бьющим громче, нежели язык финансов (заметим, что слово «кажется» здесь главное). И не без определенных оснований Карл Маркс утверждал: «Начиная с первых мещан средневековья и кончая современными английскими фритредерами, вся борьба вертится вокруг налогов»⁴.

Шумпетер писал процитированное в конце Первой мировой войны, когда упоминание религии рядом с финансами, вероятно, показалось бы странным в речи о мировой истории, по крайней мере, о тогдашней современной мировой истории. Но прошло почти сто лет, и теперь, вероятно, показалось бы странным, говоря о современной нам мировой истории, сказать о роли в ней финансов и при этом забыть упомянуть о роли религии. И не только в России, но в России особенно, вновь звучит сказанное апостолом Павлом:

© Е. Ф. Мосин, 2014

¹ Девере М. П. Введение // Экономика налоговой политики / Пер. с англ.; под ред. М. П. Девере. М., 2001. С. 13.

² Шумпетер Й. А. Кризис налогового государства (цит. по: Витт П.-К. «Патриотический дар» и «спекуляция на хлебе». Свод финансово-правовых постановлений и политическая система Германской империи (1871–1914) // Все начиналось с десятины: этот многоликий налоговый мир / Пер. с нем.; сб. ст. под общ. ред. Б. Е. Ланина. М., 1992. С. 284.

³ Кто тысячи лет назад мог бы вообразить, что память (или миф?) о разговоре Моисея и фараона оживет в спиричуэлс «Let my people go»?

⁴ Маркс К. Эмиль де Жирарден. «Социализм и налог». Париж, 1850 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 300–301.

«... мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем»⁵.

Поэтому здесь будут уместны слова судьи Конституционного Суда РФ В. Г. Ярославцева: «...мы не погрешим против истины, если скажем, что первоосновой права служили законы Божьи в широком смысле этого слова – заповеди, заветы и прочее, которые незримо пронизывали человеческие законы, привнося в них дух естественного нравственного закона»⁶.

Общество («человеческое, слишком человеческое»⁷) никогда не было абсолютно безрелигиозным. Хотя истории известны общества, пропитанные атеизмом, но, во-первых, атеизм, как составляющая мировоззрения личности, возникает лишь там, где уже есть религия, и возникает, нередко, как реакция на то, что, оказывается, «церковь – это не вертолет спасателей, который нас должен срочно эвакуировать из этого мира»⁸, а, во-вторых, атеизм обычно, если не всегда, начинается с сотворения кумиров (из человека, должности, идеи – неважно) и живет поклонением им и культом их, с жертвами им, в том числе массово-кровавыми. И ни в одном из таких обществ не осуществилось превращение по Марксу: «Критика неба превращается... в критику земли, критика религии – в критику права, критика теологии – в критику политики»⁹; осуществилось другое превращение – в требование одобрения и восхваления «земли», права, политики кумиров и во имя кумиров. Наверное, мировая история не любит атеистов в своих окопах.

Протоиерей Александр Мень «во времена, не похожие на нынешние»¹⁰, писал: «Нередко приходится слышать, что религия существует до сих пор лишь потому, что “приспосабливается” к нуждам и запросам любой эпохи. Но, признавая это, атеизм невольно свидетельствует в пользу религии. Ведь хорошо известно, что именно свойство приспособляемости означает жизнеспособность организма»¹¹. Теперь, когда «пришли иные времена» (хоть и не «взошли иные имена»¹²), можем написать в добавление: религия не столько «приспосабливается» «к нуждам и запросам любой эпохи», сколько им соответствует, и не только соответствует, но и формирует их, неустанно требуя, чтобы «венец творения или ошибка природы»¹³ сам соответствовал и отвечал запросам (требованиям) религии.

В настоящей статье кратко (очень кратко!) рассматривается один из аспектов такого формирования – роль этических и философско-правовых доктрин Ветхого и Нового Заветов в истории формирования налоговых парадигм и налоговых обыкновений¹⁴, в плане их культурных (в первую очередь правовых¹⁵ и экономических) аспектов. Ведь, как заметил

⁵ Библия. Второе послание к Коринфянам святого апостола Павла. Глава 6. Стих 9.

⁶ Ярославцев В. Г. Истоки права в совести и нравственном долге // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. Сб. статей. М., 2010. С. 133.

⁷ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1990.

⁸ Легойда В. Бессилие стрелка // Известия. 2010. 22 апр. С. 6 (на дату публикации статьи ее автор – председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата).

⁹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 415.

¹⁰ Аверинцев С. С. Предисловие // Мень А. В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 1: Истоки религии. М., 1991. С. 6.

¹¹ Мень А. В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 1: Истоки религии. М., 1991. С. 23.

¹² Евтушенко Е. А. Пришли иные времена... (стихотворение). URL: <http://ev-evt.net/stihi/p/vremena.php> (дата обращения: 24.12.2013).

¹³ Разумный В. Венец творения или ошибка природы. М., 2001. Ч. 1. URL: <http://www.razumny.ru/venec1.pdf> (дата обращения: 24.12.2013); М., 2002. Ч. 2. URL: <http://www.razumny.ru/venec2.pdf> (дата обращения: 24.12.2013); М., 2003. Ч. 3. URL: <http://www.razumny.ru/venec3.pdf> (дата обращения: 24.12.2013).

¹⁴ Дёмин А. В. Налоговые обыкновения в системе источников налогового права // Российский ежегодник налогового (международного налогового) права. 2010–2012. № 2–4 / Под ред. Д. В. Винницкого. СПб., 2013. С. 254.

¹⁵ Понимаемых в широком смысле (см., напр.: Адыегалова Г. Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб., 2012; Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004; Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012).

экономист-философ Людвиг фон Мизес, «простой факт, что событие случилось в далекой стране в отдаленном прошлом, сам по себе не доказывает, что он не влияет на настоящее. События еврейской истории трехтысячелетней давности влияют на жизнь миллионов американских христиан сильнее, чем то, что случилось с американскими индейцами не далее второй половины XIX в.»¹⁶. Обоснованию «идеи воскресения права на основе его религиозных (этических) начал» посвящены работы заместителя директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации В. И. Лафитского¹⁷.

Налоги и сборы – тема актуальная и популярная в Древнем мире, если, конечно, не ограничиваться в их определении рамками определений налога и сбора, представленных в ст. 8 Налогового кодекса РФ, а понимать под ними все те обязательные платежи, которые и в современном мире широкими слоями населения воспринимались бы как налоги или сборы.

Например, А. Б. Ранович, ссылаясь на работу немецкого историка античности У. Вилькена 1899 г., приводит перечень 86 налогов и сборов, взимавшихся в Римской империи (по данным из папирусов и остраков), в том числе: налог на наследство, сбор при уплате налога за выписку квитанции и прикладывание печати, налог за владение рабами (с головы), налог на торговый оборот, налог на предметы роскоши, сбор за обмен или размен денег, сбор на содержание статистиков и счетчиков по исчислению налогов, сбор на канцелярские принадлежности для правительственных учреждений, сбор на содержание начальника района, сбор на содержание сборщика налогов, сбор на папирус для канцелярий. А. Б. Ранович завершает перечень словами: «Кроме того, упоминается множество налогов и сборов, значение которых осталось невыясненным. Ряд налогов, взимавшихся в Египте в эпоху Птолемеев, сохранился, надо полагать, и в римскую эпоху. Вилькен насчитал всего 213 разных статей налогов»¹⁸.

Что касается «невыясненного» в налогообложении, то такого всегда было много в истории, и не только Древнего мира. В. О. Ключевский сетует: «Я не решаюсь сказать, с какой степенью подробности должны мы изучить терминологию древнерусских налогов. Это самая запутанная, т. е. наименее изученная, сфера явлений нашей древней истории...»¹⁹. Впрочем, в возможности сохранения (не то что в истории, но хотя бы среди современников) связи с термином однозначно определенного объема понятия сомневались уже античные юристы. Так, Яволен, римский юрист первой трети II в., утверждал: «Всякая дефиниция в гражданском праве опасна, ибо мало случаев, когда она не может быть опрокинута»²⁰ (в новом переводе Дигест Юстиниана это звучит не столь красочно: «В гражданском праве всякое определение опасно, ведь недостаточно того, чтобы оно не могло быть опрокинута»²¹).

Добавим к этому затруднения с однозначным разделением налога как обязательного платежа в денежной или натуральной форме, взимаемого в принудительном порядке в пользу казны (монарха, государства или иного публично-правового образования), и жертвы тоже в натуральной или денежной форме, но обусловленной религиозными верованиями, в тех случаях, когда она также требуется в обязательном порядке или воспринимается таковой. Отношение к ним не тождественное, не говоря уж о том, когда жертва формально добровольна, в том смысле, что без угрозы санкций, хотя и тут неясно: считать ли санкцией осуждение, высказанное, но не подкрепленное силой.

В любом случае «необходимо различать понятия податей, уплачиваемых государству, и податей храму, так как жертва Богу имеет совсем другой духовный и нравственный

¹⁶ Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с англ. Челябинск, 2009. С. 261.

¹⁷ Лафитский В. И. 1) Воскресение права. Часть первая. Дни созидания. Часть вторая. В мире распятого Христа. М., 2008; 2) Воскресение права. Часть третья. Книги завета. М., 2009.

¹⁸ Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 53.

¹⁹ Ключевский В. О. Терминология русской истории // Ключевский В. О. Соч. В 9 т. Т. 6: Специальные курсы. М., 1989. С. 158.

²⁰ Яволен / Дигесты Юстиниана. Книга 50. Титул XVII. Фрагмент 202 (цит. по: Нерсесянц В. С. Примечания // Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 488–489).

²¹ Яволен / Дигесты Юстиниана. Книга 50. Титул XVII. Фрагмент 202 // Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. VII. Полутом 2. М., 2005. С. 563.

смысл, отличный от светских отношений»²². Автор процитированного – А. В. Брызгалин, один из ведущих российских специалистов по налоговому праву, рассказал, как у него «глаза открылись» на это различие. Рассказ его столь красочен, что приведем его лишь с небольшими купюрами:

«В начале 2008 года наш небольшой авторский коллектив... лихорадочно заканчивал книгу “Налоги. Люди. Время... или этот безграничный Мир Налогов”. <...> Так вот, в книге был небольшой раздел, который назывался “Библия и налоги”, где мы собрали несколько притч и цитат о налогообложении. Однако, понимая, что в вопросах теологии мы не особо сильны, я попросил своего доброго знакомого Отца Николая посмотреть эту главу, чтобы там мы чего неправильного или нетолерантного не написали. Отец Николай любезно согласился, дал почитать богословам из епархии (и такие есть), которые высказали нам несколько ценных замечаний. Но главное даже не это... Вот как мы собирали и обрабатывали материал? Да примерно так – есть в тексте Библии слова “налог”, “подать”, “дань”, все, ура, нашли “про налоги из Библии”. А богословы нас поставили на место. Вот что было написано в рецензии (почти цитирую): “Налог как плата государю и налог как жертва Божия – есть вещи разные, т. к. жертва Богу имеет совсем другой духовный и нравственный смысл, отличный от светских отношений”. Только вслушайтесь. Как сказано точно, метко, ясно и по существу! У меня прям как глаза открылись. Как просто по форме, но сильно по содержанию! После такой рецензии мы, естественно, переписали практически весь этот раздел, т. к. не все то, что есть дань, можно считать налоговыми отношениями. Вот уж воистину “другой духовный и нравственный смысл”»²³.

Впрочем, впоследствии этот же авторский коллектив несколько меняет свою мнение и пишет: «В мирное время на самых ранних ступенях государственной организации общества система налогообложения воспринималась как необходимое *жертвоприношение*, основанное не на добровольных, а на общеобязательных моральных требованиях общества. Можно даже сказать, что первые налоги представляли собой жертвоприношения богам, немного позже правителям, и только потом – государству (курсив наш. – Е. М.)»²⁴.

Действительно, «налог как плата государю и налог как жертва Божия есть вещи разные», но есть у этих вещей и кое-что существенно общее, о чем пишет немецкий ученый: «Налог и жертва должны казаться нам, современным людям, такими же непримиримыми понятиями, как принуждение и добровольность. И все же налог и жертва имеют много общего и на протяжении тысячелетий были одним и тем же сбором, а именно сбором, шедшим божеству, храму, священникам, королю или властелину. Оба понятия – жертва и налог – представляют собой древнейшие явления человеческой культуры и цивилизации, и, пожалуй, не найдется лучшего источника для подтверждения сказанного, чем Библия и описание жизни Иисуса Христа»²⁵. И далее он же, утверждая, что жертвоприношение было одной из архаичных начальных форм налогообложения (с оговоркой, что на вопрос «жертва или налог» «нельзя ответить однозначно, поскольку он связан с ранним этапом развития цивилизации»), пишет: «Теоретически принесение жертвы базируется на доброй воле, но всем известно, как быстро заканчивается добровольное начало, становясь принуждением, неписанным законом, когда жертва ожидается, то есть если отказ от нее будет кем-то плохо воспринят или даже вызовет гнев богов»²⁶.

Соответственно пишет и д-р юрид. наук, член-корреспондент РАН Г. В. Мальцев: «Религиозная практика жертвоприношений, древнейшая и сохранившаяся в наши дни, – это

²² Брызгалин А. В., Берник В. Р., Головкин А. Н. Налоги. Люди. Время... или этот безграничный Мир Налогов. Екатеринбург, 2008. С. 91.

²³ Брызгалин А. В. Налоги и религия... или история о том, как я получил из церкви рецензию на книгу «Налоги. Люди. Время...» // [Персональный блог Аркадия Брызгалина]. URL: http://www.nalog-briz.ru/2010/09/blog-post_6776.html (дата обращения: 16.12.2013).

²⁴ Брызгалин А. В., Берник В. Р., Головкин А. Н. Налоги. Люди. Время... или этот безграничный Мир Налогов. С. 28.

²⁵ Хойзер К. Жертва и налог. От античности до современности // Все начиналось с десятины: этот многоликий налоговый мир / Пер. с нем; сб. статей; под общ. ред. Б. Е. Ланина. М., 1992. С. 39.

²⁶ Там же. С. 42–43.

то, что можно назвать сакральным контрактуализмом. Не нужно напрягать воображение, чтобы увидеть в акте принесения людьми жертвы Богу более или менее простую схему соглашения, договора. Приняв жертву от человека, Бог берет на себя обязательство перед ним. Конечно, это ирреальное отношение, но психологически оно переживается людьми вполне актуально, тем более что рядом развиваются схожие реальные отношения человека с человеком, построенные по той же договорной схеме»²⁷.

Или, как, например, полагать – добровольной жертвой или обязательной податью даваемое согласно сказанному во Второй книге Моисея. Исход (глава 30, стихи 11–16): «И сказал Господь Моисею, говоря: когда будешь делать исчисление сынов Израилевых при пересмотре их, то пусть каждый даст выкуп за душу свою Господу при исчислении их, и не будет между ними язвы губительной при исчислении их; всякий, поступающий в исчисление, должен давать половину сикля, сикля священного; в сикле двадцать гер: пол-сикля приношение Господу; всякий, поступающий в исчисление от двадцати лет и выше, должен давать приношение Господу; богатый не больше и бедный не меньше полсикля должны давать в приношение Господу, для выкупа душ ваших; и возьми серебро выкупа от сынов Израилевых и употребляй его на служение скинии собрания; и будет это для сынов Израилевых в память пред Господом, для искупления душ ваших». Как пишет английский богослов Ф. В. Фаррар, «после возвращения из плена этот... полсикль обратился в ежегодную добровольную подать», но далее (в следующем же абзаце) он утверждает: «Подать эта была настолько обязательна, что когда собирали ее в первый день месяца Адара, ее требовали спокойно и вежливо; если же она не была уплачена до 25 числа, то сборщики ее могли даже брать залог от неисправного плательщика»²⁸.

Это та же подать, о которой говорится в Евангелии от Матфея (глава 17, стихи 24–27): «Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали: Учитель ваш не даст ли дидрахмы? Он говорит: да. И когда вошел он в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних? Петр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: итак, сыны свободны; но, чтобы нам не соблазнить их, пойдй на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и, открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя»²⁹.

Добавим к этому, что в Ветхом Завете упоминаются и такие жертвы, которые не только не были добровольными, но, будучи обязательными, воспринимались населением еще хуже, чем налоги, – например, о таких жертвах «по слову» сирийского царя Антиоха IV Эпифана говорится в Первой книге Маккавейской (глава 1, стихи 44–51).

И потому представляется очевидным, что, например, отношение к обязанности по храмовой или священнической десятина психологически сказывается и на отношении к налоговым обязанностям публично-правового характера (сказывается, наряду с другими факторами, на формировании этого отношения). Как пишет видный юрист и историк права, «право обычно ассоциируется с видимой стороной, с продуктами труда, но изучение истории западного права, и особенно его истоков, показывает, что оно коренится в самых глубоких верованиях и чувствах людей. Без страха перед чистилищем и надежды на Судный день западная традиция права не могла бы возникнуть», и «невозможно понять революционность западной традиции права, не исследовав ее религиозного измерения»³⁰. И не только западной: как пишет Г. В. Мальцев, «византийское право стремится везде, где возможно, соединить юридическую обязанность с христианским делом»³¹.

²⁷ Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М., 2013. С. 206.

²⁸ Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. М., 1991 / Репринтное издание книги: Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа / Пер. с 30-го англ. изд. А. П. Лопухина. СПб., 1893. С. 306, 307.

²⁹ Дидрахма (две драхмы) приравнивалась к полусиклю священному; четыре драхмы (тетрадрахма) составляли статир, который приравнивался к полному сиклю священному (Денежные единицы в Новом Завете // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1979. С. 1372).

³⁰ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. 2-е изд. М., 1998. С. 533 и 165 соответственно.

³¹ Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М., 2013. С. 370.

Поэтому представляет интерес и контекстуальное использование слова «десятина» в Библии; чаще всего оно употребляется для указания на жертву (пожертвование), обусловленную религиозными верованиями.

Поиск³² в Синодальном переводе Библии на русский язык, выполненный по ключевым словам (во всех их падежах) *налог, подать, пошлина, дань, оброк, сбор, десятина, начатки, данник, мытарь, сборщик податей*, дал следующие результаты (далее по каждому ключевому слову расположенные в той же последовательности, в какой расположены книги в Ветхом и Новом Заветах).

Слово *налог* в Ветхом завете встречается в 5 местах: Первая книга Ездры (глава 4, стихи 13 и 20; глава 7, стих 24); Вторая книга Ездры (глава 8, стих 22); Вторая книга Маккавейская (глава 11, стих 3).

Редкое использование слова *налог* в переводе Ветхого Завета на русский язык неудивительно ввиду сравнительно позднего вхождения этого слова в оборот в русском языке (в отечественной экономической литературе термин *налог* впервые появляется в 1765 г. в работе историка А. Поленова³³). Чаще используется слово *подать*, которое встречается в 20 местах Ветхого Завета: Вторая книга Царств (глава 19, стих 42; глава 20, стих 24); Третья книга Царств (глава 4, стих 6; глава 9, стих 15; глава 12, стих 18); Первая книга Ездры (глава 4, стихи 13 и 20; глава 6, стих 8; глава 7, стих 24); Книга Неемии (глава 5, стих 4); Вторая книга Ездры (глава 2, стих 19; глава 6, стих 29); Книга Есфири (глава 10, стих 1); Книга пророка Исаии (глава 31, стих 8); Книга пророка Даниила (глава 11, стих 20); Первая книга Маккавейская (глава 1, стих 29; глава 3, стихи 29 и 31; глава 10, стих 29; глава 11, стих 28).

Слово *пошлина* в Ветхом Завете встречается в 4 местах: Первая книга Ездры (глава 4, стихи 13 и 20; глава 7, стих 24); Первая книга Маккавейская (глава 10, стих 29).

Слово *дань* (взятое для поиска, поскольку в Ветхом Завете оно нередко используется в смысле, весьма близком к смыслу налога) упоминается в Ветхом Завете в 42 местах: Бытие (глава 49, стих 15); Числа (глава 31, стихи 28, 37, 38, 39, 40 и 41); Второзаконие (глава 20, стих 11); Книга Иисуса Навина (глава 16, стихи 10); Книга Судей Израилевых (глава 1, стихи 29, 30 и 31); Вторая книга Царств (глава 8, стихи 2 и 6); Четвертая книга Царств (глава 17, стихи 3 и 4); Первая книга Паралипоменон (глава 18, стихи 2 и 6); Вторая книга Паралипоменон (глава 10, стих 18; глава 17, стих 11; глава 24, стихи 6 и 9; глава 26, стих 8; глава 36, стих 4); Вторая книга Ездры (глава 2, стих 27; глава 4, стихи 7 и 50; глава 8, стих 22); Псалтирь (глава 71, стих 10); Притчи Соломона (глава 12, стих 24); Книга пророка Исаии (глава 33, стих 18); Книга пророка Иезекииля (глава 45, стих 13); Первая книга Маккавейская (глава 8, стихи 4 и 7; глава 11, стих 35; глава 13, стих 37; глава 15, стихи 5, 30 и 31); Вторая книга Маккавейская (глава 4, стих 28; глава 8, стихи 10 и 36).

Слово *оброк* упоминается в Ветхом Завете 1 раз: в Первой книге Маккавейской (глава 11, стих 34).

Слово *сбор* упоминается в Ветхом Завете в 8 местах: Первая книга Маккавейская (глава 10, стихи 40, 41, 42 и 44; глава 11, стих 35; глава 12, стих 45; глава 13, стихи 37 и 39).

Слово *десятина* в Ветхом Завете встречается в 35 местах: Левит (глава 27, стихи 30, 31 и 32); Числа (глава 18, стихи 21, 24, 26 и 28); Второзаконие (глава 12, стихи 6, 11 и 17; глава 14, стихи 22, 23 и 28; глава 26, стих 12); Первая книга Царств (глава 1, стих 21); Вторая книга Паралипоменон (глава 31, стихи 5, 6 и 12); Книга Неемии (глава 10, стихи 37 и 38; глава 12, стих 44; глава 13, стихи 5, 12 и 44); Книга Товита (глава 1, стихи 6 и 7; глава 5, стих 14); Книга Иудифи (глава 11, стих 13); Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова (глава 35, стих 8); Книга пророка Амоса (глава 4, стих 4); Книга пророка Малахии (глава 3, стихи 8 и 10); Первая книга Маккавейская (глава 3, стих 49; глава 10, стих 31; глава 11, стих 35).

³² Мосин Е. Ф. 1) О налогах и налоговых отношениях в Ветхом завете // Жизнь. Безопасность. Экология. 2010. № 1–2. С. 102–106; 2) О налогах и налоговых отношениях в Новом завете // Там же. С. 106–107.

³³ Брызгалов А. В., Берник В. Р., Головкин А. Н. Налоги. Люди. Время... или этот безграничный Мир Налогов. С. 72.

Слово *начатки* в Ветхом Завете встречается в 25 местах (как отмечено³⁴, слова *начаток* и *приношение начатков* указывают на бытовавший тогда обычай жертвовать божеству первое как залог последующего): Исход (глава 22, стих 29; глава 23, стих 19; глава 34, стих 22); Левит (глава 2, стих 12); Числа (глава 15, стихи 20 и 21; глава 18, стих 12); Второзаконие (глава 18, стих 4; глава 26, стихи 2 и 10); Первая книга Царств (глава 2, стих 29); Вторая книга Паралипоменон (глава 31, стих 5); Книга Неемии (глава 10, стихи 35 и 37; глава 12, стих 44; глава 13, стих 31); Книга Товита (глава 1, стих 6); Книга Иудифи (глава 11, стих 13); Притчи Соломона (глава 3, стих 9); Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова (глава 7, стих 34; глава 35, стих 7; глава 45, стих 25); Книга пророка Иезекииля (глава 20, стих 40; глава 44, стих 30; глава 48, стих 14).

Слово *данник* упоминается в Ветхом Завете в 7 местах: Книга Иисуса Навина (глава 17, стих 13; глава 19, стих 47); Книга Судей Израилевых (глава 1, стихи 28 и 33); Плач Иеремии (глава 1, стих 1); Первая книга Маккавейская (глава 1, стих 4; глава 8, стих 2).

Слово *мытарь*, неоднократно встречающееся в Новом Завете, в Ветхом Завете отсутствует.

Словосочетание *сборщик податей* в Ветхом Завете встречается только 1 раз: в Книге пророка Даниила (глава 11, стих 20).

В Синодальном переводе Нового Завета слова *налог*, *дань*, *начатки*, *данник* и словосочетание *сборщик податей* не встречаются.

Слово *подать* встречается в следующих 8 местах Нового Завета: Евангелие от Матфея (глава 17, стих 25; глава 22, стихи 17 и 19); Евангелие от Марка (глава 12, стих 14); Евангелие от Луки (глава 20, стих 22; глава 23, стих 2); Послание к Римлянам (глава 13, стихи 6 и 7).

Слово *пошлина* в Новом Завете встречается в 4 местах: Евангелие от Матфея (глава 9, стих 9; глава 17, стих 25); Евангелие от Марка (глава 2, стих 14); Евангелие от Луки (глава 5, стих 27).

Слово *оброк* встречается в Новом Завете 1 раз: в Послании к Римлянам (глава 13, стих 7).

Слово *сбор* в интересующем нас смысле не встречается в Новом Завете (в ином смысле встречается в Первом Послании к Коринфянам (глава 16, стихи 1 и 2)).

Слово *десятина* в Новом Завете встречается в 4 местах: Евангелие от Матфея (глава 23, стих 23); Евангелие от Луки (глава 11, стих 42); Послание к Евреям (глава 7, стихи 2 и 9).

Слово *мытарь* в Новом Завете встречается 21 раз: Евангелие от Матфея (глава 5, стих 46; глава 9, стихи 10 и 11; глава 10, стих 3; глава 11, стих 19; глава 18, стих 17; глава 21, стихи 31 и 32); Евангелие от Марка (глава 2, стихи 15 и 16); Евангелие от Луки (глава 3, стих 12; глава 5, стихи 27, 29 и 30; глава 7, стихи 29 и 34; глава 15, стих 1; глава 18, стихи 10, 11 и 13; глава 19, стих 2).

Хотя, как отмечено выше, некоторые специалисты полагают, что одной из ранних форм налогообложения являлось также и обязательное жертвоприношение, специальный поиск в этом направлении не проводился (не проводился поиск, например, по слову *приношения*, но проводился, например, по слову *начатки*).

При использовании приведенных результатов поиска по ключевым словам следует иметь в виду, что в Ветхом и Новом Заветах немало мест, в которых нет ни одного из слов, выбранных выше ключевыми, но где, тем не менее, речь идет о том, что в других местах описывается с использованием таких (ключевых) слов, – неполная репрезентативность ключевого множества.

Например, в Четвертой книге Царств (глава 15, стих 20): «И разложил Менаим это серебро на Израильтян, на всех людей богатых, по пятидесяти сиклей серебра на каждого человека, чтобы отдать царю Ассирийскому. И пошел назад царь Ассирийский и не остался там в земле»; в Четвертой книге Царств (глава 23, стих 35): «И серебро и золото давал Иоаким фараону; он сделал оценку земле, чтобы давать серебро по приказанию фараона; от

³⁴ Ринекер Ф., Майер Г. Библейская Энциклопедия Брокгауза. URL: <http://www.bible-center.ru/dict/brodict> (дата обращения: 12.10.2009).

каждого из народа земли, по оценке своей, он взыскивал серебро и золото для того, чтобы отдавать фараону Нехао». Или в Евангелии от Луки (глава 18, стихи 11 и 12): «Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю» (ясно, что здесь, среди прочего, речь идет и о десятине, но поиск по ключу *десятина* этого не выявляет).

В Библейской Энциклопедии Брокгауза³⁵ отмечается, что *налог* в Ветхом Завете «иногда обозначает подать храму», что в Синодальном переводе Библии обозначено словом *дань*, примером чему является следующий перевод текста из Второй книги Паралипоменон (глава 24, стихи 6 и 9): «И призвал царь Иодая, главу их, и сказал ему: почему ты не требуешь от левитов, чтобы они доставляли с Иудеи и Иерусалима дань, установленную Моисеем, рабом Господним, и собранием Израильтян для скинии собрания? И провозгласили по Иудее и Иерусалиму, чтобы приносили Господу дань, наложенную Моисеем, рабом Божиим, на Израильтян в пустыне».

Но, как отмечено в той же Библейской Энциклопедии Брокгауза, все же чаще слово *налог* в Ветхом Завете обозначает отчисления государству, в частности, для выплаты дани за счет налога с населения (вышецитированные стих 20 главы 15 и стих 35 главы 23 Четвертой книги Царств).

Говоря «об укорененности культуры в почве веры», протоиерей Александр Мень обращает внимание на то, что «ведь формы культуры определяются в первую очередь тем, как воспринимает человек окружающий мир, что он думает о себе, о жизни, о Высшем, какие этические принципы руководят его поступками, какие идеалы вдохновляют его творчество. Словом, культура в конечном счете зарождается в недрах того, что можно называть религией в широком смысле слова»³⁶. Очевидно, что это относится и к правовой, в том числе налогово-правовой, культуре.

Как и все жизнеописание еврейского народа в Ветхом Завете, налогообложение (в самом широком смысле этого слова, включающем как обязательные, так и «добровольно-обязательные» денежные и натуральные платежи и иные взимания) и сопутствующая ему, порожденная им и породившая его налогово-правовая культура (также в самом широком смысле каждого из трех последних слов) древнего народа представлены в Ветхом Завете с удивительными для современного читателя откровенностью, нелицеприятностью и беспристрастием.

Пример, правда, единственный такого рода, – из Книги Неемии (глава 5, стихи 1–5): «И сделался большой ропот в народе и у жен его на братьев своих Иудеев. Были такие, которые говорили: нас, сыновей наших и дочерей наших много; и мы желали бы доставать хлеб и кормиться и жить. Были и такие, которые говорили: поля свои, и виноградники свои, и дома свои мы закладываем, чтобы достать хлеба от голода. Были и такие, которые говорили: мы занимаем серебро на подать царю под залог полей наших и виноградников наших; у нас такие же тела, какие тела у братьев наших, и сыновья наши такие же, как их сыновья; а вот, мы должны отдавать сыновей наших и дочерей наших в рабы, и некоторые из дочерей наших уже находятся в порабощении. Нет никаких средств для выкупа в руках наших; и поля наши, и виноградники наши у других».

В наше время такого, разумеется, нет. Но все же не исключены такие случаи налогового произвола, аналогию которым можно найти в реплике: «Исторические примеры убедительно доказывают, что налогообложению есть пределы. Однако из событий позднего феодализма нельзя сделать вывода, где же точно пролегли эти границы. Можно лишь сказать, что в каждом случае налогообложение выходило далеко за эти границы»³⁷.

Однако трудно представить, чтобы в наше время некто описал налоговый произвол в таком же нелицеприятном духе, как это сделано в Ветхом Завете, и написанное было бы

³⁵ Там же.

³⁶ Мень А. В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 1: Истоки религии. М., 1991. С. 27.

³⁷ Хэфеле Х. Границы налогообложения. Размышления финансового политика // Все начиналось с десятины: этот многоликий налоговый мир: Сб. / Пер. с нем. М., 1992. С. 383.

воспринято его согражданами так, что было бы сохранено в качестве имеющего каноническое значение. Ибо так писать о своем времени изнутри «племени» (а не снаружи, где это может даже одобряться и поощряться) не позволяет цензура или самоцензура (последняя нередко «с успехом преодолевает» запрет, установленный ч. 5 ст. 29 Конституции РФ). Конечно, в ситуации налогового произвола некоторые авторы в запальчивости могут дойти даже до характеристики наблюдаемого как «налогового террора»³⁸ или утверждать, что «новое время начинается с госмонополии на насилие, а заканчивается госмонополией на налоговую безответственность»³⁹, но канонизированы (в переносном смысле, разумеется) такие характеристики, конечно, не будут.

Вместе с тем беспристрастие описания в Ветхом Завете – это не то беспристрастие, с каким «дьяк, в приказах поседельй, / Спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимая равнодушно, / Не ведая ни жалости, ни гнева»⁴⁰.

Беспристрастие описания в Ветхом Завете другое – то, о котором католические экзегеты монсеньор Энрико Гальбиати, заведующий Амбросианской библиотекой (знаменитой старейшей публичной библиотекой Италии) и Алессандро Пьяцца, епископ епархии Альбенги-Империи (Италия)⁴¹ писали: «Это беспристрастие является одной из наиболее оригинальных черт, характеризующих всю библейскую историю. Она часто кажется историей, направленной против Израиля, – в таком неблагоприятном свете предстают провинности отдельных людей и всего народа. И все-таки она написана не врагами, а израильтянами. Это не творение какого-то одинокого пессимиста: сколько рук и сколько веков сотрудничали в создании этого произведения: поэты и законодатели, летописцы и пророки. Когда мы читаем летописи месопотамских и египетских государей, мы находим только похвалы правителям, восторг народа, бесконечные победы, совсем как в некоторых военных сводках. Когда же мы читаем историю израильтян, то перед нами только страдающие люди, даже если их имена – Самсон и Соломон, народ “жестоковыйный”, переносящий бедствие за бедствием. И вспоминаются слова Бога, приведенные во Втор 31, 26: “Возьмите сию книгу закона, положите ее одесную ковчега завета Господа Бога вашего и она там будет свидетельством против тебя”. Кроме писателей-евреев, есть Другой Некто, строгий и беспристрастный. Он написал без лести обвинительный документ против тех, кого любил»⁴² (отметим, что ветхозаветный закон – это, разумеется, не закон в современном понимании⁴³; об этом Г. В. Мальцев: «Библейское Пятикнижие – это не кодекс законов в современном смысле этого слова, хотя юридический характер божественных откровений и заповедей нередко лежит на поверхности, обнаруживается, например, в том, что, подобно нормам права, они связаны с позитивными и негативными санкциями»⁴⁴).

Но может ли быть, чтобы документ воспринимался как написанный беспристрастным и вместе с тем осуждающим свидетельствующим? Может – в той мере, в какой «суждение и осуждение – близки»⁴⁵. Современный исследователь, требующий точных формулировок, с этим может не согласиться. Но ведь и о нас можно сказать наподобие того, как сказал о других Эудженио Гарэн, один из крупнейших знатоков истории культуры эпохи Возрождения: «Поздняя греческая культура была в некотором роде холодной игрой теологическими формулами, в ней почти исчезла жизненная сила. Греки презирали латинян за их недостаточную эрудицию; но для этих последних древние авторы были живыми, их

³⁸ Пархачева М. А., Шеленков С. Н. Налоговый террор. М., 2007.

³⁹ Талев Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. М., 2014. С. 174.

⁴⁰ Пушкин А. С. Борис Годунов // Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. Т. 4. С. 193.

⁴¹ Сведения о должностях на 02.02.1985 – из предисловия к пятому изданию цитируемой книги.

⁴² Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет) / пер. под ред. Л. Харитоновой. Милан; М., 1992. URL: http://traum.bkload.com/authors/galbiati_enriko_pyatstsa_alessandro#.UssbtPun5ac (дата обращения: 08.01.2014).

⁴³ См., например, изящную и краткую характеристику ветхозаветного закона, данную Рудольфом Бульманном (лютеранским теологом и одним из основоположников диалектической теологии): Бульманн Р. Иисус // Путь. 1992. № 2. С. 10–11.

⁴⁴ Мальцев Г. В. Культурные традиции права: Монография. М., 2013. С. 236.

⁴⁵ Библия. Ветхий Завет. Книга Иова. Глава 36. Стих 17.

голоса вызывали трепет и давали пищу для размышлений. То, что приверженцам “буквы” казалось недостаточной осведомленностью, очень часто оказывалось верностью духу»⁴⁶.

Самая, пожалуй, характерная черта налоговой парадигмы Ветхого Завета – отсутствие призыва к «налоговому смирению», к непротивлению жестокому налоговому бремени насилем. В Третьей книги Царств (глава 12, стих 18) бесстрастно фиксируется: «И послал царь Ровоам Адонирама, начальника над податью; но все Израильтяне забросали его камнями, и он умер; царь же Ровоам поспешно взошел на колесницу, чтоб убежать в Иерусалим». Во Второй книге Ездры (глава 2, стихи 16–19): «Во время же царствования Артаксеркса, царя Персидского, Вилем и Мифридат, и Тавеллий и Рафим, и Веелтефм и Самеллий писец и другие, согласившиеся с ними, обитавшие в Самарии и других местах, писали ему следующее письмо: Царю Артаксерксу, господину, рабы твои Рафим, описатель происшествий, и Самеллий писец, и прочие из совета их, и судьбы, находящиеся в Келе-Сирии и Финикии. Да будет ныне известно господину царю, что вышедшие от вас к нам Иудеи, придя в Иерусалим, в этот отступнический и коварный город, устроят площади его, возобновляют стены и полагают основание храма. Итак, если этот город будет отстроен и стены его окончены, то они не только не согласятся платить подати, но и восстанут против царей».

Можно ли объяснить отсутствие «налогового смирения» одной только тяжестью налогового бремени? Ведь, как отмечает Карл Брингман, «еврейский народ, и прежде всего крестьянское население, находился под двойным налоговым гнетом. За счет повинностей он содержал еврейское храмовое государство, финансировал жертвоприношения, оплачивал и содержал аристократов – верховных священнослужителей и сословия священников и левитов. Впрочем, он нес не только расходы по содержанию теократического порядка в соответствии с положениями религиозных законов, но и был вынужден брать на себя расходы, связанные с чужеземным господством. Едва ли будет ошибочным предположение, что это двойное налогообложение поглощало по крайней мере треть всех доходов, получаемых от сельского хозяйства страны. <...> Во многих случаях единственным способом избежать преследования налоговых органов было бегство в пустыню или в дикие горы»⁴⁷. В Первой книге Маккавейской (глава 10, стихи 25–30) приводится письмо сирийского царя Деметрия I Сотера (из династии Селевкидов): «Царь Димитрий народу Иудейскому – радоваться. <...> Ныне же разрешаю вас и освобождаю всех Иудеев от податей и пошлины с соли и с венцов; и за третью часть семян и половинную часть древесных плодов, принадлежащую мне, отныне и впредь я отменяю брать...». Величина вынужденно предоставленной льготы – свидетельство тяжести долготного налогового бремени: треть семян, половина плодов...

Тем не менее не только, и, возможно, даже не столько, тяжесть налогового бремени формировала налоговую парадигму еврейского народа (в древности это бремя было повсеместно тяжелым, хотя и разной степени тяжести). «Народные чаяния» – «именно они сформировали облик иудейства той эпохи и среду, в которой было возведено Евангелие»⁴⁸.

В Ветхом Завете «отношения людей и Бога достигают высокой степени юридизации, которая впоследствии снимается в христианстве»⁴⁹, юридизации с теми ее последствиями, которые хорошо знакомы нам по современным налоговым спорам, – Книга пророка Исаии (глава 28, стих 13): «И стало у них словом Господа: заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного, там немного, – так что они пойдут, и упадут навзничь, и разобьются, и попадут в сеть и будут уловлены».

Знарок греческой и римской истории, профессор Клаус Брингман, цитируя пророка Исаию (Книга пророка Исаии (глава 62, стих 8): «Господь поклялся десницею Своею и крепкою мышцею Своею: не дам зерна твоего более в пищу врагам твоим, и сыновья чужих

⁴⁶ Гарэн Э. Платонизм и достоинство человека // Гарэн Э. Проблемы итальянского возрождения. Избранные работы. М., 1986. С. 113.

⁴⁷ Брингман К. Налоги и иноземное господство. Иудея во времена Христа // Все начиналось с десятины: этот многоликий налоговый мир / Пер. с нем; сб. ст.; под общ. ред. Б. Е. Ланина. М., 1992. С. 99.

⁴⁸ Мень А. В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 6: На пороге Нового Завета: От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя. М., 1993. С. 242.

⁴⁹ Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М., 2013. С. 254.

не будут пить вина твоего, над которым ты трудился» и задаваясь при этом вопросом, как можно «привести к единому знаменателю опыт многих столетий» и это обещание Бога? – отвечает на него так: «Тот, кто непременно хотел найти смысл в этой непостижимости, мог утешать себя мыслью о том, что Бог карает свой народ за грехи и непослушание, ввергая его во владычество язычников, а практическим выводом, который он мог сделать, было подчинение благочестивых евреев игу пришельцев до тех пор, пока Господь не избавит от них свой народ. Таким образом, он мог одновременно верить во всемогущество и справедливость Создателя и все же мириться с гнетом чужеземного владычества. Но во времена Иисуса подобные мысли отнюдь не были само собой разумеющимся делом. Тогда возрасало влияние учения, отвергавшего пассивное примирение с иноземным игом. При этом его сторонники главным вопросом считали вопрос о налогах. По их мнению, платить налоги римскому императору означало непослушание Богу, и было немало людей, для которых это убеждение стало руководством к действию. Они уклонялись от регистрации в списках налогоплательщиков, отказывались от любого налогообложения и скорее готовы были принять смерть и подвергаться преследованиям за это. Они ушли в пустыню и начали затяжную повстанческую войну»⁵⁰. Последнее – о зелотах («ревнителях», «приверженцах») – религиозное и социально-политическое движение восставших в Иудее, возникшее в эпоху Маккавеев: «И воскликнул Маттафия в городе громким голосом: всякий, кто ревнует по закону и стоит в завете, да идет вслед за мною!»⁵¹.

Прошло немногим более полутора столетий – и новый призыв, снова к восстанию, но другому и по содержанию, и по форме:

«Я призываю вас к восстанию против
Законов естества и разума:
К прыжку из человечества –
К последнему безумью –
К пересозданию самого себя»⁵².

Новый Завет. Протоиерей Александр Мень утверждал: «Каждый, кто сравнивал оба Завета, может легко убедиться в их неразрывной связи. Язык Иисуса – это язык Торы и Пророков, насыщенный их понятиями и образами. Узы не порываются даже тогда, когда Христос оставляет Ветхий Завет далеко позади»⁵³. Но вместе с тем при всей силе этой связи отношение Ветхого Завета и отношение Нового Завета к начальствующим из смертных различны. И это одно из последствий того, о чем Гилберт Честертон писал: «Трудно выразить или описать заново, как изменила саму идею закона и отношение к отверженным мысль о Боге, рожденном вне общества. Поистине после этого не могло быть рабов. Могли быть и были люди, носящие этот ярлык, пока Церковь не окрепла настолько, чтобы его снять, но уже не могло быть язычески спокойного отношения к рабству. Личность стала ценной в том особом смысле, в каком не может быть ценным орудие, и человек не мог более быть орудием, во всяком случае – для человека»⁵⁴.

Ветхий Завет требует от человека безусловного и беспрекословного повиновения, но лишь тогда, когда речь идет о Боге; более того, как отмечал видный библеист И. П. Вейнберг, «следует согласиться с теми исследователями... которые признают послушание Йахве, безусловное повиновение ему основой ветхозаветной системы моральных ценностей и норм, стержнем ветхозаветного идеального человека»⁵⁵.

Но в Ветхом Завете нет категорически объявленного требования беспрекословного повиновения земным властям. Пожалуй, точнее, требование есть, например, во Второй книге

⁵⁰ Брингман К. Налоги и иноземное господство. Иудея во времена Христа. С. 92–93.

⁵¹ Библия. Ветхий Завет. Первая книга Маккавейская. Глава 2. Стих 27.

⁵² Волошин М. А. Бунтовщик (стихотворение) // Волошин М. А. Стихотворения и поэмы. СПб., 1995 (Б-ка поэта. Большая серия). С. 324.

⁵³ Мень А. В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 6. С. 423.

⁵⁴ Честертон Г. К. Вечный человек / Пер. с англ. М., 1991. С. 200.

⁵⁵ Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 186. URL: <http://www.e-reading.co.uk/book.php?book=141558> (дата обращения: 27.01.2014).

Моисея. Исход (глава 22, стих 28): «Судей не злословь и начальника в народе твоём не поноси». Но все же звучит оно не очень громко. Иное – Новый Завет. Он требует повиновения Богу, но он также требует повиновения и земным властям. Конечно, характер и контекстная сила этих требований – повиновения Богу и повиновения земным властям – существенно различаются между собой, но это такое различие, за которым стоит и некое сходство. Более того, требование повиновения земным властям обосновывается ссылкой на Бога.

Первое соборное послание святого апостола Петра (глава 2, стихи 13–21): «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, – как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите. Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его».

Первое послание к Тимофею святого апостола Павла (глава 6, стих 1): «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение».

Послание к Титу святого апостола Павла (глава 2, стих 9): «Рабов увещивай повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить».

Понадобились века, чтобы возникло мнение: «Если император, по внушению дьявола, издает приказ, противоречащий божественному закону, ему не следует подчиняться; надо считать, что безбожный приказ, исходящий от безбожного человека, не имеет никакой силы»⁵⁶ (с этим мы не сопоставляем известное высказывание «налог – это дозволенная форма грабежа», поскольку Фома Аквинский дал его совсем в ином контексте, нежели его нынешнее расхожее понимание).

И о «налоговом смирении»⁵⁷ – Послание к римлянам святого апостола Павла (глава 13, стихи 1–8): «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые. И так отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон».

Здесь уже отчетливо звучит то «освобождение права от субъективно-нравственного чувства, его овнешнивание и объективирование», которое «является для истории права тем же, чем для истории культуры было изобретение буквенного письма, – право сделалось вследствие этого способным к изображению и чтению»⁵⁸.

Первый из стихов 13-й главы Послания к римлянам, о которой философ Б. П. Вышеславцев заметил: «Кто не цитировал этой замечательной главы ап. Павла? История попеременно то восхищалась, то возмущалась ее словами»⁵⁹, известный богослов А. П. Лопухин

⁵⁶ Диль Ш. Основные проблемы византийской истории / Пер. с фр.; под ред. С. Д. Сказкина. URL: http://royallib.ru/book/dil_sharl/osnovnie_problemi_vizantiyskoy_istorii.html (дата обращения: 30.01.2014).

⁵⁷ Подробнее см.: Мосин Е. Ф. Тема добросовестного плательщика податей в Послании к римлянам святого апостола Павла // Знание и вера (Вторые Хайкинские чтения): Материалы Междунар. науч. конф. 20–21 ноября 2009 г. / Отв. ред. Н. В. Медведев, Н. М. Аверин. Тамбов, 2010. С. 241–244.

⁵⁸ Иеринг Р. Дух римского права // Иеринг Р. Избранные труды. В 2 т. Т. II. СПб., 2006. С. 289.

⁵⁹ Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994 (Сер. «Библиотека этической мысли»). С. 205.

толковал так: «В гражданской жизни христианин должен проявлять свое благоговение пред Богом в повиновении установленным от Бога властям», а в целом главу 13 Послания к Римлянам – таким образом: «В следующей, увещательной, части своего послания Павел делает христианам римским разъяснение тех обязанностей, какие они приняли на себя со вступлением в Церковь Христову. Веру свою во Христа они должны обнаружить в своей жизни – прежде всего, как члены церковного общества (гл. XII), а потом как члены государства, сознательно подчиняющиеся государственному закону (XIII, 1–12)»⁶⁰. Но – Б. П. Вышеславцев писал: «...в земной власти, возникшей после грехопадения, есть нечто нравственно-недопустимое и вместе с тем нравственно-необходимое»⁶¹.

Говоря о новозаветной налоговой парадигматике, нельзя не обратить особое внимание на знаменитое «кесарево кесарю, а Божие Богу» в Евангелии от Марка (глава 12, стихи 13–17): «И посылают к Нему некоторых из фарисеев и иродиан, чтобы уловить Его в слове. Они же, придя, говорят Ему: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо, но истинно пути Божию учишь. Позволительно ли давать подать кесарю или нет? давать ли нам или не давать? Но Он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его. Они принесли. Тогда говорит им: чье это изображение и надпись? Они сказали Ему: кесаревы. Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу».

Влияние этого отрывка на формирование налогового мировоззрения очевидно и несомненно, но суть его столь многократно и подробнейше исследовалась за два тысячелетия, что не в данной журнальной статье ее обсуждать. Отделаться цитатой тоже не получится: слишком уж много и великолепно об этом сказано.

Можно, конечно, в светском контексте статьи процитировать Эрнеста Ренана: «Его подчинение предрезающим властям, в глубине полное насмешки, было безупречно по внешности. Он платил дань Кесарю, чтобы не возбуждать скандала. Свобода и право не от мира сего, – зачем же смущать жизнь щекотливыми пустяками? Презирая землю, убежденный в том, что окружающий мир не заслуживает внимания, он спасался в свое идеальное царство и полагал основание великому учению трансцендентного презрения, истинной доктрине душевной свободы, которая одна дает мир. <...> Словами “отдайте Кесарево Кесарю и Божие – Богови” он создал нечто чуждое политике, пристанище для душ среди царства грубой силы. Разумеется, такое учение представляло опасности. Установить в принципе, что для признания законной власти достаточно взглянуть на монету, провозгласить, что совершенный человек платит подать с презрением к ней, не споря, значило уничтожить республику древнего образца и потворствовать всем тираниям. В этом смысле христианство много содействовало ослаблению гражданского правового сознания и отдавало мир в безотчетную власть совершившихся фактов»⁶². Но, думается, что применительно к процитированному (и без экстраполяции на прочее) можно согласиться с профессором-библеистом М. Э. Посновым: «У Ренана нет ни веры, ни серьезной науки. Печальный разлад между верою и наукою в великом вопросе о личности Основателя Новозаветной Церкви он пытается примирить на почве эстетической, художественной, – в области, чуждой вере и не сродной науке. Вот почему Ренан превратил “жизнь Иисуса” в красивый роман»⁶³.

Попутно заметим, что к сборщикам налогов – мытарям население относилось отрицательно, и в Новом Завете мытари упоминаются часто в негативном плане: в параллель с грешниками (Евангелие от Матфея – глава 9, стихи 10 и 11; глава 11, стих 19; Евангелие от Марка – глава 2, стихи 15 и 16; Евангелие от Луки – глава 5, стих 30; глава 7, стих 34; глава 15, стих 1), язычниками (Евангелие от Матфея – глава 18, стих 17), блудницами

⁶⁰ Толковая Библия или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Под ред. А. П. Лопухина. Т. 10. Петербург, 1912. URL: http://www.golden-ship.ru/load/1/lopukhin_a_p/tolkovaja_biblija_poslanie_sv_apostola_pavla_k_rimljanam_lopukhin_a_p/278-1-0-838 (дата обращения: 22.01.2014).

⁶¹ Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии. С. 209.

⁶² Ренан Э. Ж. Жизнь Иисуса / Пер. с фр. М., 1991. С. 125–126.

⁶³ Поснов М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). Брюссель, 1964. С. 53.

(Евангелие от Матфея – глава 21, стихи 31 и 32). На этом фоне блестяще чеканно и актуально на все времена звучит ответ Иоанна Крестителя (Евангелие от Луки, глава 3, стихи 12–13): «Пришли и мытари креститься, и сказали ему: учитель! что нам делать? Он отвечал им: ничего не требуйте более определенного вам».

Жизнь показала, что Новым Заветом требовалось многое невозможное (как полагал Л. И. Петражицкий, «идеал любви в нашем смысле есть не только сверхправный, что само собой разумеется, но и сверхнравственный идеал»⁶⁴), но, может быть, только поэтому человечество добилось столь многого из возможного. Применительно к праву: «Тот факт, что право по самой своей природе имеет как материальный, так и идеологический характер, связан с другим фактом – что право одновременно растет снизу вверх, из структуры и обычаев всего общества, и движется сверху вниз под влиянием политики и ценностей людей, стоящих у власти. Право помогает интегрировать и то и другое»⁶⁵.

Безусловно, в адрес Церкви можно многое предъявить (и это многократно предъявляли и предъявляют) в упрек за ее проповеди (фактически, требования) безусловной покорности властям, в том числе в части налогообложения. В ее поведении было немало от «практической» логики Фрэнсиса Бэкона: «...раз уж должны быть на свете заимодавцы и должники, а люди столь жестокосердны, что не хотят ссужать безвозмездно, то ростовщичество должно быть дозволено»⁶⁶. Людвиг фон Мизес прав, утверждая, что «католическая церковь смогла сохранить свои позиции только попустительствуя поведению мирян, которое открыто игнорировало большую часть, если не все принципы Евангелий. Ценности, определявшие действия правящих классов, абсолютно отличались от церковных. И крестьяне не жили в согласии с Евангелием от Матфея...»⁶⁷.

По сути, аналогична этому и позиция Гарольда Бермана, задающего вопрос: «...как смогли две противоположные экономические системы, феодализм и капитализм, сосуществовать в обществе, правящие слои которого посвятили себя увековечению единственной, внутренне последовательной системы убеждений?» и отвечающего на него: «... социальная и экономическая деятельность купцов не осталась за пределами нравственной проблематики. Сложилась общественная и экономическая мораль, которая должна была привести души купцов к спасению. И эта мораль воплотилась в праве. Право было мостом между торговой деятельностью и спасением души»⁶⁸.

Вместе с тем и в ответ этому можно многое сказать такого, суть чего хорошо выразил христианский мыслитель Гилберт Честертон: «Не раз и не без основания говорили, что Церковь часто венчалась с сильными мира сего; что ж, она часто вдовела. Враги говорили, что она – супруга кесарей, и это так странно сейчас, словно ее называли супругой фараонов. Говорили, что она супруга феодалов, но феодалов нет и в помине, а она здесь. Все мирское шло своим путем до естественного конца; казалось бы, тут кончиться и Церкви. Она и кончалась – но рождалась снова»⁶⁹. И, в конце концов, «любая религия, которая не может... улучшить человеческую жизнь, может искусственно поддерживаться в течение краткого времени, но лишена долгосрочных перспектив»⁷⁰.

В интересующем же нас юридическом (в том числе налогово-правовом) плане уместен и другой ответ: «Будучи религиозно, мифологически и идеологически нагруженными, обусловленными историческим и социокультурным контекстом, принципы права принципиально полисемантически и достаточно произвольно трансформируются (редуцируются)

⁶⁴ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб., 2010. С. 593.

⁶⁵ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М., 1998. С. 533.

⁶⁶ Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 443.

⁶⁷ Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с англ. Челябинск, 2009. С. 37.

⁶⁸ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. С. 319 и 320 соответственно.

⁶⁹ Честертон Г. К. Вечный человек. С. 257.

⁷⁰ Оксфордское руководство по философской теологии / Сост. Т. П. Флинт и М. К. Рей; ред. М. О. Кедрова, 2013 (глава 3 «Наука и религия», автор Д. Рэтш). С. 127.

в законодательство, иные формы права, правосознание и правопорядок. В то же время, подвергаясь постоянной авторитетной интерпретации со стороны правящей (в том числе правоведческой) элиты, они выполняют унифицирующую роль относительно правовой системы, выступая ее “последним” (или первым) обоснованием»⁷¹.

Выше были кратко (очень кратко!) рассмотрены этические и философско-правовые доктрины Ветхого и Нового заветов с точки зрения их исторического влияния на формирование налоговых парадигм. Этому влиянию мы обязаны многим. В том числе и ставшими каноническими формулами о том, что каждый обязан платить налоги и сборы, но лишь законно установленные (ст. 57 Конституции РФ и ст. 3 Налогового кодекса РФ), что налоговое законодательство должно основываться на признании всеобщности и равенства налогообложения, что при установлении налогов должна учитываться фактическая способность налогоплательщика к уплате налога (ст. 3 Налогового кодекса РФ).

Но можно ли полагать, что это влияние закончилось? Новейшая история отвечает на этот вопрос явно отрицательно.

В этом плане уместно процитировать видного швейцарского теолога Ганса (Ханса) Кюнга (одного из идеологов модернизации католицизма), который, приступая к рассмотрению выделенных им шести основных типов парадигм⁷² теологии и Церкви, писал: «Предвижу встречный вопрос: не является ли религиозное измерение измерением абсолюта, вечного, измерением неизменной истины? Можно ли перед лицом вечной истины мыслить изменение, непостоянство? Может быть, все должно пребывать в неизменности, так, как было всегда, чтобы Бог оставался Богом?» и далее продолжал: «Отвечу: солнце и звезды были, есть и будут, но Птолемей и Коперник смотрели на них совершенно по-разному – для каждого существовал свой мир, своя парадигма. Слово Бога было, есть и будет, но каждое время внимает ему на свой лад. Что это означает? А вот что: истина всегда доступна нам только в исторически обусловленной форме: неизменная, вечная истина передается всегда в новых парадигмах, в новых констелляциях убеждений, ценностей, методов и т. п.»⁷³.

И в заключение: «То, что выживает, должно эффективно служить какой-то (по большей части скрытой) цели, которую видит время, хотя наши глаза и логические способности эту цель ухватить не в состоянии»⁷⁴.

Аннотация. Кратко рассматриваются исторические аспекты влияния этических и философско-правовых доктрин Ветхого и Нового заветов на формирование налоговых парадигм. Отмечается, что это влияние продолжает действовать и в культуре современной эпохи. Показывается различие в характере требования повиновения земным властям в Ветхом и Новом Заветах.

Ключевые слова. Налогообложение, религия, этика, философия права, парадигма, культура.

Annotation. The article briefly discusses the historical aspects of the impact of ethical, philosophical and legal doctrines of the Old and New Testaments on the formation of tax paradigms. It is noticed that this influence continues to operate in the culture of the modern era. It is shown the differences in the nature of demands for obedience to earthly authorities in the Old and New Testaments.

Keywords. Taxation, religion, ethics, philosophy of law, paradigm, culture.

⁷¹ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 465.

⁷² Последнюю (шестую) он именуется «постсовременной», “постмодерной” парадигмой настоящей эпохи» и полагает, что она будет «экуменической парадигмой» (Кюнг Г. Куда идет христианство? // Путь. 1992. № 2. С. 152–155, 157–158).

⁷³ Там же. С. 145.

⁷⁴ Талеб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. М., 2014. С. 463–465.

БЕРНАЦКИЙ ГЕОРГИЙ ГЕНРИХОВИЧ

Родился в 1950 г. в Ленинграде. Окончил философский факультет Ленинградского государственного университета и юридический факультет Санкт-Петербургской Академии МВД России.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: gberg@yandex.ru

BERNATSKY GEORGE

Was born in 1950 in Leningrad. Has ended faculty of philosophy of the Leningrad State University and faculty of law of St.-Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The head of chair of the theory and history of the state and the right of the St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: gberg@yandex.ru

ГОЛЬЦОВ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ

Родился в 1965 г. в г. Горький. Окончил в 1993 г. факультет подготовки руководителей кадрово-воспитательной работы Санкт-Петербургского юридического института МВД России.

Профессор кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Доктор юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки:

golz2005@yandex.ru

GOLTSOV VLADIMIR

Was born in 1965 in Gorky. Graduated from St.-Petersburg Legal Institute of the Ministry on Internal Affairs of Russia, faculty of leadership training personnel and educational work (1993). Professor of the chair of criminology of the St.-Petersburg Legal Institute of the Ministry on Internal Affairs of Russia.

Doctor of jurisprudence, the senior lecturer.

E-mail: golz2005@yandex.ru

ДУБРОВСКАЯ ИРИНА ИГОРЕВНА

Родилась в г. Геленджик Краснодарского края. Окончила экономический факультет Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Аспирантка кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Юрист в ЗАО «ЛексКледере консалтинг».

Контактная информация для переписки:

dubrovskaya-88@mail.ru

DUBROVSKAYA IRINA

Born in Gelendzhik of Krasnodar Region. Graduated from the faculty of economics of the St.-Petersburg University of Economy and Finance. Postgraduate of chair of civil law of the St.-Petersburg State University of Economy.

Lawyer in ZAO «LeksKledere consulting».

E-mail: dubrovskaya-88@mail.ru

ДЯТЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Окончил в 1983 г. Омский государственный университет. Профессор кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор экономических наук, профессор.

Контактная информация для переписки:

dyatlovsergai@yandex.ru

DIATLOV SERGEY

In 1983 graduated from the Omsk State University. Professor of chair of general economic theory of the St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of economic sciences, professor.

E-mail: dyatlovsergai@yandex.ru

ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ

Профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор юридических наук.

Контактная информация для переписки:

ivanov_ivan70@mail.ru

IVANOV IVAN

Professor of chair of criminal law and criminal process of the St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence.

E-mail: ivanov_ivan70@mail.ru

КЛЮКАНОВА ЛАРИСА ГЕННАДЬЕВНА

Окончила юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

Доцент кафедры охраны окружающей среды юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки:

klyukanova.l@yandex.ru

KLYUKANOVA LARISA

Graduated from the Law Faculty of the St.-Petersburg State University. The senior lecturer of chair of Environment law of the St.-Petersburg State University.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: klyukanova.l@yandex.ru

ЛИВЕРОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1947 г. в Ленинграде. Окончил математико-механический и юридический факультеты Ленинградского государственного университета. Профессор кафедры конституционного права, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор юридических наук.

Контактная информация для переписки: pravo@finec.ru

LIVEROVSKY ALEXEI

Was born in 1947 in Leningrad. Has ended faculty of law and faculty of mathematics and mechanics of the Leningrad State University. The doctor of jurisprudence, professor of chair of constitutional law of the St.-Petersburg State University of Economy.

E-mail: pravo@finec.ru

МИРОНОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1970 г. в Тамбове. Окончил Санкт-Петербургскую православную духовную семинарию в 1996 г. и Санкт-Петербургскую православную духовную академию в 2000 г. Преподаватель кафедры церковно-практических дисциплин Санкт-Петербургской православной духовной академии.

Кандидат богословия.

Контактная информация для переписки:

canonica@yandex.ru.

MIRONOV ALEXANDR

Was born in 1970 in Tambov. Has ended St.-Petersburg Orthodox Theological Seminary in 1996 and St.-Petersburg Theological Academy in 2000.

Lecturer of Department of church-practical disciplines of the St.-Petersburg Theological Academy.

Candidate of theology.

E-mail: canonica@yandex.ru

МОСИН ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ

Родился в 1944 г. в Красноярске. Окончил Ленинградский механический институт (Военмех), Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов и юридический факультет Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов. Доцент кафедры правового регулирования экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат технических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: mosin_ef@mail.tu

MOSIN EUGENE

Was born in 1944 in Krasnoyarsk. Graduated from the Leningrad Mechanical Institute (Voenmekh), St. Petersburg State University of Economy and Finance and faculty of law of St.-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. The lawyer of the St.-Petersburg City Bar Association. The senior lecturer of chair of the legal regulation of economy of the St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of technical sciences, senior lecturer.

E-mail: mosin_ef@mail.tu

МУТАЛИЕВА ЛЭЙЛА САСЫКБЕКОВНА

Заместитель начальника кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: lei74@rambler.ru

MUTALIEVA LEYLA

Deputy Head of chair of the civil law of St.-Petersburg University of State Fire Service of Emergency Situations of Russia.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: lei74@rambler.ru

ОСТАПОВИЧ ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ

Родился в 1976 г. в Зырянске Восточно-Казахстанской области. Окончил Восточно-Казахстанский государственный университет в 2002 г. по специальности «юриспруденция».

Доцент кафедры теории и истории государства и права Горно-Алтайского государственного университета.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки:

ostapovich7@mail.ru

OSTAPOVICH IGOR

Was born in 1976 in Zyryanovsk of East-Kazakhstan region. Graduated from East Kazakhstan State University in 2002, majoring in «Jurisprudence».

The senior lecturer of chair of theory and history of state and law of the Gorno-Altai State University.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: ostapovich7@mail.ru

УТКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Профессор Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России.

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: utkinnick@mail.ru

UTKIN NICOLAI

Professor of St.-Petersburg University of State Fire Service of Emergency Situations of Russia.

Doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: utkinnick@mail.ru

ФОМИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1977 г. в Пензе. Окончил факультет юстиции Саратовской государственной юридической академии по специальности «юриспруденция».

Профессор кафедры конституционного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки: fominpenza@mail.ru

FOMIN ALEXEI

Was born in 1977 in Penza. Graduated from the faculty of justice of Saratov State Academy of law, specialization – jurisprudence. Professor of chair of constitutional law of the St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: fominpenza@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ученые записки юридического факультета» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – правоведов, юристов-практиков, сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления.

Присланные авторами статьи проходят обязательное рецензирование. Материалы студентов, аспирантов и соискателей принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации необходимо представить в редакцию рукопись в двух формах – на бумажном и электронном носителях. Средний объем рукописи 0,5–1,0 авторских листа (20 000–40 000 знаков, включая пробелы). Текст рукописи должен быть представлен в формате: Word for Windows, формат страницы А4 (210x297), поля – 20 мм, шрифт Times New Roman, размер шрифта (кегель) – 14, интервал – полуторный. Пристатейный библиографический список оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Кроме файла с основным текстом статьи, должен быть представлен отдельный файл с информацией об авторе/ах:

- фамилия, имя, отчество автора;
- год и место рождения;
- образование (с указанием высшего учебного заведения и факультета);
- место работы, должность;
- ученое звание, ученая степень (если имеются);
- контактная информация (почтовый адрес, контактный телефон и адрес электронной почты).

В приложении к тексту статьи должны быть представлены следующие сведения **на русском и английском языках:**

- фамилия, имя, отчество автора;
- название статьи;
- ключевые слова (5-6 слов) и аннотация, отражающая содержание статьи (50–250 слов).

Фотография автора/ов (отдельным файлом в формате jpeg с высоким разрешением) обязательна.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 6/8

Телефон: (812) 602-23-65

E-mail: zapiski@finec.ru; pravo@finec.ru

Научное издание

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
юридического факультета**

Научный редактор А. А. Ливеровский
Выпуск 32 (42)

Редакторы *Ю. К. Мамедова, Р. Я. Гучмазова*
Компьютерная верстка – *С. В. Павлова*

Свидетельство ПИ № ФС 77-57278 от 12 марта 2014 г. выдано Северо-Западным окружным
межрегиональным территориальным управлением Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Лицензия № 040050 от 15.08.96.
Подписано в печать 21.03.2014 г. Формат 60x84¹/₈ Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 12,0.
Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21